

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

— РОМАН —

ПЕТРОВ ГОРИ
САТНАВИНА ИЮНДА
ИЮССЕЛСКИ

ПОЛИНА САЙМОНС

Блистательная эпопея
о любви, войне и России.

Goodreads

18+

The Big Book

Полина Саймонс
Медный всадник

«Азбука-Аттикус»

2001

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Саймонс П.

Медный всадник / П. Саймонс — «Азбука-Аттикус»,
2001 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-24813-7

22 июня 1941 года, когда радиоэфир взорвала весть о начале войны, Татьяна Метанова поступила скорее как легкомысленная француженка, чем рассудительная советская девушка. Надев белое с красными розами платье и радуясь летнему дню, она вышла на улицу родного Ленинграда навстречу своей судьбе. Да, такое могло случиться только с Татьяной. Из всех молодых людей ее сердце слепо выбрало поклонника сестры, а из всех русских солдат и офицеров ей приглянулся американец! И трудно было бы вообразить более беспечных, пылких и счастливых влюбленных, захлеб читающих друг другу Пушкина, – если бы не блокада... и не сестра. «Медный всадник» – первый роман захватывающей трилогии Полины Саймонс, американской писательницы, которая родилась в Советском Союзе, но, когда ей исполнилось десять лет, вместе с семьей переехала в Соединенные Штаты. Спустя многие годы Полина вернулась в Россию, чтобы найти материалы для новой книги и вместе со своими героями оказаться в осажденном городе и пройти сквозь тяжкие испытания, которые выпали на долю страны, вовлеченной в водоворот Второй мировой войны.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-24813-7

© Саймонс П., 2001
© Азбука-Аттикус, 2001

Содержание

Книга первая. Ленинград	10
Часть 1	10
Марсово поле	10
Подводные течения	42
Огонь и гром	89
Распяты в пространстве	119
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Полина Саймонс Медный всадник

Paullina Simons
THE BRONZE HORSEMAN

Copyright © 2001 by Paullina Simons
Published by arrangement with William Morrow, an imprint of HarperCollins Publishers
All rights reserved

© Т. А. Перцева (наследник), перевод, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

* * *

the big book

**МЕДНЫЙ
ВСАДНИК**

ПОЛИНА САЙМОНС

АЗБУКА
Санкт-Петербург

Любимым бабушке и дедушке, Марии и Льву Гендлерам, которые прошли через Первую мировую войну, русскую революцию, Гражданскую войну, пережили Вторую мировую войну, Ленинградскую блокаду, эвакуацию, голод и репрессии, Ленина и Сталина и провели

*золотые сумерки своей жизни, а именно двадцать летних сезонов
без кондиционера, в Нью-Йорке. Благослови вас Господь!*

*Но даже далеко от побережья
И в тишине дней ясных, безмятежных
Мы взором мысленным способны увидеть
Движение мощных вод то вдаль, то вспять
И чутким ухом уловить готовы
Привычный звук, но неизменно новый:
Детей, играющих у моря, смех беспечный
И рокот волн неумолимых в беге вечном.*

Уильям Вордсворт (Перевод Е. Ф. Лезиной)

Книга первая. Ленинград

Часть 1

Прозрачные сумерки

Марсово поле

1

Лучи солнца пробивались сквозь окно, заливая комнату утренним светом. Татьяна Метанова спала безмятежным сном человека, исполненного радости теплых белых ленинградских ночей, околдованного жасминовым ароматом июня, но более всего опьяненного жизнью. Сном беззаботной юности.

Спать ей оставалось недолго.

Когда солнечные лучи пересекли комнату и упали на изножье кровати, Татьяна натянула на голову простыню, пытаясь отгородиться от дневного света. Но тут приоткрылась дверь, и Татьяна услышала, как скрипнули половицы. Это была Даша, ее сестра.

Дарья. Дашутка. Дашенька. Дашка.

Самое дорогое, что есть у Татьяны.

Однако сейчас ей больше всего на свете хотелось придушить сестру. Та пыталась ее разбудить и, к сожалению, своего добилась.

Сильные руки Даши энергично трясли Татьяну; как правило, такой мелодичный голос противно шипел:

– Ну же, Таня, проснись! Вставай.

Татьяна протестующе заворчала, но Даша стянула с нее простыню.

Никогда еще разница в семь лет не была столь очевидной. Черт возьми, как же хочется спать! И что этой Даше...

– Отстань! – пробормотала Татьяна, безуспешно пытаясь удержать простыню. – Не видишь, я сплю! В конце концов, ты мне не мать!

Дверь опять отворилась. Снова скрипнули половицы. Вот теперь это действительно была мать.

– Таня! Ты проснулась? Немедленно вставай!

А вот мамин голос мелодичностью не отличался, тут уж ничего не скажешь! Да и вообще в Ирине Метановой не было ничего гармоничного. Маленькая, шумливая, громогласная, бурлившая отрицательной энергией. Волосы перехвачены косынкой: вероятно, она все утро проползала на коленях, отмывая коммунальную ванную. Голубой летний сарафан был смят, на лбу выступили капли пота. Очевидно, воскресный день особой радости ей не принес.

– Ну же, мама... – простонала Татьяна, не поднимая головы.

Дашины волосы коснулись ее спины. Опустив руку на бедро сестры, Даша наклонилась и чмокнула ее в затылок. Мимолетная нежность охватила Татьяну, но прежде, чем Даша успела что-то сказать, раздался резкий мамин голос:

– Немедленно поднимайся! Через несколько минут по радио передадут важное сообщение.

– Где ты была прошлой ночью? – шепнула Татьяна сестре. – Явилась чуть ли не утром!

– Что же тут поделаешь, – смеясь, оправдывалась Даша, – если рассвет теперь едва ли не в полночь! Так что, когда я вернулась, было не так уж и поздно. Вы все спали.

– Рассвело только в три, и тебя еще не было!

Даша нахмурилась:

– Скажу папе, что застряла на том берегу реки, когда развели мосты.

– Скажи-скажи! Посмотрим, что он ответит, особенно когда объяснишь, что именно делала на другом берегу реки в три часа ночи.

Татьяна повернулась на спину. Сегодня Даша выглядела особенно привлекательной. Темно-каштановые волосы беспорядочными прядями ниспадали на плечи, а оживленное круглое личико с темными глазами то и дело меняло выражение. В данный момент оно пылало добродушным возмущением. То же, хотя куда менее добродушное, чувство владело и Татьяной. Когда же ее наконец оставят в покое и дадут поспать?

Но, заметив напряженно сжатые губы матери, Татьяна невольно встревожилась:

– А какое сообщение?

Мать молча принялась убирать простыни с дивана.

– Мама! Какое сообщение? – повторила Татьяна.

– Через несколько минут будут передавать правительственное сообщение. Это все, что я знаю, – сухо ответила мать, покачивая головой, словно говоря: *чего тут не понять?*

Татьяна неохотно села. Сообщение. Не часто бывает такое, когда прерывают музыку, чтобы сделать официальное заявление.

– Может, мы снова вторглись в Финляндию? – пробормотала она, потирая глаза.

– Тише! – прошипела мать.

– А может, это они напали на нас. Хотят получить обратно свои территории, потерянные в прошлом году.

– Мы никуда не вторгались, – произнесла Даша. – И в прошлом году мы отвоевывали *свои* территории. Те, что потеряли в Первой мировой войне. И нечего подслушивать взрослые разговоры!

– Никаких территорий мы не теряли, – возразила Татьяна. – Товарищ Ленин отдал их добровольно. Это не считается.

– Таня, мы не воюем с Финляндией. Вставай!

Но Татьяна и не подумала слушаться.

– Значит, Латвия? Литва? Белоруссия? Нет, вряд ли. Ведь мы их освободили от гнета...

Тогда что же?

– Хватит чушь молоть, Татьяна!

Мать всегда звала ее полным именем, когда сердилась и хотела показать дочери, что сейчас не время дурачиться. Татьяна, однако, не унималась:

– Все же как это понимать? Я сгораю от нетерпения!

– Я сказала – хватит! – воскликнула мать. – Довольно! Немедленно вставай! Дарья, подними свою сестрицу с постели.

Даша не пошевелилась.

Мать, недовольно ворча, вышла из комнаты. Даша, быстро повернувшись, заговорщически шепнула:

– Мне нужно кое-что тебе сказать.

– Что-нибудь хорошее? – вскинулась Татьяна. Даша обычно не откровенничала с младшей сестрой.

– Свершилось! – театрально провозгласила та. – Я влюблена!

Татьяна закатила глаза и плюхнулась на подушку.

– Перестань! – воскликнула Даша, запрыгнув на нее сверху и придавив к матрасу. – Это серьезно!

– Ну да, как же! Встретила его вчера, когда развели мосты? – ухмыльнулась Татьяна.
– Вчера у нас было третье свидание.

Татьяна тяжело отдувалась, глядя на лучившуюся радостью сестру.

– Слезь же с меня наконец!

– А вот и нет, – хихикнула Даша, принимаясь ее щекотать. – Ни за что, пока не скажешь: «Я счастлива за тебя».

– С чего это вдруг? – сказала Татьяна. – И вовсе я не счастлива! Не я же влюблена! Отстань от меня!

В комнату снова вошла мать с подносом, на котором стояли чашки. Поставив его на стол, она удалилась и вернулась с самоваром.

– Да угомонитесь вы или нет? Слышите?

– Да, мама, – послушно отозвалась Даша, напоследок ткнув сестру в бок.

– Ой! – завопила Татьяна. – Она мне все ребра переломала!

– Я вот сама сейчас вам кое-что переломаю! Вы уже слишком взрослые для подобных игр! Даша показала Татьяне язык.

– Тоже мне, взрослая! – фыркнула Татьяна. – Двухлетний ребенок и тот умнее! Только мамочка об этом не знает.

Но Даша продолжала дурачиться. Татьяна ловко подпрыгнула и ухватила ее за язык. Даша взвизгнула. Татьяна разжала пальцы.

– Что я сказала?! – повысила голос мама.

– Увидишь его – сама влюбишься, – прошептала Даша Татьяне. – До чего красивый!

– Неужели лучше того Сергея, с которым ты ко мне приставала? Все твердила, как он красив!

– Прекрати! – прошипела Даша, шлепнув ее.

– Ни за что! – пропела Татьяна. – Кажется, это было на прошлой неделе!

– Где тебе понять, глупая девчонка! – отмахнулась Даша, снова шлепнув сестру.

Мать опять прикрикнула на них, и обе притихли.

В комнате появился глава семейства, Георгий Васильевич Метанов, приземистый мужчина лет сорока пяти. Густые взъерошенные черные волосы его только начали седесть. Это от него унаследовала Даша свои непокорные локоны.

Он прошел мимо кровати, безучастно взглянул на дочь, все еще прятавшуюся под простыней, и резко бросил:

– Таня, уже полдень. Немедленно вставай, иначе хуже будет. Чтобы через две минуты была одета!

– Легко, – ответила Татьяна, прыгая на кровати и демонстрируя семье, что на ней вечерашняя блузка и юбка.

Даша с матерью только головой покачали. Мать поспешно отвернулась, чтобы скрыть улыбку.

– Что нам с ней делать, Ирина? – вздохнул отец, глядя в окно.

Ничего, подумала Татьяна, главное, чтобы папа поменьше обращал на нее внимание.

– Скорее бы выйти замуж! – буркнула Даша, все еще сидевшая на кровати. – Тогда, по крайней мере, хоть комната была бы, где можно спокойно одеться!

– Шутишь? – хихикнула Татьяна, снова подпрыгнув на кровати. – Всего и добьешься, что твой муж тоже сюда вселится. Мы с тобой и с ним уместимся на кровати, а Паша ляжет у нас в ногах. До чего же романтично, просто сил нет!

– Не выходи замуж, Дашенька, – рассеянно сказала мать. – Хоть в этом Таня права. У нас нет места.

Отец молча включил радио.

В их длинной узкой комнате умещались кровать, на которой спали Татьяна с Дашей, диван для отца с матерью и низкая раскладушка, где ночевал Паша, Татьянин брат-близнец. Топчан стоял в изножье кровати, поэтому Паша именовал себя комнатной собачкой.

Бабушка с дедом жили в соседней комнате, куда можно было попасть через короткий коридор. Там, на маленькой кушетке, иногда спала Даша, когда приходила поздно и не хотела никого беспокоить, особенно родителей, от которых на следующий день наверняка можно было ждать нагоняя. Кушетка в коридоре была всего метра полтора длиной и больше подходила для Татьяны, не отличавшейся высоким ростом. Но Татьяна редко являлась домой после полуночи. Вот Даша – дело другое.

– Где Паша? – спросила Татьяна.

– Завтракает, – отмахнулась мать, не переставая хлопотливо прибираться.

В противоположность отцу, застывшему на диване, она порхала по комнате как пчелка, собирая пустые папиросные коробки, поправляя книги на полке, вытирая рукой маленький столик. Татьяна по-прежнему стояла на кровати. Даша по-прежнему сидела.

Метановым повезло: у них были две комнаты и выгороженный коридор. Шесть лет назад они сделали в конце коридора дверь, и таким образом получился отдельный вход, как в собственной квартире. Их соседи Игленко ютились вшестером в одной большой комнате, двери которой выходили в общий коридор. Что ж, ничего не поделаешь.

Солнечный свет струился сквозь развевающиеся белые занавески.

Татьяна знала: это всего лишь миг, краткое мгновение, предвестие наступающего дня. Скоро все это исчезнет. И все же... солнце, заливавшее комнату светом, отдаленный гул автобусов, легкий ветерок...

Та часть воскресенья, которую больше всего любила Татьяна, – начало.

Вошел Паша с дедом и бабушкой. Он с Татьяной ничуть не походили друг на друга, хотя были близнецами. Невысокий темноволосый паренек, точная копия отца, небрежно кивнул Татьяне и одними губами произнес:

– Классная прическа.

Вместо ответа она высунула язык. Подумаешь, не успела причесаться!

Паша уселся на топчан, а бабушка устроилась рядом. Самая высокая из Метановых, она сумела поставить себя так, что считалась в семье главным судьей и авторитетом. Величественная, рассудительная, неизменно здравомыслящая, седовласая, она вечно командовала смиренным, застенчивым дедом, со смуглого лица которого никогда не сходила добрая улыбка. Дед сел на диван вместе с папой и тяжело вздохнул:

– Должно быть, какая-то неприятность, сынок.

Отец встревоженно кивнул.

Мать продолжала сосредоточенно тереть стол. Бабушка задумчиво гладила Пашу по спине.

– Паша, – шепнула Татьяна, подбираясь к изножью кровати и дергая брата за рукав, – пойдем в Таврический сад поиграем в войну? Спорим, я тебя побью!

– Мечтать не вредно, – хмыкнул Паша. – Черта с два!

Из громкоговорителя раздались сигналы точного времени. Двенадцать часов тридцать минут. Воскресенье, 22 июня 1941 года.

– Татьяна, замолчи и сядь! – велел отец. – Сейчас начнется. Ирина, успокойся и тоже садись.

По комнате разнесся голос Молотова, наркома иностранных дел:

– Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее сообщение. Сегодня, в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали

наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города: Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие – причем убито и ранено более двухсот человек...

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории независимых народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то что между СССР и Германией был заключен договор о ненападении и советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора...

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего советского правительства, вокруг нашего великого вождя Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

Голос смолк. В комнате повисла тяжелая, напряженная тишина.

– О господи! – произнес наконец папа, не отрывая взгляда от Паши.

– Нужно немедленно взять деньги со сберкнижки, – встрепелась мама.

– Неужели опять эвакуация? – простионала бабушка Анна. – Только не это. Еще одну я не переживу. Лучше уж останусь тут.

– И работы я себе там не найду, – добавил дед. – Мне почти шестьдесят четыре. Умирать пора.

– Но ведь Ленинградский гарнизон не пойдет на фронт, верно? Фронт сам сюда подберется! – оживилась Даша.

– Война! – воскликнул Паша. – Слышишь, Таня, война. Я иду в армию. Сражаться за Родину.

Прежде чем Татьяна успела воскликнуть: «Вот это да!» – отец вскочил с дивана и бросился к сыну:

– Что ты мелешь? Кто тебя возьмет?

– Брось, папочка! – улыбнулся тот. – Хорошие солдаты везде нужны.

– Именно солдаты. Не дети! – рявкнул отец и, встав на колени, заглянул под кровать.

– Война? Но это невозможно! – проговорила Татьяна. – Разве товарищ Сталин не подписал мирный договор?

– Возможно, Таня, – вздохнула мать, разливая чай. – Все возможно.

– И нам придется *эвакуироваться*? – допытывалась Татьяна, стараясь скрыть радостное возбуждение.

Отец вытащил из-под кровати старый, потрепанный чемодан.

– Так скоро? – выпалила Татьяна.

Она знала об эвакуации по рассказам деда и бабушки, которым пришлось бежать из города во время революции семнадцатого года и поселиться где-то на Урале, в деревушке, названия которой Татьяна так и не запомнила. Ожидание поезда со всеми вещами, давка, переправа через Волгу на баржах...

Всякие перемены невероятно волновали Татьяну. Как и все неизвестное. Однажды она ездила в Москву, в восемь лет, но разве это считается? Москва, подумаешь! Это неинтересно. Не то что Африка, например. Или Урал. Кроме Красной площади, там и смотреть не на что!

Правда, Метановы часто бывали всей семьей на экскурсиях: Пушкин, Петергоф... Большевики превратили летние дворцы царской семьи в роскошные музеи с прекрасными парками. Гуляя по залам, осторожно ступая по холодному мрамору, Татьяна поверить не могла, что было время, когда *тут*, в этих огромных залах, жили люди.

Но потом семейство возвращалось в Ленинград, в две комнатухи на 5-й Советской, и прежде, чем попасть в свою комнату, Татьяне приходилось идти мимо Игленко, у которых дверь вечно была распахнута: духота там стояла невыносимая.

Когда Татьяне исполнилось три года, семья отдыхала в Крыму, том самом Крыму, который сегодня бомбили немцы. Именно тогда она в первый раз, правда и в последний, попробовала сырую картошку. Она ловила головастика в луже и спала в палатке. И до сих пор она смутно помнила запах соленой воды. Именно в холодном апрельском Черном море она впервые встретилась с медузой, которая, проплывая мимо, коснулась ее своим беловатым и студенистым тельцем и заставила взвизгнуть от ужаса и восторга.

При мысли об эвакуации у Татьяны от волнения свело живот. Рожденная в 1924-м, в год смерти Ленина, *после* революции, *после* голода, *после* Гражданской войны, она пропустила худшее, но так и не увидела лучшего. Поскольку появилась на свет в *межвременье*...

Словно догадавшись о ее внутреннем состоянии, дедушка тихо спросил:

– О чем ты думаешь, Танечка?

– Ни о чем, – ответила внучка как можно спокойнее.

– Вот как? Война началась. Понимаешь?

– Понимаю.

– А мне почему-то кажется, что нет. – Дедушка помедлил, а потом добавил: – Таня, жизнь, которую ты знала до сих пор, окончена. Помяни мои слова. С этого дня все будет совсем не так, как ты себе представляешь.

– Точно! – возбужденно воскликнул Паша. – Мы еще покажем немцам! Погоним их обратно пинками!

Он улыбнулся Татьяне. Та согласно кивнула. Мама и папа молчали.

– Да, – хмыкнул папа. – И что потом?

Бабушка поднялась и, подойдя к дивану, села рядом с дедом. Татьяна заметила, что она стиснула его руку в своей большой и морщинистой ладони, поджала губы и многозначительно кивнула. Неужели она что-то знает, но не хочет рассказывать? Дедушка тоже знал, однако смятение Татьяны было слишком велико, чтобы обращать внимание на подобные вещи. Какая, в конце концов, разница? Они уже старые и ничего не понимают!

– Что ты делаешь, Георгий? – неожиданно спросила мать, словно только сейчас увидела чемодан.

– Слишком много детей, Ирина. Не знаешь, о ком больше беспокоиться, – мрачно буркнул он, сражаясь с замками.

– В самом деле, папа? – выпалила Татьяна. – Не знаешь? А о ком меньше всего ты беспокоишься?

Отец, не отвечая, подошел к шифоньеру и принялся кое-как швырять Пашины вещи в чемодан.

– Ирина, ему нужно срочно уехать. Я отправляю его в Толмачево. В лагерь. Они с Володей Игленко как раз собирались туда на следующей неделе. Поедет немного раньше, какая разница? И Володя с ним. Нина только рада будет отпустить его. Вот увидишь, все обойдется.

Жена сокрушенно покачала головой:

– Толмачево? Думаешь, там ему ничто не грозит? Ты уверен?

– Абсолютно, – заверил отец.

– Ни за что! – завопил Паша. – Папа, война началась! Никаких лагерей. Я иду на фронт. Добровольцем.

«Молодец», – подумала Татьяна, но тут отец круто развернулся и уставился на сына с такой яростью в глазах, что Татьяна мигом прикусила язык. Отец схватил Пашу за плечи и принялся трясти:

– Что ты сказал? Совсем спятил? *Добровольцем?!*

Паша попробовал вырваться, но отец держал его железной хваткой.

– Да отпусти же, папа!

– Павел, ты мой сын и обязан меня слушаться. Прежде всего тебе необходимо убраться из Ленинграда. Потом поговорим насчет фронта. А пока нужно успеть на поезд.

Во всей этой сцене, происходившей в маленькой комнате, на глазах у всей семьи, было что-то некрасивое, чтобы не сказать постыдное. Татьяне хотелось отвернуться, но куда? Напротив сидели дед с бабушкой, за спиной – Даша, слева – мать с отцом и брат. Она опустила голову и закрыла глаза, представив, как лежит на спине посреди летнего луга и жует сладкий клевер. И никого вокруг.

Как может все настолько разительно измениться за считанные секунды?

Она открыла глаза и моргнула. Одна секунда. Еще раз моргнула. Другая.

Несколько секунд назад она спала.

Несколько секунд назад прозвучала речь Молотова.

Несколько секунд назад папа принял решение.

И вот теперь Паша уезжает. Миг, миг, миг...

Дед и бабушка дипломатично помалкивали. Как обычно. Дед всегда старался оставаться в тени. Бабушка в этом отношении была полной его противоположностью, но именно в этот момент, очевидно, решила последовать его примеру. Возможно, потому, что он стискивал ее руку, стоило ей открыть рот; как бы то ни было, она безмолвствовала.

Даша, никогда не боявшаяся отца и ничуть не обескураженная надвигавшейся, но пока еще отдаленной опасностью, живо вскочила:

– Папа, это безумие! Зачем ты его отсылаешь? Немцы далеко от Ленинграда. Ты же слышал речь товарища Молотова! Они на западных границах. Это тысячи километров отсюда.

– Помолчи, Дашенька! – бросил отец. – Ты ничего не знаешь о немцах.

– Но их здесь нет, – убежденно повторила Даша голосом, не допускавшим дальнейших возражений.

Татьяна неизменно завидовала сестре, умевшей говорить так убедительно. Ее собственный голос был тихим, как дальнее эхо, словно она еще не стала женщиной, и во многих смыслах так оно и было. Даже месячные начались у нее только в прошлом году, и вряд ли их можно было назвать месячными, скорее кварталными. Пришли зимой, решили, что это им не нравится, и ушли до осени. Осенью снова начались, но с тех пор это произошло только дважды. А если бы все было как полагается, возможно, и голос у Татьяны приобрел бы необходимую звучность, как у Даши. По Дашиным месячным можно было календарь сверять.

– Дарья! Я не собираюсь спорить с тобой на эту тему! – воскликнул папа. – Твой брат не останется в Ленинграде. Паша, одевайся! Возьми новую рубашку.

– Папа, пожалуйста...

– Я сказал, одевайся. Нельзя терять ни минуты. Через час в пионерских лагерях не останется мест, и я не сумею впихнуть тебя туда.

Наверное, было ошибкой говорить все это Паше, потому что Татьяна в жизни не видела, чтобы брат так медленно двигался. Прошло не меньше десяти минут, прежде чем он отыскал единственную приличную рубашку. Родственники тактично отвели глаза, пока он одевался. Татьяна снова представила летний луг, окутанный медовым ароматом скошенной травы. Хорошо бы съесть горсть черники...

Она неожиданно поняла, что немного проголодалась, но вряд ли стоило сейчас об этом упоминать.

– Я не хочу ехать, – жаловался Паша.

– Это ненадолго, сынок, – уговаривал отец. – Так, на всякий случай. В лагере тебе будет спокойнее. Поживешь там месяц, пока не станет ясно, как развернутся события. Потом вернешься. И если начнется эвакуация, мы заберем тебя и сестер.

Именно это Татьяна и жаждала услышать.

– Гоша, – тихо позвал дед. – Гоша!

– Да, папочка, – почтительно откликнулся отец.

Никто, даже Татьяна, не любил деда больше, чем он.

– Гоша, ты не можешь избавить мальчика от призыва.

– Конечно могу. Ему всего семнадцать.

– В том-то все и дело. Его непременно заберут.

Тень бессильного страха легла на лицо отца и тут же исчезла.

– Не заберут, – прохрипел он. – Понятия не имею, о чем ты толкуешь.

У него язык не поворачивался высказать все, что лежало на сердце: *перестаньте болтать и дайте мне спасти сына единственным известным мне способом.*

Дед молча откинулся на спинку дивана.

Татьяна, с тревогой глядя на отца, попыталась что-то сказать, но мать перебила ее:

– Пашенька, возьми свитер, дорогой.

– Какой свитер, мама? Сейчас лето.

– Две недели назад еще были заморозки.

– А теперь стоит жара. Не возьму!

– Слушайся мать, Павел, – строго вмешался отец. – В Толмачеве ночи холодные. Возьми свитер.

Паша раздраженно вздохнул, но все же бросил свитер в чемодан. Отец закрыл его и защелкнул.

– Послушайте, что я скажу. Мой план таков...

– Какой план? – отмахнулась Татьяна. – Хорошо бы поесть немного, потому что...

– Знаю, – отрезал отец, – а теперь помолчи! Это и тебя касается.

Он начал говорить, но Татьяна уже плюхнулась на постель. Если они не эвакуируются *немедленно*, какой смысл слушать?

Паша каждое лето отправлялся в лагерь для мальчиков в Толмачево, Лугу или Гатчину. Он предпочитал Лугу, потому что там были лучшие места для купания. Татьяна тоже любила, когда брат ездил в Лугу, поскольку лагерь располагался недалеко от их дачи и она могла часто навещать Пашу. Если идти лесом, то это всего пять километров. А Толмачево находилось километрах в двадцати от Луги, и вожатые там были строгие и требовали, чтобы ребята поднимались с восходом солнца. Паша утверждал, что это немного похоже на армию. Что ж, теперь это будет немного похоже на фронт.

В этот момент Даша сильно ущипнула ее за ногу. Татьяна нарочно вскрикнула в надежде, что сестре попадет. Но всем было все равно. Никто даже не заметил, не взглянул на нее. Все взгляды были устремлены на Пашу, неуклюжего и голенастого, в мешковатых коричневых брюках и выцветшей рубашке. Почти взрослый. Самый любимый.

Любимый ребенок. Любимый внук. Любимый брат.

Единственный сын.

Татьяна поднялась, встала рядом с Пашей и, обняв его за плечи, посоветовала:

– Выше нос! Хорошо тебе, едешь в лагерь, не то что я.

Он немного отстранился, но не потому, что ему было неприятно. Просто совсем не считал, что ему повезло. Татьяна знала, что брат больше всего на свете хочет попасть в армию. И ему не до дурацкого лагеря!

– Паша, – жизнерадостно объявила она, – поиграем в войну, а? Сначала ты должен меня победить. А потом можешь идти добровольцем бить фашистов.

– Заткнись, Таня, – буркнул Паша.

– Заткнись, Таня, – эхом отозвался отец.

– Папа, можно мне тоже поехать в лагерь? – не унималась она.

– Паша, ты готов? Идем, – не отвечая, бросил отец.

– Хочешь анекдот, дорогой братец? – не желая сдаваться, продолжала Татьяна, ничуть не обескураженная грубостью брата.

– Нужны мне твои глупые анекдоты!

– А этот тебе понравится.

– Что-то не верится.

– Татьяна! Сейчас не время для такой ерунды! – вмешался отец.

– Гоша, пусть девочка расскажет, – вступился дед.

– Солдата ведут на казнь, – начала Татьяна, благодарно кивнув деду. – «До чего же гнусная погода», – говорит он конвойным. «Кто бы жаловался... – говорят они. – Это нам еще обратно под дождем идти!»

Никто не шевельнулся. И даже не улыбнулся. Только Паша поднял брови, ущипнул сестру и шепнул:

– Отлично, Таня!

Она вздохнула. Сегодня не ее день, это точно.

2

– Татьяна, никаких долгих прощаний. Увидишь брата через месяц. Спустись и придержи для нас входную дверь. У мамы снова спина разболелась, – наставлял отец, когда они собрались снести вниз Пашины вещи и авоську с едой.

– Сейчас, папа.

Квартира напоминала вагон: длинный коридор, по одну сторону которого тянулось девять дверей. Кухонь было две: одна – в передней части, одна – в задней. Из них можно было попасть в ваннe и туалеты. В девяти комнатах жили двадцать пять человек. Пять лет назад жильцов было тридцать пять, но некоторые либо умерли, либо переехали, либо...

Семья Татьяны жила в задней половине, что считалось более удобным. Кухня была ближе и больше. Отсюда по узкой лестнице можно было попасть во двор и на крышу. Особенно часто этим выходом пользовалась Татьяна, чтобы выбраться из дома, не столкнувшись с психом Славинным.

Кухонная плита тоже была больше, а ванная – просторнее. Всеми этими благами пользовались еще три семьи, кроме Метановых: Петровы, Сарковы и спятивший Славин, который, правда, никогда не мылся и не готовил.

К тому же его сейчас не было в коридоре. Вот и хорошо.

Татьяна прошла мимо коммунального телефона. Сейчас по нему говорил Петр Петров. Хорошо еще, что телефон у них обычно работал. В квартире Марины, ее двоюродной сестры, телефон, похоже, замолчал навсегда: обрыв кабеля на линии, так что приходилось писать или идти в гости каждый раз, когда Татьяна хотела пообщаться с сестрой, что бывало не часто, поскольку Марина жила на другом краю города, на том берегу Невы.

Подойдя ближе, Татьяна заметила, что Петр очень взволнован. Он, очевидно, ждал, когда его соединят, и, поскольку шнур был слишком короткий, от нетерпения приплясывал на месте.

Петру ответили как раз в тот момент, когда Татьяна отошла на несколько шагов, и она вздрогнула от пронзительного крика:

– Люба! Это ты? Ничего не слышно! Линия все время занята! Люба, возвращайся в Ленинград! Слышишь? Война началась! Бери, что можешь, все остальное бросай и садись на первый же поезд! Нет, не через час, не завтра, немедленно, поняла? Сейчас! – (Короткая пауза.) – Забудь про вещи, говорю тебе! Ты слушаешь или дурака валяешь?!

Татьяна обернулась и уставилась на напряженную спину Петра.

– Татьяна! – рявкнул отец, злобно сверля ее глазами, в которых ясно читалось: *если немедленно не подойдешь...*

Но Татьяна медлила, стараясь узнать побольше из разговора соседа.

– Татьяна! – надрывался отец, уже не сдерживаясь. – Помоги же!

Татьяне пришлось отойти. Интересно, почему Петр так расстроен? И почему братец сам не способен открыть входную дверь?

Володя Игленко, ровесник Паши, вместе с ним собиравшийся в Толмачево, тоже спустился по лестнице с чемоданом в руках. В семье, кроме него, было еще трое мальчишек, так что приходилось все делать самому.

– Паша, давай я покажу, на случай если не знаешь, – прошипела Татьяна. – Смотри: кладешь ладонь на ручку и тянешь. Дверь открывается. Ты выходишь. Дверь захлопывается. Ну как, усвоил?

– Открой дверь, Таня, и не морочь мне голову, – проворчал Паша. – Неужели не видишь, у меня в руках чемодан!

Выйдя на улицу, они немного постояли молча.

– Таня, – велел отец, – возьми сто пятьдесят рублей, которые я тебе дал, и купи продукты. Только не лови ворон, а поторопись. Иди сейчас же. Слышишь?

– Слышу, папа. Сейчас же.

– Небось завалишься спать, – фыркнул Паша.

– Нам пора, – вставила мать.

– Да, – согласился отец. – Идем, Паша.

– Пока, – кивнула Татьяна, хлопнув брата по плечу.

Тот что-то буркнул и дернул ее за волосы:

– Хоть причешись, что ли. Распугаешь прохожих!..

– Заткнись! – весело огрызнулась Татьяна. – Иначе остригусь наголо.

– Ладно-ладно, пойдем, – сказал отец, потянув Пашу за руку.

Татьяна попрощалась с Володей, помахала матери, в последний раз взглянула на удаляющуюся спину брата и вернулась в дом. По пути она столкнулась с дедом, бабушкой и Дашей, которые шли в сберкассу снимать с книжек деньги.

Татьяна осталась одна и с облегченным вздохом повалилась на кровать.

Она знала, что родилась слишком поздно. Она и Паша. Следовало бы родиться в девятьсот семнадцатом, как Даша. После Даши были и другие дети, мальчики, родившиеся в девятнадцатом и двадцать первом и умершие от тифа. В двадцать втором на свет появилась девочка, погибшая от скарлатины. Наконец, в двадцать четвертом, когда умирал Ленин и близился конец НЭПа, короткого периода свободного предпринимательства, у двадцатипятилетней, но уже замученной жизнью Ирины Федоровны с семиминутным интервалом родились близнецы: Паша и Таня. Семья радовалась долгожданному мальчику, а Татьяна явилась нежеланным приложением. Близнецы? Что еще за новость? Почти неслыханная вещь! И для девочки не было места! Пришлось положить ее и Пашу в одну колыбель. Так они и спали вместе до трех лет, после чего Татьяну перевели к Даше. Но факт оставался фактом: она занимала ценное жизненное пространство. Даша не могла выйти замуж, потому что Таня спала на том месте, где полагалось лежать будущему мужу сестры. Даша часто высказывала Татьяне свои претензии.

– Из-за тебя я умру старой девой, – твердила она, на что Татьяна неизменно отвечала:

– Надеюсь, это произойдет скоро и я смогу выйти замуж и привести сюда мужа.

Окончив в прошлом месяце школу, Татьяна устроилась на работу, чтобы не проводить еще одно праздное лето в Луге, читая, катаясь на лодке и играя в дурацкие игры с детьми на пыльной дороге. Все детство Татьяна сидела летом либо на своей даче, либо на Марининой, на озере Ильмень, рядом с Новгородом.

И раньше она не могла дождаться, когда созреют огурцы и помидоры, поспеет малина, когда придет время собирать грибы и чернику, удить рыбу. Маленькие летние удовольствия...

Но этим летом все будет по-другому.

Татьяна вдруг поняла, как надоело ей быть ребенком, именно поэтому она нашла работу на заводе имени Кирова. Почти взрослый поступок. Теперь она работала и старалась каждый день читать газеты, неодобрительно качая головой при упоминании маршала Петена или Невилла Чемберлена, кризиса в Нидерландах и на Дальнем Востоке. Все это она считала признаком зрелости. Кировский завод и чтение «Правды».

Ей нравилась ее работа на самом большом заводе не только в Ленинграде, но, наверное, во всем Советском Союзе. Татьяна слышала, что в каких-то цехах собирают танки, но не верила слухам. Она не видела ни одного танка. Сама она работала в цехе, производившем столовые приборы. Ее обязанностью было укладывать ножи, ложки и вилки в специальные коробки с отделениями. На конвейере она стояла предпоследней. Последняя девушка запечатывала коробки. Татьяна жалела товарку: такая однообразная работа. Ей самой, по крайней мере, приходилось укладывать три разных набора.

Продолжая лежать, Татьяна думала о том, как здорово будет провести это лето на заводе. Правда, куда интереснее было бы эвакуироваться, увидеть новые места, познакомиться с новыми людьми...

Хорошо бы почитать немного. Она как раз начала книгу Михаила Зощенко, писавшего саркастически-язвительные рассказы из жизни обывателей. Отец, правда, строго наказал идти в магазин...

Татьяна жадно посмотрела на книгу. К чему такая спешка? Взрослые вечно торопятся как на пожар! Немцы – в двух тысячах километров! Товарищ Сталин не пустит этого предателя Гитлера вглубь страны! А Татьяне так редко удавалось побыть дома одной...

Как только Татьяна поняла, что немедленной эвакуации не предвидится, война немного ее разочаровала. Что тут волнующего? А вот рассказ Зощенко «Баня» о гражданах, стирающих белье в банных шайках... ужасно смешной. Особенно когда герой потерял номерок, от которого осталась одна тесемка, и банщик отказался выдать ему одежду, заявив, что, «если каждый будет предъявлять тесемки, полт не напасешься» и что теперь придется подождать, пока все не разберут, а уж герою выдадут то, что осталось.

И поскольку никто не собирался эвакуироваться, Татьяна прочитала рассказ дважды, лежа на кровати, упираясь ногами в стену и обессилив от смеха.

Все же поручение отца надо выполнить. Ничего не поделаешь. Придется идти за продуктами.

Но сегодня было воскресенье, и Татьяна не любила выходить по воскресеньям в будничном наряде. Она без спроса взяла Дашины красные босоножки на высоком каблуке, в которых ковыляла, как новорожденный теленок с вывихнутыми ногами. У Даши походка была куда легче.

Расчесывая длинные, почти белые волосы, Татьяна тихо вздыхала. Ну почему у нее волосы не как у отца и Даши – темные и густые? Не то что эти прямые и, как солома, светлые лохмы! Приходилось заплетать их или собирать сзади в пучок. До чего же она ненавидела свои волосы! Мама утешала ее, повторяя, что в детстве у нее тоже были прямые светлые волосы. А бабушка призналась, что, выходя замуж, весила всего сорок семь килограммов.

Татьяна надела свое единственное воскресное платье, убедилась, что лицо и руки безупречно чистые, и вышла в коридор.

Сто пятьдесят рублей считались огромной суммой. Татьяна не знала, где ее отец разжился такими деньгами, они появились в его руках как по волшебству, а расспросов он не терпел. Что там нужно купить? Рис? Водку? Отец говорил, но она уже забыла. И ведь просила же его мать:

– Гоша, не посылай ты ее! У нее в одно ухо влетает, а в другое вылетает. Ничего она не принесет.

Татьяна с готовностью кивала:

– Мама права. Пусть Даша идет.

– Нет! – воскликнул папа. – Бери сумку. Иди в магазин и возвращайся с...
С чем он ей велел вернуться? С картошкой? С мукой?

Татьяна прошла мимо комнаты Сарковых и увидела, что Жанна и Женя спокойно сидят в креслах, пьют чай, читают как ни в чем не бывало, словно это было самое обычное воскресенье. Повезло же им! Такая большая комната на двоих! Психа Славина в коридоре не было. Какое счастье!

Все шло своим чередом, будто речь Молотова была всего лишь досадным недоразумением, и не более. В какой-то момент Татьяна даже засомневалась: а была ли она, эта речь, и правильно ли она расслышала слова Молотова? Но когда она свернула на Греческий проспект и увидела толпы людей, спешивших к Невскому, где находились лучшие магазины города, сомнений у нее не осталось. Татьяна не могла припомнить, когда в последний раз видела такое количество народа на улицах, и поэтому направилась в другую сторону, на Суворовский проспект. Если все ринулись на Невский, лучше идти к Таврическому саду, где тоже было немало магазинов, пусть и не таких богатых.

Парочка, шедшая навстречу, окинула взглядом Татьянино платье и улыбнулась. Девушка скромно опустила глаза, краснея от удовольствия. На ней было великолепное белое платье с красными розами. Она носила его с четырнадцати лет. Отец купил это платье в тридцать восьмом году у уличного торговца в польском городе Святокрест, куда ездил в командировку от ленинградского «Водоканала»... Тогда он побывал в Святокресте, Варшаве и Люблине. Татьяна была уверена в том, что отец объехал чуть ли не весь свет. Даша и мама получили варшавский шоколад, но конфеты были давно съедены – два года и триста шестьдесят три дня назад. Зато Татьяна до сих пор носила платье с алыми розами, не бутонами, а цветами, вышитыми на гладком плотном белоснежном полотне; вернее, это было не платье, а сарафан с тонкими лямками, без рукавов, облегавший грудь и талию, с широкой юбкой, не доходившей до колен. Если покружиться, юбка вздувалась парашютом.

Беда в том, что Татьяна из него выросла. Честно говоря, платье было не только коротким, но и тесноватым. Приходилось то и дело распускать атласные лямки на спине. До чего же досадно, что она так быстро из него выросла! Правда, до Даши с ее женственной фигурой ей все равно было далеко. Бедрa, хоть и округлились, по-прежнему оставались узкими, ноги и руки – тонкими, а вот груди налились. Поэтому и приходилось расставлять платье на спине, но в груди все равно было тесновато. Зато как приятно вспоминать тощую как тростинка четырнадцатилетнюю девчонку, впервые надевшую это платье с чудесными розами и вышедшую погулять по Невскому. Ради этого ощущения она снова надела платье в это воскресенье – день, когда Германия напала на Советский Союз.

А кроме того, в глубине души Татьяну радовала маленькая бирка на этом платье: «Сделано во Франции», но Татьяна никому бы в этом не призналась.

Сделано во Франции! До чего романтично! Недаром считается, что Франция – страна любви. Все нации разные: русские славятся своей широтой, англичане – сдержанностью, американцы – жизнелюбием, итальянцы – музыкальностью, а французы – своей верой в любовь. И, сшив это платье для нее, они словно давали ей надежду, словно говорили: надень его, *chérie*, и в этом платье ты будешь любима, надень его, и любовь придет к тебе. Поэтому Татьяна никогда не отчаивалась, надевая свое белое платье с алыми розами. Если бы его сделали американцы, она была бы счастлива, в итальянском платье, наверное, запела бы, в английском – выпрямилась бы и расправила плечи, но, поскольку его сшили французы, старалась не терять надежды.

На улице было тепло и солнечно, и так неприятно было думать о том, что в этот чудесный летний день Гитлер напал на Советский Союз. Татьяна покачала головой. Дед никогда не доверял Гитлеру и говорил это еще в тридцать девятом году, когда товарищ Сталин подписал с Германией договор о ненападении. «Ничего хорошего из этого не выйдет», – сказал дед. И оказался прав.

Татьяна считала деда самым умным человеком на свете. После того как Гитлер захватил Польшу, дед все время твердил, что следующим будет Советский Союз. Несколько месяцев назад, весной, он неожиданно стал приносить домой консервы, несмотря на протесты бабушки. Той не нравилось, что он тратит столько денег зря, на всякий случай, и поэтому она постоянно ворчала:

– Война? При чем тут война? И кто это будет есть? Тратишь деньги на всякую гадость! Уж покупал бы тогда маринованные грибки или томаты!

И дед, любивший бабушку больше, чем заслуживала она или любая другая женщина на земле, виновато опускал голову, позволяя ей срывать на нем злость, однако в следующем месяце повторялось то же самое. Мало того, он покупал сахар, чай, табак и даже водку. Правда, этим продуктам была суждена короткая жизнь, потому что на каждый день рождения, годовщину и праздник водку выпивали, табак выкуривали, а сахар шел на пироги. Дед, человек очень воздержанный, не позволяющий себе излишеств, ни в чем не мог отказать семейству и только на свой день рождения не стал открывать водку. Но бабушка все же пустила сахар на пирог с курагой. В неприкосновенности оставались только банки с тушенкой, которую дружно ненавидели все домашние.

Требование отца купить столько риса и водки, сколько она сможет унести, оказалось почти невыполнимым. В магазинах на Суворовском остался только сыр. Но он долго не хранится. Так же как и хлеб. Ни муки, ни копченой колбасы, ни консервов.

Татьяна помчалась вниз по Суворовскому и увидела, что, хотя было всего три часа дня, магазины опустели. Она миновала две сберкассы. Обе были закрыты. На окнах висели бумажки: «НЕ РАБОТАЕТ». Странно. Неужели деньги кончились? Ведь это же сберкассы! Там деньги никогда не кончаются!

Татьяна удивленно хмыкнула. Впрочем, все ясно. Родные слишком долго возились, собирая Пашу, переругиваясь, беспомощно глядя друг на друга. Им следовало немедленно бежать по магазинам, а они стали собирать Пашу в лагерь, Татьяна еще и Зоценко читала! Ей нужно было выйти из дому раньше. Если бы она догадалась побежать на Невский, сейчас уже стояла бы в очереди.

Шагая по Суворовскому, расстроенная тем, что не купила даже коробка спичек, Татьяна ощущала дуновение теплого ветра, несущего с собой какие-то странные, необычные запахи, ранее ей знакомые.

«Запомню ли я этот день? – думала Татьяна, глубоко вздыхая. – Кажется порой, что этот день ты не забудешь никогда, а потом забываешь... Помню, как увидела впервые головастика. Как впервые ощутила соленый вкус морской воды. Как впервые заблудилась в лесу. Может, мы всегда помним то, что происходит в первый раз? И эта война первая на моей памяти».

Она направилась к магазинам рядом с Таврическим садом. Ей нравилась эта часть города, удаленная от суеты Невского проспекта. Деревья здесь были высокие, с пышными кронами, а людей встречалось меньше. Ей нравилось ощущение уединенности.

Заглянув в три-четыре магазина, Татьяна уже была готова сдаться, вернуться домой и сказать отцу, что не смогла ничего найти, но уж очень неприятно было сознавать, что она не сумела выполнить даже такого пустякового поручения.

На углу, у перекрестка Суворовского и улицы Салтыкова-Щедрина¹, растянулась огромная очередь. Татьяна спросила, кто последний. Время тянулось бесконечно. Очередь продвинулась на метр. Вздохнув, девушка спросила у стоявшей впереди женщины, что дают. Та раздраженно передернула плечами и отвернулась.

– Что-что, – проворчала она, прижав сумочку к груди, словно боясь, что Татьяна ее выхватит. – Стой, как все остальные, и не задавай глупых вопросов.

¹ Ныне Кирочная улица.

Татьяна ждала. Очередь продвинулась еще на метр. Пришлось еще раз спросить женщину.

– Отстань! – раздраженно прикрикнула та.

Услышав долетевшее до нее слово «сберкасса», Татьяна насторожилась.

– Нет денег, – говорила молодая женщина другой, постарше. – Представляете? В сберкассах ни копейки. Не знаю, что теперь делать! Надеюсь, у вас есть сбережения?

– Какие там сбережения! Осталось двести рублей – все, что у меня есть.

– Тогда покупайте, покупайте все. Особенно консервы...

– Я их не ем, – покачала головой та, что постарше.

– Тогда икру. Я слышала, одна женщина купила десять кило икры в Елисеевском. Что она собирается с ней делать? Но мне-то что? Я покупаю масло и спички.

– Неплохо бы еще соли, – заметила собеседница. – Чай можно пить без сахара, а вот кашу без соли не съешь.

– Ненавижу кашу! В рот не беру.

– Что ж, тогда икру. Вы любите икру?

– Нет. Может, колбасу? – задумчиво протянула молодая. – Копченую. В конце концов, вот уже двадцать лет, как пролетариат пришел к власти, и мы знаем, чего ожидать.

Женщина, стоявшая перед Татьяной, громко фыркнула. Те две оглянулись.

– Много вы понимаете! – почти взвизгнула пожилая женщина. – Это война!

Она невесело хохотнула, брызжа слюной.

– Да кто вас спрашивает? – возмутилась молодая.

– Это война, товарищи! Спасибо Гитлеру за это. Купите икру и масло и съешьте их сегодня вечером. Потому что, помяните мои слова, в январе на двести рублей и буханки хлеба не купишь!

– Замолчите!

Татьяна опустила голову. Она терпеть не могла скандалов, и особенно уличных стычек.

Двое мужчин покидали магазин с большими бумажными свертками под мышкой.

– Что вы купили? – вежливо осведомилась она.

– Копченую колбасу, – проворчал один, словно опасаясь, что Татьяна свалит его на землю и отберет проклятую колбасу.

Татьяна простояла в очереди еще полчаса, после чего ушла.

Не желая огорчать отца, она поспешила к автобусной остановке. Придется сесть на двадцать второй, который идет до Невского, раз уж известно, что там, по крайней мере, продают икру.

Икра... Ее придется съесть максимум за неделю. Не продержится же она до зимы! Тогда в чем же цель ее покупки? Запасы на зиму? Нет, этого не может быть: зима слишком далеко. Красная армия непобедима – товарищ Сталин сам это сказал! Уже к сентябрю немецких свиней не будет на русской земле!

Когда она заворачивала за угол, аптечная резинка, придерживавшая ее волосы, лопнула.

Остановка была на другой стороне улицы, рядом с Таврическим садом. Отсюда она обычно ехала на сто тридцать шестом к двоюродной сестре Марине. А сегодня поедет в Елисеевский. Только нужно спешить. Судя по услышанному в очереди разговору, скоро даже икры не будет.

Но тут Татьяна заметила мороженщика.

Мороженое!

День вдруг показался ярче и приветливее. Мужчина сидел на маленьком табурете под зонтиком, защищавшим его от солнца, и читал газету.

Татьяна ускорила шаг.

Сзади послышался шум автобуса. Повернувшись, она увидела, что это тот, который ей нужен. Если побежать, она вполне успеет.

Девушка ступила на мостовую, оглянулась на мороженщика, помедлила и остановилась. Уж очень хочется мороженого!

Закусив губу, она медлила. Ничего страшного, скоро придет другой, а она пока постоит на остановке, поест мороженого.

Она подошла к мороженщику и, чуть задышавшись, спросила:

– У вас есть мороженое?

– А для чего же я тут сижу, по-твоему? Какое тебе нужно?

– У вас есть... – Она немного задумалась. – Крем-брюле?

– Есть. Рожок или стаканчик?

– Рожок, пожалуйста, – попросила Татьяна, подпрыгивая от нетерпения и с радостью отдавая деньги.

Она бы заплатила вдвое, если бы тот попросил. Схватив рожок, она перебежала улицу и уселась на скамейку под деревьями, чтобы спокойно поесть мороженого в ожидании автобуса, который отвезет ее в магазин купить икру, потому что началась война.

На остановке больше никого не было, и Татьяна предвкушала настоящий пир. Она сняла белую бумажку, выбросила в урну, понюхала, лизнула и зажмурилась от удовольствия, дожидаясь, пока мороженое растает на языке. Слишком хорошо. Слишком.

Ветер раздувал ее волосы, и она, придерживая их одной рукой, старательно обводила языком гладкий сливочный шарик, болтала ногами и напевала песню, которую все пели в эти дни: «Ждем вас во Львове».

Чудесный день. На каких-то пять минут война отдалилась и осталось только солнечное воскресенье в июньском Ленинграде.

Подняв голову, она увидела на другой стороне улицы военного.

Что же, ничего необычного. В таком большом городе это не редкость. Военные встречались так же часто, как старушки с авоськами или очереди, и Татьяна не обратила бы на него внимания, но странно, что именно этот военный стоял на другой стороне и смотрел на нее с каким-то непонятным выражением. Никто и никогда еще не смотрел на нее ТАК. Татьяна забыла о мороженом.

Сама она сидела в тени, но та сторона, на которой он стоял, была залита солнечным светом. Татьяна мельком взглянула на него и... не смогла отвести глаз. Что-то шевельнулось в ее душе, почти неуловимо, но дело не в этом; она вдруг ощутила, как у нее сердце замерло.

Девушка моргнула, и ей стало трудно дышать. Военный словно врос в тротуар под бледно-желтым солнцем.

Подошедший автобус загородил его от Татьяны. Она едва не вскрикнула и вскочила – не для того, чтобы сесть в автобус, а чтобы перебежать дорогу и не потерять военного из виду. Двери автобуса открылись, и водитель выжидающе уставился на нее. Татьяна, обычно спокойная и сдержанная, едва ли не крикнула, чтобы он ехал дальше.

– Ну так что, садишься? Я долго ждать не буду.

Садиться?

– Нет-нет, я не еду.

– Тогда какого черта ты тут стоишь? – рявкнул водитель, закрывая двери.

Татьяна отступила к скамейке и увидела, что военный бежит к автобусу.

Он остановился.

Она остановилась.

Двери автобуса снова разошлись.

– Садись? – буркнул водитель.

Военный перевел взгляд с Татьяны на него. Водитель чертыхнулся, второй раз закрыл двери и отъехал. Татьяна отступила еще на шаг, споткнулась и неуклюже плюхнулась на скамейку.

Военный пожал плечами.

– Я думал, это мой автобус, – небрежно заметил он.

– Я... я тоже думала... – хрипло произнесла она.

– Ваше мороженое тает, – спохватился он.

Сладкие капли действительно ползли по вафельному рожку и падали на платье. Татьяна с досадой охнула, попыталась смахнуть капли, но добилась только того, что по ткани расплылось пятно. Рука предательски дрогнула.

– Вы долго ждете? – спросил военный.

До чего же красивый голос: сильный, низкий и... с каким-то акцентом... наверно, не местный.

– Не слишком, – пробормотала она, переводя дыхание и стараясь получше его рассмотреть. И все запрокидывала голову, такой он был высокий.

Гимнастерка совсем новенькая, а на фуражке – эмалевая красная звездочка. И петлички... только вот что они означают? Интересно, кто он – рядовой? Почему у него винтовка в руках? Рядовым позволено носить винтовки? На левой стороне груди блестит серебряная, окаймленная золотым медаль.

Из-под фуражки выбивались черные волосы. А глаза у него какого-то карамельного цвета, потемнее, чем крем-брюле. Разве такие бывают у мужчин, тем более у военных? Спокойные и приветливые.

Они с Татьяной молча глазели друг на друга. Всего пару секунд, то есть на пару секунд дольше, чем нужно. Незнакомые люди встречаются глазами случайно и тут же отворачиваются. Татьяна же чувствовала себя так, словно уже знает его имя. Она отвела взгляд, смутившись до того, что кровь прилила к ее лицу.

– Мороженое почти растаяло, – снова посочувствовал он.

– А, мороженое, – заикаясь, пробормотала Татьяна. – Мне уже расхотелось.

Она поднялась, швырнула рожок в урну, жалея, что не захватила платок. По крайней мере, вытерла бы пятна.

Интересно, сколько ему лет? Ее ровесник? Нет, кажется, постарше. Молодой человек, который смотрит на нее глазами мужчины.

Она опять покраснела и уставилась на тротуар, как раз между своими красными босоножками и его черными армейскими сапогами.

Подошел автобус, и военный направился к нему. Татьяна смотрела ему вслед. Даже его походка, казалось, была из другого мира: слишком уверенный шаг. Слишком широкий. И все же она выглядела... правильной. Единственно правильной. Татьяна чувствовала себя так, словно наткнулась на знакомую, очень нужную книгу, которую считала давно потерянной. Да, именно так. Сейчас двери автобуса откроются, он прыгнет на подножку, помашет ей на прощание. И она никогда больше его не увидит.

«Не уходи!» – хотелось крикнуть Татьяне. Он замедлил шаг и в последнюю минуту отступил, отрицательно покачав головой на вопрос водителя. Автобус тронулся.

Военный вернулся и сел на скамейку.

У Татьяны мгновенно вылетели из головы поручение отца, война, очереди в магазинах...

Оба молчали. Как такое возможно? Ведь они только что встретились. Вернее, вообще не встречались. И не знали друг друга. Как между ними что-то может быть?

Она смущенно перебирала юбку. Неожиданно до нее дошло, что он, должно быть, слышит грохот сердца в ее груди. Еще бы! Этот стук даже ворон спугнул. Панически хлопая крыльями, они взлетели. Ее работа, что уж тут говорить!

Скорее бы пришел автобус!

Да, он военный, но мало ли она видела военных! Да, он хорош собой, но мало ли она видела красавцев! Прошлым летом она пару раз даже встречала красивых солдат. Один – она, правда, забыла его имя, как забывала почти все на свете, – даже купил ей мороженое.

Значит, дело не в форме и не в симпатичной внешности. Дело в том, как он смотрел на Татьяну через улицу, отделенный от нее десятью метрами асфальта, автобусом и электропроводами трамвайной линии.

Он вынул из кармана пачку папирос:

– Курите?

– О нет, нет. Не курю, – окончательно смешалась Татьяна.

Военный сунул пачку обратно.

– Не знаю ни одного некурящего, – усмехнулся он.

Сама Татьяна из некурящих знала только деда.

Нельзя и дальше молчать. Какой же дурочкой она выглядит.

Татьяна открыла рот, но все слова казались настолько глупыми и бессмысленными, что она поскорее сжала губы и взмолилась про себя, чтобы быстрее пришел автобус.

Автобус не пришел.

Наконец парень снова спросил:

– Вы ждете двадцать второй?

– Да, – сказала Татьяна. – То есть нет.

Она увидела автобус с тремя цифрами. Сто тридцать шестой.

– Это мой! – воскликнула она и, быстренько подскочив, вынула пять копеек и залезла внутрь.

Заплатив, она пробралась назад и уселась как раз вовремя, чтобы увидеть, как военный входит и идет следом за ней.

Он уселся на противоположной стороне, чуть позади.

Татьяна прильнула к окну, стараясь не думать о нем. Куда это она собралась? Да ведь автобус идет к Марине, на Полюстровский! Чудесно, она сойдет там и навестит Марину.

Краем глаза она посматривала на военного. Куда *он* едет на сто тридцать шестом?

Автобус миновал Таврический сад и свернул на Литейный проспект.

Татьяна расправила юбку и обвела пальцем контуры роз. Потом, нагнувшись, поправила босоножки. Перед каждой остановкой у нее перехватывало дыхание. Выйдет он или нет? Только не здесь! Не здесь! И не здесь!

Неизвестно, где он выйдет, но только не *здесь*!

Незнакомец не выходил. И спокойно сидел, глядя в окно. Иногда он поворачивался, и Татьяна могла бы поклясться, что он смотрит на нее.

Автобус переехал Литейный мост через Неву и покатил дальше. Те несколько магазинов, которые видела Татьяна, либо осаждали толпы народа, либо просто были закрыты.

На улицах становилось все меньше пешеходов.

Еще одна остановка, еще одна...

Они ехали все дальше.

В короткий момент просветления Татьяна поняла, что давно пропустила свою остановку. Она даже не знала, где находится.

И что теперь?

Она не знала, но и выйти из автобуса не могла. Прежде всего потому, что ее попутчик не пытался пробраться к выходу, и потом, непонятно, куда она заехала. Если сойти сейчас, придется перейти улицу и подождать автобуса в другую сторону.

Так или иначе, на что она надеется? Увидеть, как он выйдет, а затем вернуться и провести день с Мариной?

При мысли об этом Татьяна нервно заерзала.

Вернуться, чтобы найти его.

Глупо. Глупо и смешно. Просто цирк. Теперь бы хоть дорогу домой найти!

Автобус понемногу пустел. Наконец не осталось никого, кроме Татьяны и военного.

Еще одна остановка. Автобус рванулся вперед. Татьяна совсем запуталась. Что же теперь делать? Он словно к месту прирос.

Она попыталась было сойти на следующей остановке, но вездесущая кондукторша не преминула вмешаться:

– Что ты тут потеряла, девочка? Здесь ни одного дома нет, только промышленные постройки. Или свидание назначила? В таком месте?

– Н-нет, – пролепетала она.

– Тогда жди. Следующая – конечная.

Татьяна, сгорая от стыда, шлепнулась на место.

Автобус подкатил к пыльной площадке.

– Конечная! – объявил водитель.

Татьяна снова окунулась в пыльную жару, очутившись в конце пустынной улицы. Повернуться она боялась. Как встретиться с ним глазами?

Она судорожно прижала руку к груди, пытаясь немного замедлить стук неугомонного сердца. И что теперь? Остается только сесть в автобус и отправиться в обратный путь.

Она медленно отошла от остановки.

И только после этого, набрав в легкие как можно больше воздуха, Татьяна наконец чуть повернула голову вправо. Он шел рядом, жизнерадостно ей улыбаясь. До чего же у него зубы белые. В России такие редкость.

Она невольно улыбнулась в ответ. Должно быть, на ее лице отразилось облегчение. Облегчение, тревога и беспокойство одновременно. И что-то еще.

– Ладно, сдаюсь! – ухмыльнулся военный. – Куда вы едете?

Что она могла ответить?

Он действительно говорит с акцентом. Очень правильно, но с акцентом. Она попыталась сообразить, что это за выговор такой и откуда он родом. Грузия? Или, может быть, Армения? Откуда-то с Черного моря. От него даже вроде бы пахнет соленой водой.

– Вы что-то спросили? – выдавила она.

Военный снова улыбнулся:

– Куда вы едете?

Глядя на него, Татьяна едва шею не свернула. Она такая маленькая, а он... верста коломенская! Даже на высоких каблуках она едва доходила ему до плеча. Кстати, не забыть спросить его и насчет роста. Где рождаются такие гиганты?

Они нелепо торчали посреди улицы. Сегодня на остановках почти никого не было: люди томились в километровых очередях. Одна она бьет баклуши, вместо того чтобы выполнять поручение отца.

– Кажется, я проехала остановку, – пробормотала Татьяна. – Придется возвращаться.

– Какую остановку? – вежливо осведомился он, все еще стоя на месте и не делая попытки приблизиться.

– Какую? – тупо повторила она.

Страшно подумать, во что превратилась ее прическа. Она никогда раньше не красилась, но сейчас отдала бы все за губную помаду. Ну хоть что-то, лишь бы не чувствовать себя глупой дурнушкой!

– Давайте перейдем улицу, – предложил военный; Татьяна молча пошла за ним. – Хотите сесть? – Он показал на скамейку рядом с остановкой. – Можно спокойно подождать следующего автобуса.

Они сели. Он придвинулся к ней слишком близко.

– Знаете, это ужасно странно, – начала Татьяна, старательно откашлявшись. – Моя двоюродная сестра Марина живет на Полюстровском... Я собиралась туда...

– Полюстровский? Но это в нескольких километрах отсюда. Остановок десять!

– Должно быть, задумалась и... – выдохнула Татьяна, краснея.

Он серьезно кивнул:

– Не волнуйтесь. Я доставлю вас до места назначения. Через несколько минут придет автобус.

Татьяна исподлобья взглянула на него:

– А... а куда ехали вы?

– Я? Я на службе. Патрулирую город.

Глаза его весело искрились.

Ну вот, так ей и надо. Он просто патрульный, а она добралась чуть ли не до Мурманска. Идиотка несчастная! Пристыженная, покрасневшая, она неожиданно пошатнулась, поспешно опустила глаза и, кажется, на несколько секунд потеряла сознание.

– Если не считать мороженого, – едва ворочая языком, объяснила она, – я сегодня ничего не ела.

Солдат поспешно обнял ее за плечи и спокойно, но твердо произнес:

– Нет. Нет, не падайте в обморок. Сейчас все пройдет.

И она не упала.

Правда, голова кружилась и глаза застилал туман, но она все равно ощущала запах, мужской, приятный.

От него не пахло ни водкой, ни потом, как от большинства знакомых мужчин. И это не «Шипр» и не «Тройной одеколон», которым пользовались дед и отец после бритья. Тогда что? Его собственный запах?

– Простите, – слабо выговорила Татьяна, пытаясь встать; он ей помог. – Спасибо.

– Не за что. Легче?

– Все в порядке. Думаю, это от голода.

Он по-прежнему поддерживал ее. Широкая ладонь, размером с небольшую страну вроде Польши на карте, лежала на ее плече. Татьяна выпрямилась, и он убрал руку, оставив теплый островок на том месте, где была его кисть.

– А может, и от жары, – покачал головой военный. – Ничего, обойдется. А вот и наш автобус.

Автобус оказался тем же самым. При виде молодой пары кондукторша подняла брови, но ничего не сказала.

На этот раз они сели вместе. Татьяна – у окна. Молодой человек положил руку на спинку ее сиденья.

Смотреть на него вблизи оказалось практически невозможно. Как и укрыться от его взгляда. Но разве ей этого хотелось?

– Обычно я не падаю в обморок, – сказала она, старательно высматривая что-то за окном.

Ложь. Она падала без чувств по любому поводу. Стоило кому-то стукнуть стулом за спиной, и она валилась на пол без сознания. Школьные учителя раза два-три в месяц посылали домой записки, извещая об очередном обмороке.

Она набралась храбрости и взглянула на него. Тот широко улыбался.

– Как вас все-таки зовут?

– Татьяна, – ответила она, отмечая легкую тень щетины на его подбородке, плавную линию носа, черные брови, серый шрамик на лбу. Где он успел так загореть? Открытые в улыбке зубы казались неестественно белыми.

– Татьяна, – повторил он своим низким баритоном. – Таня? Танечка?

– Таня, – кивнула она, подавая руку.

Маленькая тонкая белая ладошка исчезла в его огромной, теплой, темной. Она подумала, что он наверняка ощущает стук ее сердца, который отдавался в ее пальцах, запястье, в каждой жилке.

– Александр, – представился он, не выпуская ее руки. – Какое красивое русское имя. Татьяна!

– И Александр тоже, – проговорила она, опуская глаза, неохотно отнимая руку и поворачиваясь к грязному окну. Интересно, часто ли его моют?

Все, что угодно, лишь бы не думать. Лишь бы не воображать, что он вот-вот попросит ее не уходить, повернет лицом к себе и...

– Хотите, расскажу анекдот? – неожиданно для себя выпалила она.

– Очень.

– Солдата ведут на казнь. «До чего же гнусная погода», – говорит он конвойным. «Кто бы жаловался, – отвечают они. – Это нам еще придется идти обратно под дождем».

Александр немедленно и громко рассмеялся, не сводя веселых глаз с Татьяны, и та ощутила, как внутри у нее что-то потихоньку тает.

– Ужасно смешно, – похвалил он.

– Спасибо. – Она улыбнулась и быстро сказала: – Я знаю еще один. «Генерал, что вы думаете о предстоящем сражении?»

– Этот я тоже знаю, – подхватил Александр. – «Видит Бог, оно будет проиграно».

– «В таком случае почему мы все это затееваем?» – продолжила Татьяна.

– «Чтобы выяснить, кто проиграет», – закончил Александр.

Оба улыбнулись и отвели глаза.

– У тебя лямки развязались, – неожиданно заметил он.

– Что?

– Лямки на спине. Повернись немного. Сейчас завяжу.

Она послушно повернулась к нему спиной и почувствовала прикосновение его пальцев, дергавших за атласные ленты.

– Так не туго?

– Нет, – выдавила она.

До нее только сейчас дошло, что он наверняка заглянул внутрь и увидел ее голую спину до самых трусиков. Татьяна смутилась так, что едва не обхватила себя руками. Александр смущенно хмыкнул:

– Значит, ты едешь до Полюстровского? Повидаться с двоюродной сестрой? Тебе скоро сходить. Или проводить тебя домой?

– Полюстровский? – повторила Татьяна, словно впервые слыша это слово. Она даже не сразу сообразила, в чем дело. А сообразив, схватилась за голову. – Ой нет, ты не поверишь, я не могу идти домой! Страшно представить, что со мной сделают!

– Но почему? – удивился Александр. – Может, я помогу?

Откуда у нее такая уверенность, что он в самом деле готов ей помочь? И почему вдруг на сердце стало так легко и она больше не боится отца?

Объяснив происхождение денег у нее в кармане и поведав обо всех своих неудачах, Татьяна вздохнула:

– Не понимаю, с чего вдруг отцу вздумалось послать меня за продуктами? Я самая большая растяпа в нашей семье.

– Не стоит так себя корить, – покачал головой Александр. – Кроме того, у меня есть идея.

– Правда?

– Сейчас отведу тебя в военторг, где ты сумеешь купить все необходимое.

– Но ты ведь не офицер, – возразила она.

– Почему же?

– Что, правда офицер?

– Разумеется. Александр Белов, старший лейтенант. Звучит?

– Еще как, только я все равно не верю.

Александр рассмеялся. Но если он действительно лейтенант, значит намного старше Татьяны, а этого ей не хотелось.

– А за что ты получил медаль?

– За воинскую доблесть, – скромно ответил он.

Татьяна тихо ахнула и с восхищением уставилась на него:

– Расскажешь, как все было?

– Да ничего особенного и не было. Где ты живешь, Таня?

– Недалеко от Таврического сада: угол Греческого проспекта и Пятой Советской. Знаешь, где это?

Александр кивнул:

– Я патрулирую весь город. Ты живешь с родителями?

– Конечно. С родителями, дедом, бабушкой, сестрой и братом-близнецом.

– Все в одной комнате? – без особого интереса спросил Александр.

– Нет, у нас две комнаты! – радостно объявила Татьяна. – А мои дед и бабушка стоят в очереди еще на одну комнату, если она, конечно, освободится.

– И долго стоят?

– С двадцать четвертого года, – серьезно сообщила Татьяна, и оба засмеялись.

Они провели в автобусе целую вечность и еще одну секунду.

– Вот бы посмотреть на твоего брата. Никогда еще не видел близнецов. Вы дружите?

– В общем, да, но Паша иногда просто невыносим. Думает, раз он мальчик, ему все позволено.

– А ты так не считаешь?

– Ни в коем случае! – торжественно отчеканила Татьяна. – А у тебя есть братья и сестры?

– Нет. Я был единственным ребенком.

Александр растерянно моргнул, но тут же сменил тему:

– Мы сделали полный круг, верно? К счастью, военторг не так уж далеко. Пойдем пешком или подождем двадцать второго?

Татьяна молчала.

Он сказал «был»? Был единственным ребенком.

– Пешком, – медленно протянула она, задумчиво глядя на него и не двигаясь. Почему у него такое лицо? словно застывший цемент. словно он плотно сцепил зубы. До хруста. – Ты откуда родом? – осторожно поинтересовалась она. – У тебя... легкий акцент.

– Разве? – отозвался он, глядя на ее ноги. – Уверена, что сможешь ковылять на таких ходулях?

– Ничего страшного, – отмахнулась она.

Значит, он не хочет отвечать?

Бретелька сарафана сползла с плеча. Александр вдруг протянул руку и небрежно, кончиком указательного пальца вернул бретельку на место. Татьяна залилась краской. Еще одно ненавистное свойство: вечно она краснеет по любому пустяку.

Александр пристально смотрел на нее. Теперь на его лице было нечто вроде... восторга?

– Таня...

– Пойдем, – нетерпеливо перебила она, почти задыхаясь от нахлынувших чувств, понять которые она не могла и не пыталась.

Босоножки ужасно натирали ноги, но ей не хотелось, чтобы он об этом знал.

– Значит, магазин недалеко?

– Нет. Только нужно сначала зайти в казарму. Я должен отметить. И еще придется завязать тебе глаза, чтобы не узнала дороги. Военная тайна!

Татьяна не смела взглянуть на него, чтобы проверить, шутит ли он.

– И так, – начала она, стараясь говорить как можно беспечнее, – мы столько времени провели вместе и ни разу не заговорили о войне. Как ты думаешь, что будет?

Почему он так развеселился? Что смешного она сказала?

– Тебе так хочется обсуждать войну?

– Конечно, – произнесла она. – Нас всех это касается, верно?

В его взгляде по-прежнему светилось восхищение.

– Война есть война, – коротко бросил он. – Она была неизбежной. Мы ждали ее и готовились. Нам сюда.

Они направились мимо Михайловского замка, перешли короткий мост через Фонтанку, там, где от нее отделяется Мойка. Татьяна любила этот слегка изогнутый гранитный мостик. Иногда она взбиралась на низкий парапет и шагала взад-вперед. Но разумеется, не сегодня. Сегодня ей не до ребячеств.

Миновали угол Летнего сада и вышли на Марсово поле.

– Всегда есть два выхода: сдаться или бороться до конца. До последней капли крови. За Родину, – неожиданно объяснил Александр и показал вперед. – Смотри, казармы там, по другую сторону поля.

– До последней капли крови? – взволнованно повторила Татьяна, замедлив шаг. Ох как ей хотелось сбросить проклятые босоножки! – А ты пойдешь на фронт?

– Если пошлют, – кивнул Александр, останавливаясь. – Таня, почему ты не скинешь туфли? Босиком удобнее.

– Мне и так хорошо, – сказала она.

Откуда он знает, что она едва идет? Неужели это так заметно?

– Ну же, – настаивал он, – самой ведь легче будет.

Он прав. Татьяна с облегченным вздохом нагнулась и расстегнула босоножки.

– И вправду легче, – кивнула она, выпрямляясь.

Александр покачал головой:

– Какая ты крохотная!

– И вовсе нет! – обиделась она. – Это ты слишком высокий.

Ну вот, опять она красная как свекла!

– Сколько тебе лет, Таня?

– Больше, чем ты думаешь! – отрезала она, стараясь казаться взрослой и многоопытной.

Теплый ветер бросал волосы ей в лицо. Держа в одной руке босоножки, она попыталась пригладить другой непослушные пряди. Жаль, что резинка порвалась!

Александр молча откинул волосы с ее лба. Его взгляд скользнул с ее глаз на губы и замер. Неужели у нее рот измазан мороженым? Наверняка так и есть. Какой стыд!

Она облизала губы, уделив особенное внимание уголкам.

– Что? У меня мороженое...

– Так сколько же? – настаивал он. – Скажи.

– Скоро будет семнадцать, – призналась она.

– Когда?

– Завтра.

– Значит, тебе еще семнадцати нет, – вздохнул Александр.

– Говорю же, *завтра!* – негодуя повторила она.

– Ну да, очень взрослая.

Его глаза снова блеснули.

– А тебе?

- Двадцать два.
- Да-а-а? – разочарованно протянула она.
- Что, очень старый? – хмыкнул Александр, не скрывая улыбки.
- Древний старикашка, – в тон ему ответила Татьяна, тоже улыбнувшись.

Они медленно пошли по Марсову полю. Татьяна весело размахивала босоножками.

Оказавшись на тротуаре, она вновь обулась. Они перешли улицу и оказались перед непримечательным на вид четырехэтажным зданием, выкрашенным коричневой краской.

- Это Павловские казармы, – пояснил Александр, – где я квартирую.

– Знаменитые Павловские казармы? – Татьяна скептически оглядела здание. – Не может быть!

- А что ты ожидала? Роскошный дворец?

– Можно войти?

- Подожди у ворот, хорошо? Я только доложу о прибытии и сдам винтовку.

– Подожду, – кивнула она.

Пройдя через арку, они остановились у массивных железных ворот. Молодой часовой отдал Александру честь:

- Проходите, товарищ старший лейтенант. Это с вами?

– Нет, она подождет здесь, сержант. Татьяна, это сержант Петренко.

Сержант украдкой поглядывал на Татьяну, но та не обращала на него внимания. Она следила, как Александр идет по двору. Отдает честь высокому офицеру, что-то говорит группе курящих солдат, смеется... Он ничем не отличался от других, разве что был выше ростом, широкоплечий, белозубый, темноволосый и шагал шире остальных. Ничем, если не считать, что он словно лучился светом.

Петренко спросил, не хочет ли она сесть.

Татьяна покачала головой. Александр велел ей ждать здесь, и она с места не сойдет. Правда, ноги ужасно устали, но ничего не поделаешь.

Она продолжала стоять, глядя на железные ворота и чувствуя, что плывет на облаке судьбы навстречу чему-то неправдоподобно прекрасному, невероятному. Ею овладевало желание...

Желание жить.

Одним из любимых изречений деда было: «Жизнь так непредсказуема и именно этим мне не нравится. Ах, если бы только жизнь походила на математическое уравнение!»

Но сегодня Татьяна не согласилась бы с ним. Этот день был не похож ни на один из тех, что она провела в школе или на заводе. И вообще ни на какой другой день. Он был особенный.

Шагнув к часовому, Татьяна спросила:

- А штатских туда пускают?

Петренко улыбнулся.

- Смотря что получит за это часовой, – подмигнул он.

– Довольно, сержант! – раздался голос Александра. – Пойдем, Таня.

Винтовки при нем уже не было. И вдруг из маленькой двери, не замеченной Татьяной, вылетел солдат и так напугал ее, что она вскрикнула от неожиданности. Александр торопливо притянул ее к себе.

- Димка, ты что?!

Солдат довольно рассмеялся:

- Посмотрели бы вы на свои лица!

Татьяна тем временем пришла в себя. Неужели Александр действительно шагнул вперед, чтобы загородить ее? Какая глупость!

- А кто это с тобой? – смеясь, спросил солдат.

– Дмитрий, это Татьяна, – официально представил ее Александр.

Дмитрий энергично поздоровался с ней за руку и словно по забывчивости никак не разжимал пальцы. Татьяна осторожно отступила.

По сравнению с Александром он казался невысоким. Типично русское лицо: широкое, со слегка размытыми чертами, будто краски все выцвели. Нос курносый, а вот губы... губы тонкие, неприятно тонкие, как две связанные вместе аптечные резинки! На шее виднелось несколько бритвенных порезов. Под левым глазом – небольшая родинка. Медалей на гимнастерке не было.

– Рад встрече! – оживленно воскликнул Дмитрий. – Куда собрались?

Александр объяснил.

– Если хотите, – вызвался Дмитрий, – могу помочь донести покупки до дома.

– Спасибо, Дима, мы сами справимся, – кивнул Александр.

– Ничего, мне нетрудно, – настаивал Дмитрий, шагая рядом и не сводя глаз с Татьяны; Александр тащился сзади. – Интересно, Таня, как вы познакомились с нашим лейтенантом? – попытывался Дмитрий.

Татьяна обернулась и встретила тревожный взгляд Александра. Он догнал их и повел вниз по улице. Военторг оказался как раз за углом.

– Встретились в автобусе, – пояснила Татьяна. – Он пожалел меня и предложил помочь.

– Повезло вам, – отозвался Дмитрий. – Наш Александр обожает спасать бедных и угнетенных, особенно девушек.

– Я не слишком похожа на угнетенную, – пробормотала Татьяна, но тут Александр подтолкнул ее к входу в магазин, и разговор сам собой угас.

Очувтившись за ничем не примечательной дверью с надписью «ТОЛЬКО ДЛЯ ОФИЦЕРОВ», Татьяна изумленно открыла рот. Здесь не оказалось ни единого покупателя, хотя весь магазин был завален мешками и ящиками. Пахло копченой рыбой, колбасой и дорогим табаком.

Александр спросил, сколько у нее денег, и она ответила, думая, что такая сумма поразит его, но он только плечами пожал:

– Мы могли бы потратить все на сахар, но следует проявить больше предусмотрительности, верно?

– Я не знаю, для чего покупаю все это, так что о предусмотрительности нет и речи.

– Покупай так, – посоветовал он, – словно в жизни ничего этого больше не увидишь.

Она молча протянула ему деньги.

Он купил четыре килограмма сахара, четыре килограмма пшеничной муки, три килограмма овсяной крупы и пять перловки, три килограмма кофе, десять банок маринованных грибов и пять – помидоров. Кроме того, она приобрела килограмм черной икры, а на оставшиеся рубли – две банки тушенки, чтобы порадовать деда. Она и себя не забыла, купив маленькую плитку шоколада. Александр с улыбкой объявил, что хочет сделать ей подарок, и протянул еще пять плиток.

Он предложил ей купить спички. Но Татьяна только фыркнула, заявив, что спички есть не будешь. Тогда он упомянул о моторном масле. Она объяснила, что у них нет машины, но он настаивал. Татьяна не хотела. Зачем тратить отцовские деньги на такие глупости, как масло и спички?

– Но, Таня, – рассудительно возразил Александр, – на чем ты станешь готовить, если нечем будет разжечь огонь?

Она сдалась только после того, как обнаружила, что спички стоят копейки, но купила всего одну большую коробку.

– Не забудь моторное масло, Таня, – напомнил он.

– Куплю, когда у нас будет машина, – отмахнулась она.

– А что, если зимой не будет керосина?

– Подумаешь, есть электричество!

Александр упрямо сложил руки на груди:

– Купи.

– Ты сказал, зимой? Какая зима, сейчас июнь! До зимы с немцами будет покончено.

– Скажи это англичанам. А еще лучше французам, бельгийцам, полякам... Они боролись...

– Если это можно назвать борьбой.

– Татьяна, послушай меня и купи масло. Не пожалеешь.

Она послушалась бы его, но в ушах звучал строгий голос отца, отчитывавший ее за глупые траты. Поэтому она наотрез отказалась. Зато попросила у продавщицы резинку и аккуратно стянула волосы на затылке. Александр заплатил. Татьяна спросила, как они донесут все это домой.

– А я на что? – вмешался Дмитрий.

– Думаю, мы обойдемся, – коротко бросил Александр.

– Но, Александр, у нас столько...

– Согласен быть рабочей лошадкой хоть до скончания века!

Дмитрий самодовольно ухмыльнулся. Татьяна заметила это и чуть поморщилась. Она еще помнила, как был потрясен Дмитрий, зайдя в магазин. Очевидно, и он впервые видел такое изобилие.

– Вы с Александром в одном полку? – спросила Татьяна, когда они набили продуктами ящики из-под яблок и вышли на улицу.

– О нет! Александр офицер, а я всего лишь рядовой. Мне до него тянуться и тянуться. Именно поэтому он послал меня на финский фронт.

– Не на фронт, – мягко поправил Александр, – а всего лишь проверить наши укрепления в Лисьем Носу. На что ты жалуешься?

– Не жалуясь, а превозношу твою предусмотрительность, – саркастически бросил Дмитрий.

Татьяна украдкой взглянула на Александра, не зная, как реагировать на ироническое замечание Дмитрия.

– А где этот Лисий Нос? – поинтересовалась она.

– На Карельском перешейке, – пояснил Александр. – Ты сможешь идти?

– Конечно.

Татьяне не терпелось добраться до дому. Сестра умрет от зависти, когда она покажется в обществе двух военных. Сама она несла только кофе и икру, но руки уже занемели.

– Тебе не слишком тяжело? – заботливо спросил Александр.

– Нет, – солгала она, хотя боялась, что не доберется до автобуса. Ведь они идут к автобусу, верно? И не собираются тащиться на Пятую Советскую с Марсова поля?

Тротуар был узким, так что приходилось идти гуськом. Александр шел первым, за ним – Татьяна, Дмитрий замыкал строй.

– Александр, – протянула Татьяна, – а мы что, всю дорогу будем идти пешком?

Она уже запыхалась. Александр остановился.

– Дай мне это, – велел он и, опустив на землю свой ящик, поставил сверху тот, что несла Татьяна. – В таких босоножках ходить невозможно. Но все же попытайся. Вперед!

Тротуар стал чуть шире, и она смогла идти рядом с Александром. Дмитрий пристроился слева.

– Таня, как ты думаешь, мы получим по рюмке водки за свои хлопоты? – спросил он.

– Думаю, отец что-нибудь отыщет, – пообещала Татьяна.

– А ты часто гуляешь по вечерам? – допытывался Дмитрий.

По вечерам? Что за странный вопрос?

– Не очень, – застенчиво призналась она.

– И никогда не бывала в «Садко»?

– Нет. Но моя сестра бывала. Ей там нравится.

Дмитрий чуть подался вперед:

– Хочешь пойти с нами в «Садко» в ближайшую субботу?

– Э-э-э... нет, спасибо, – прошептала она, опустив глаза.

– Соглашайся, – настаивал Дмитрий. – Будет весело. Правда, Саша?

Александр не ответил.

Теперь они шли рядом. Татьяна оказалась в середине. Но скоро навстречу стали попадаться пешеходы, и Дмитрий начал держаться немножко позади. Татьяна заметила, что делал он это неохотно, словно сдавая территорию врагу. Сначала ей показалось, что врагами были прохожие, но скоро она поняла, что врагами были она и Александр, потому что им не пришлось в голову подвинуться. Потому что они продолжали идти плечом к плечу.

– Устала? – тихо спросил Александр.

Татьяна кивнула.

– Хочешь немного отдохнуть?

Он поставил ящики. Дмитрий последовал его примеру, не сводя глаз с Татьяны.

– А как ты развлекаешься? – не отставал он.

– Развлекаюсь? Ничего особенного. Хожу в парк. Лето провожу на даче под Лугой, – бросила она и, внезапно оживившись, спросила у Александра: – Так откуда ты родом? Или мне угадать?

– Угадывай!

– Из тех мест, где много соленой воды!

– Значит, он тебе еще не сказал? – удивился Дмитрий.

– Я так и не смогла ничего из него вытянуть.

– Вот это да!

– Умница, Таня, – кивнул Александр. – Я из Краснодара. Это у Черного моря.

– Да, Краснодар, – подтвердил Дмитрий. – Бывала там?

– Нет. Я почти нигде не бывала.

Дмитрий посмотрел на Александра, который деловито поднял с земли ящики:

– Идем.

Они миновали церковь и перешли Греческий проспект. Татьяна так сосредоточенно изобретала повод еще раз увидеться с Александром, что устремилась мимо собственного дома и опомнилась, лишь когда уже почти дошла до Суворовского.

– Постоим немного? – спросил Александр.

– Нет, – покачала она головой, стараясь не выказывать владевших ею чувств. – Мы прошли мой дом.

– Прошли? Как это может быть? – удивился Дмитрий.

– Вот так и может. Он вон там.

Александр усмехнулся, но промолчал. Они медленно зашагали назад.

Подойдя к парадному, Татьяна объяснила:

– Я живу на третьем этаже. Подниметесь?

– Что поделаешь! – воскликнул Дмитрий. – Лифта, конечно, нет. Это вам не Америка, верно, Саша?

Александр пожал плечами.

Они молча взбирались по лестнице. В этот раз Татьяна оказалась сзади.

– Спасибо, – прошептала она в спину Александру, вернее, не столько ему, сколько себе.

Просто выражала свои мысли вслух.

– Пожалуйста, – произнес тот не оборачиваясь.

Татьяна споткнулась.

Открывая дверь, она надеялась, что с психом Славиним им встретиться не доведется. Однако надежды ее не оправдались. Он лежал на полу – головой в коридор, ногами в комнате, как всегда грязный, вонючий и противный. Жирные седые лохмы закрывали лицо.

– Славин снова рвал на себе волосы, – вздохнула она.

– Думаю, это еще не самое худшее, – ответил Александр.

Славин, тихо рыча, пропустил Татьяну, но схватил Александра за ногу и истерически захохотал.

– Эй, товарищ, – вмешался Дмитрий, придавив сапогом его руку, – отпусти лейтенанта.

– Все в порядке, Дима. Я сам справлюсь, – заверил Александр.

Славин восторженно взвизгнул и еще крепче вцепился в его сапог.

– Наша Танечка привела домой красавчика-солдата... нет, двух красавчиков. А что скажет твой папа? Ой, не похвалит он тебя! Он не любит, когда в дом приводят парней. И двое – чересчур много для тебя! Отдай одного сестричке, солнышко мое!

Поморщившись, Александр выдернул ногу. Славин попытался было задержать Дмитрия, но, взглянув в его лицо, молча отодвинулся. И потом истошно завопил вслед:

– Приводи их всех! Приводи побольше! Потому что им недолго осталось гулять! Все полягут под пулями!

– Он был на войне, – пояснила Таня, – и с тех пор стал таким. На своих внимания не обращает. Только с чужими...

– Что-то сомневаюсь, – протянул Александр.

– Нет, правда, – уверила Татьяна, заливаясь краской. – Мы ему надоели, потому что не слушаем его.

– Преимущества коммунальной квартиры, – хмыкнул Александр.

– И что из того? – удивилась Татьяна. – Все так живут. Ладно, уже пришли.

Открыв дверь, она с улыбкой объявила:

– Заходи, Александр.

– А я?.. – протянул Дмитрий.

– И ты тоже.

Домашние сидели вокруг большого обеденного стола в комнате деда и бабушки.

– Мама! Папа! Я пришла! – крикнула Татьяна с порога.

Никто даже головы не поднял.

– Где ты была? – равнодушно бросила мать.

– Да посмотрите же, сколько еды я накупила!

Отец осторожно, чтобы не пролить, наклонил бутылку над рюмкой.

– Молодец, дочка, – пробормотал он.

С таким же успехом она могла вернуться и с пустыми руками.

Досадливо вздохнув, она обернулась к стоявшему в коридорчике Александру. На его лице читалось... Сочувствие? Нет... что-то более теплое...

– Клади ящики и идем со мной, – прошептала она. – Папа, мама, бабушка, деда, это Александр...

– И Дмитрий, – вставил тот, словно боясь, что Татьяна о нем забыла.

– И Дмитрий, – повторила она.

Родные недоверчиво уставились на Александра и Татьяну. Родители продолжали сидеть с рюмками в руках, а дед с бабушкой перебрались на диван, чтобы освободить место молодым людям. У родителей был грустный вид. Пьют за Пашу и заедают водку огурчиками?

– Ты и вправду молодец, Татьяна. Я горжусь тобой, – объявил наконец отец, вставая. – Садитесь, юноши. Выпейте с нами.

– Спасибо, не могу, – вежливо отказался Александр. – Служба.

– Это у тебя служба, а у меня увольнительная, – запротестовал Дмитрий, выступив вперед.

Папа, хмуро взглянув на Александра, налил Дмитрию водки. Какой мужчина откажется от выпивки?

Татьяна понимала, что у Александра, возможно, есть свои причины пренебречь гостеприимством отца, тем не менее папе больше понравился Дмитрий. Странно, что неприязнь или симпатия могут возникать на пустом месте. А вот Татьяне как раз очень импонировало, что Александр отказался выпить.

– Таня, а ты не купила молока? – спросила мать.

– Папа велел покупать только то, что долго хранится.

– Откуда вы родом? – спросил отец у Александра.

– Краснодарский край.

Метанов покачал головой:

– В юности я жил в Краснодаре. У вас совсем другой выговор.

– И все же я именно оттуда, – мягко ответил Александр.

Татьяна поспешила сменить тему:

– Александр, не хочешь чая? Я сейчас заварю.

Он подвинулся ближе, и у нее снова перехватило дыхание.

– Нет, спасибо. Мне нужно идти, Таня. Дежурство.

Татьяна сняла босоножки.

– Простите, – улыбнулась она, – мои ноги...

Она изо всех сил делала вид, что это ее совсем не беспокоит, тем не менее волдыри на большом пальце и мизинцах кровоточили.

Взглянув на ее ноги, Александр сокрушенно покачал головой. В его глазах снова появилось то же странное выражение.

– Уж лучше шла бы босиком.

В комнате появилась Даша и при виде военных остановилась как вкопанная. Сегодня она была особенно красива. От нее словно исходило сияние, и Татьяна вдруг подумала, что сестра слишком уж красива, но прежде, чем успела что-то сказать, Даша радостно воскликнула:

– Саша! Что ты здесь делаешь?

Она даже не взглянула на сестру.

Татьяна недоуменно подняла брови.

– Ты знаешь Дашу?.. – начала было она, но осеклась, заметив, как он растерялся, как смущенно потупился, как проступил предательский румянец на его смуглых щеках.

Сама Татьяна стала стремительно бледнеть. О нет! Такого просто быть не может!

Лицо Александра стало бесстрастным. Он беспечно улыбнулся Даше и произнес, не глядя на Татьяну:

– Да, мы с Дашей знакомы.

– Еще бы! – засмеялась она, ущипнув его за руку. – И все же как ты сюда попал?

Татьяна оглядела комнату, пытаясь убедиться, видели ли остальные то, что заметила она. Дмитрий жевал огурец. Дед читал газету. Папа подносил к губам рюмку. Мама нарезала колбасу, а бабушка сидела с закрытыми глазами. Всем было не до нее.

– Военные помогли Татьяне донести продукты, – сообщила мать.

– Правда? – с легким любопытством поинтересовалась Даша. – Откуда ты знаешь мою сестру?

– Познакомились в автобусе.

– С моей младшей сестричкой? – ахнула Даша. – Это судьба!

Она снова ущипнула его.

– Давай сядем, – предложил Александр. – Кажется, мне все-таки необходимо выпить. – Он уселся у стены, но Даша с Татьяной остались стоять.

– Это тот, о ком я тебе говорила, – успела шепнуть Даша. То есть ей казалось, что она шепчет.

– Когда?

– Да утром же!

– Утром?

– Ты что, глухая? Это тот самый!

И Татьяна наконец поняла. Вовсе она не глухая. Просто утра не было. Были только ожидание автобуса и встреча с Александром.

– Конечно, – выдохнула она, запрещая себе давать волю чувствам.

Даша устроилась рядом с Александром. Грустно поглядывая на них, Татьяна принялась убирать продукты.

– Танечка, сложи все в шкаф, – велела мама.

– Не стоит возиться с рюмками, – предложил Александр. – Наливайте прямо в стаканы.

– Молодец! – восхитился папа. – Что ж, за новых друзей!

– За новых друзей, – хором отозвались остальные.

– Таня, выпей с нами, – позвал Дмитрий, и она было подошла, но папа сказал, что ей еще рано пить, и Дмитрий извинился.

Даша заявила, что выпьет за себя и сестру, и папа пошутил, что она уже и так сегодня много чего успела. Остальные рассмеялись. Только бабушка дремала, не обращая ни на кого внимания. А Татьяна кусала губы, желая одного: чтобы этот день поскорее закончился.

Она стала поднимать ящики и носить один за другим на кухню, лоя обрывки беседы.

– Укрепления следует достроить как можно скорее.

– Сейчас начнется переброска войск.

– Пора привести в порядок аэродромы. Установить зенитки. Нельзя терять времени.

Потом она услышала, как хвастается отец:

– Наша Таня работает на Кировском заводе. Только что окончила школу, на год раньше своих сверстников. Через год собирается поступать в университет. По ней никогда не скажешь, что училась лучше всех в классе!

Татьяна улыбнулась отцу.

– Не знаю, зачем это... Что ей взбрело в голову устроиться на завод? Это так далеко, а она еще совсем девчонка, – вмешалась мать.

– Ничего, ты всю жизнь все за нее делала, пора ей самой о себе позаботиться, – отрезал отец.

– Таня! – крикнула мать. – Ты все равно толчешься на кухне, так вымой хотя бы посуду!

Татьяна убрала все продукты в шкаф. Перенося ящики, она все время украдкой поглядывала на спину Александра. Карелия, финны, граница, танки, превосходство в живой силе и технике, предательские болотистые леса, через которые так трудно пробираться, зима тридцать девятого...

Она все еще была на кухне, когда из комнаты вышли Даша, Александр и Дмитрий. Александр не смотрел на Татьяну. Словно Даша перекрыла невидимый кран и вода, та вода, которая давала Татьяне радость и жизнь, иссякла.

– Таня, попрощайся! – крикнула Даша. – Они уходят.

Татьяне ужасно хотелось стать невидимкой, но увы...

– До свидания, – сказала она, не двигаясь с места и вытирая выпачканные мукой руки о свое белое платье с розами. – Еще раз спасибо за помощь.

– Я провожу тебя, – объявила Даша, взяв Александра за руку.

Дмитрий подошел к Татьяне и спросил, может ли он снова зайти к ней. Наверное, она сказала «да» или кивнула. Она почти не слышала его.

Александр наконец поднял на нее глаза:

– Рад был познакомиться с тобой, Татьяна.

Она, кажется, что-то ответила. А может, и нет.

Все трое ушли, а Татьяна еще долго стояла на кухне. Пока не появилась мать и не сказала:

– Офицер забыл фуражку.

Татьяна взяла у нее фуражку, но прежде, чем успела шагнуть в коридор, вернулся Александр – один.

– Фуражку забыл, – пояснил он.

Татьяна молча, не глядя на него, протянула ему фуражку.

Их пальцы на мгновение встретились. Татьяна вдруг вскинула голову и грустно на него посмотрела. Что делают взрослые в таком случае? Ей хотелось плакать. Но она умудрилась сглотнуть колючий комок и удержаться от слез.

– Прости, – сказал Александр так тихо, что Татьяна не была уверена, правильно ли его расслышала. Он повернулся и вышел.

– Что это ты вытворяешь? – нахмурилась мать.

– Ах, мама, скажи спасибо, что нам удалось хоть что-то достать! – огрызнулась Татьяна и, вспомнив, что хотела есть, намазала маслом кусочек хлеба, рассеянно откусила и выбросила остальное.

Идти было некуда. Везде люди. Как бы она хотела забиться в крохотную каморку, где можно было бы остаться одной и без помех заняться дневником.

У Татьяны не было своей комнаты и, следовательно, дневника тоже. Насколько она поняла из прочитанного, в дневниках содержались очень личные мысли, которыми не следовало делиться с посторонними. А ей приходилось держать свои сокровенные мысли при себе. Не станешь же ты выкладывать их той, с кем спишь в одной постели, даже если это твоя родная сестра! Лев Толстой, один из ее любимых писателей, всю жизнь, с самого детства, вел дневники. Но он писал их специально для того, чтобы их читали тысячи людей. Такие дневники Татьяне ни к чему. В своем дневнике она хотела бы сто раз подряд написать имя Александра и чтобы никто, кроме нее, не мог его прочитать. Хотела бы иметь комнату, в которой могла бы произносить его имя вслух с утра до вечера, и чтобы никто, кроме нее, не услышал бы ее.

Александр.

Татьяна понуро побрела в комнату, села рядом с матерью и сжевала печенье.

Родители говорили о деньгах, которые Даша так и не смогла снять со счета в закрывшейся раньше времени сберкассе. Немного потолковали об эвакуации, но ни словом не упомянули о Паше, да и как можно... А Татьяна ни словом не обмолвилась об Александре, да и как можно...

Отец нахваливал Дмитрия, очевидно считая его прекрасным молодым человеком. Татьяна молча слушала, стараясь не давать воли чувствам. Вернулась Даша и поманила сестру в спальню. Та послушно поднялась.

Закрыв за собой дверь, Даша возбужденно выпалила:

– Ну, что ты думаешь?

– О чем? – устало пробормотала Татьяна.

– О нем, конечно! Что ты думаешь о нем?

– Симпатичный.

– Симпатичный? И это все? Брось! Уж лучше признайся, что не встречала мужчины красивее.

Татьяна натянуто улыбнулась.

– Ну что, я была права? Верно?

– Права, права, – кивнула Таня.

– Просто невероятно, что вы с ним встретились вот так, в автобусе!

– Невероятно, – эхом отозвалась Татьяна, вставая и делая шаг к двери.

Но Даша резко загородила ей дорогу. Противостоять сестре у Татьяны сейчас не было сил. Впрочем, как всегда. Даша на семь лет старше. Умнее. Красивее. Привлекательнее. И всегда побеждает.

Татьяна обреченно опустила на кровать. Даша устроилась рядом:

– А Дмитрий? Он тебе понравился?

– Наверное. Послушай, Даша, не стоит обо мне волноваться.

– А кто волнуется? – хмыкнула сестра, ероша ее волосы. – Присмотрись к нему. Похоже, ты ему приглянулась. – Судя по тону, сестра была немало удивлена. – Должно быть, твое платье помогло.

– Должно быть. Знаешь, я еле на ногах держусь. Полгорода пешком обошла.

Даша обняла сестру:

– А вот мне Александр нравится. Так сильно, что даже сказать не могу.

У Татьяны все внутри заледенело. Встретившись с Александром, гуляя с Александром, улыбаясь Александру, Татьяна успела понять, что его отношения с Дашей не просто мимолетный флирт из тех, что затевают в садах Петергофа или на ступенях Адмиралтейства. В этот раз, кажется, все серьезно.

– Не стоит ничего объяснять, – обронила она едва слышно.

– Когда-нибудь, Танечка, ты станешь взрослой и все поймешь.

Татьяна искоса посмотрела на сестру, открыла рот... Но запал прошел так же внезапно, как появился.

Она хотела крикнуть: «Александр перешел улицу ради меня! Сел в автобус ради меня! Добрался до самых окраин ради меня!»

Но сказать этого старшей сестре она не могла.

А вот другое...

«Даша, у тебя и без того много парней. Ты можешь завести нового в любую минуту, и он будет от тебя без ума. Ты красавица, умница, и все тебя любят. Отдай мне Александра!»

А вот другое...

«Что, если я ему нравлюсь больше?»

Татьяна ничего не сказала.

Потому что не была уверена, так ли это. Особенно последняя часть. Как может Татьяна нравиться больше Даши? Стоит только взглянуть на Дашу с ее волосами и фигурой! Может, Александр переходил улицу и ради Даши? Пересек город, переправился через реку ради Даши в три часа белой ленинградской ночи, когда мосты были разведены?

Татьяне было нечего сказать. Она закрыла рот. Все впустую. Все напрасно.

Даша не сводила с нее глаз.

– Таня, Дима – солдат. Военные – люди особые. Тебе он может показаться... грубоватым.

– О чем ты?

– Да так, ни о чем. Но наверное, придется немного привести тебя в порядок.

– В порядок? – задохнулась Татьяна; упрямое сердце снова рванулось к самому горлу.

– Тебе надо немного прихорошиться! Может, чуть-чуть помады... новая прическа... –

Даша коснулась Татьянинных волос.

– Может быть. Только не сейчас, ладно?

И она, как была в белом платье с алыми розами, повалилась на кровать и отвернулась лицом к стене.

3

Александр быстро шел по Лиговскому проспекту.

Они долго молчали, прежде чем Дмитрий, еще не отдышавшись, заметил:

– Дружная семья.

– Очень, – спокойно отозвался Александр.

Быстрая ходьба ничуть его не утомляла. Но говорить с Дмитрием о Метановых он не хотел.

– Я помню Дашу, – продолжал Дмитрий, едва поспевая за Александром. – Видел тебя с ней несколько раз в «Садко». Верно?

– Да.

– Но ее сестра не хуже, не находишь?

Александр не ответил.

– Георгий Васильевич сказал, что Тане почти семнадцать. – Он нервно дернул головой. – Семнадцать! Помнишь нас в семнадцать лет, Саша?

Александр ответил не сразу.

– Слишком хорошо.

Жаль, что у него такая долгая память.

Задумавшись, он пропустил мимо ушей реплику Дмитрия.

– Я не расслышал. Ты о чем?

– Как по-твоему, – терпеливо повторил тот, – она чересчур молодая или чересчур взрослая для семнадцати?

– В любом случае для тебя она чересчур молодая, – холодно обронил Александр.

Дмитрий долго молчал.

– Но какая хорошенькая! – протянул он наконец.

– Да. И все же чересчур молодая для тебя.

– А тебе какое дело? Ты занялся старшей сестрой, а я хочу получше узнать младшую, – хмыкнул Дмитрий. – Почему нет? Из нас может выйти слаженный квартет, не считаешь? Два лучших друга, две сестры... в этом есть некая симметрия...

– Дима, – перебил Александр, – ты уже забыл про Елену и вчерашний вечер? Кстати, Елена призналась, что ты ей понравился.

Дмитрий пренебрежительно отмахнулся:

– Неужели ты успел поговорить с Еленой? Нет, таких, как она, – тринадцать на дюжину. Не то что Татьяна. Это совсем другой коленкор.

Он плотоядно потер руки и ухмыльнулся.

На лице Александра не дрогнул ни единый мускул. Не дернулся глаз, не сжались губы, не сошлись брови. Только шаги все убыстрялись.

Дмитрий перешел на рысь:

– Саша, подожди! Насчет Тани... я только хотел убедиться, что ты... не возражаешь...

– Разумеется, нет. С чего бы? – бесстрастно ответил он.

– Верно! – воскликнул Дмитрий, хлопая друга по плечу. – Ты настоящий друг. Кстати, хочешь, организую вечеринку, повеселимся немного...

– Нет!

– Но ты всю ночь будешь на дежурстве. Брось, нужно же развлечься, как всегда...

– Нет. Не сегодня! – отрезал Александр и, помедлив, добавил: – И никогда, договорились?

– Но...

– Я опаздываю. Побегу, пожалуй. Увидимся в казарме.

Подводные течения

1

Первое, что представила Татьяна, проснувшись на следующее утро, было лицо Александра. С Дашей она не разговаривала, старалась даже не смотреть на сестру. Уходя, та небрежно бросила:

– С днем рождения.

– Да, Танечка, с днем рождения, – повторила мать, спеша к выходу. – Не забудь закрыть дверь.

Папа поцеловал ее в лоб и не преминул заметить:

– Твоему брату сегодня тоже семнадцать.

– Я помню, папа.

Отец работал инженером-технологом на ленинградском «Водоканале». Мама была швеей. На их предприятии шили халаты для больниц. Даша два года назад бросила университет и устроилась медсестрой у зубного врача. Поначалу между ними было что-то вроде пылкого романа, но все давно закончилось. Однако Даша не ушла, потому что работа ей нравилась. Непыльная и платят неплохо.

Татьяна отправилась на завод, где все утро провела на собрании. Начальник цеха Сергей Красенко спрашивал, кто хочет вступить в добровольческие отряды, которые будут рыть окопы, чтобы помочь Красной армии отогнать проклятых фашистов.

Татьяна почти не слушала. Окопы... отряды... все казалось таким далеким. Вчера она встретила Александра.

Красенко продолжал говорить. Оказалось, что укрепления к северу от Ленинграда, тянувшиеся по старой границе с Финляндией, необходимо как можно скорее привести в порядок. Опасались, что Финляндия попытается вернуть себе Карелию.

Татьяна наострила уши. Карелия... Карельский перешеек... Александр вчера что-то говорил об этом. Александр...

Татьяна поникла.

Женщины молча слушали Красенко. Ни одна не вызвалась рыть окопы. Ни одна, кроме Тамары, той, что сидела последней на конвейере.

– Что я теряю? – прошептала она, вскакивая с места. Наверное, ей до чертиков надоела ее работа.

Перед обедом Татьяне выдали очки, косынку и коричневый халат. Ложки и вилки куда-то исчезли. Теперь по конвейерной ленте плыли патроны. Они рядами ложились в маленькие картонные коробки, а она должна была укладывать коробки в большие деревянные ящики.

Ровно в пять Татьяна сняла халат, косынку и очки, плеснула в лицо водой, аккуратно стянула волосы резинкой и вышла за ворота. Предстояло шагать по проспекту Стачек, вдоль знаменитой заводской стены, бетонного сооружения высотой семь метров, тянувшегося на пятнадцать кварталов. До ее остановки было всего три.

А на остановке ее ждал Александр.

При виде его высокой фигуры лицо Татьяны озарилось невольной радостью.

Положив руку на грудь, она на секунду остановилась, но он улыбнулся; покраснев, Татьяна проглотила уже привычный комок в горле и пошла ему навстречу. И лишь краем сознания отметила, что он держит фуражку в руках. Жаль, что она так небрежно умылась.

В голове теснилось столько слов, что она не могла говорить. И это как раз в ту минуту, когда уместнее всего было бы заговорить как ни в чем не бывало.

– Что ты здесь делаешь? – пролепетала она.

– Знаешь, началась война. Со мной все может случиться в любой момент, так что не время притворяться, – твердо произнес он.

И опять у Татьяны не нашлось слов.

– С днем рождения.

– Спасибо.

– Будешь праздновать?

– Не знаю. Сегодня понедельник, все усталые, злые... Поужинаем. Может, выпьем.

Она вздохнула. В другом мире, возможно, стоило бы набраться храбрости и пригласить его на именинный ужин. Но это в другом мире. Не в этом.

Они ждали. Вокруг толпились мрачные люди. Но Татьяна не испытывала ни грусти, ни горечи. Может, она и была бы такой, как они, если бы стояла одна. Если бы рядом не было его.

И вдруг она вспомнила о войне. Как пойдет дальше ее жизнь?

– Откуда ты узнал, что я здесь?

– Твой отец сказал, что ты работаешь на Кировском. Вот я и рискнул – в надежде, что ты еще не успела уехать.

– Почему? – беспечно бросила она. – Или у нас уже входит в привычку встречаться в автобусах?

– У нас? Советских людей? Или у нас с тобой?

Она вспыхнула.

Подошел переполненный автобус, куда, однако, смогли втиснуться два десятка счастливых. Молодые люди даже не пытались включиться в общую свалку.

– Пойдем, – решил он наконец, уводя ее с остановки.

– Куда?

– Я провожу тебя до дома. Нам нужно поговорить.

Девушка с сомнением покачала головой.

– До дома километров восемь, не меньше, – заметила она, поглядывая на свои ноги.

– Сегодня ты в удобных туфлях? – неожиданно спросил он.

Татьяна кивнула, проклиная свою ребяческую неловкость.

– Вот что, давай доберемся до улицы Говорова, а там сядем на первый трамвай. Сможешь пройти один длинный квартал? Здесь слишком много народа, и все ждут автобуса или троллейбуса. На трамвайной остановке людей поменьше.

– Но он не идет до моего дома, – возразила Татьяна.

– Зато идет до Варшавского вокзала, где можно пересесть на шестнадцатый трамвай, который как раз останавливается на углу Греческого и Пятой Советской. Или вместе со мной поедешь на втором трамвае. Я сойду у казарм, а ты – у Русского музея. – Он помедлил. – Или пойдем пешком.

– Ни за что! – решительно отказалась Татьяна. – Даже если бы на мне были лапти. Идем на трамвай.

Она уже знала, что не станет пересаживаться ни у какого вокзала, чтобы вернуться домой в одиночестве.

Прождав трамвай минут двадцать, она согласилась пройти несколько километров до шестнадцатого трамвая. С улицы Говорова они свернули на улицу Шкапина, которая шла по диагонали к набережной Обводного канала.

Татьяна не хотела садиться в свой трамвай. Не хотела, чтобы он садился в свой. Она просто хотела идти и идти вдоль канала. Но как ему сказать об этом? Были и другие вещи, о которых ей хотелось поговорить. Она всегда старалась не быть навязчивой. Всегда долго подбирала слова, боялась показаться дурочкой и вообще предпочитала молчать, поэтому порой выгля-

дела либо болезненно застенчивой, либо попросту воображалай. Вот Даша ни о чем подобном не беспокоилась. Говорила первое, что в голову придет.

Но сейчас, пожалуй, стоит прислушаться к внутреннему голосу.

Ее просто подмывало спросить Александра о Даше.

Он начал первым:

– Не знаю, как тебе сказать... Ты можешь считать, что я вмешиваюсь не в свои дела, но...

Александр нерешительно замолчал.

Татьяна вопросительно уставилась на него.

– Может быть, это и так, – заметила она, – но все равно говори.

– Таня, скажи отцу, чтобы забрал твоего брата из Толмачева.

Татьяна почти не слышала его, потому что они как раз добрались до здания Варшавского вокзала, тожественного и нарядного, и она мельком подумала, как, должно быть, хорошо сесть в поезд, увидеть Варшаву, Люблин и Святокрест... Но тут в голове у нее отпечатались отдельные слова: «брат», «Толмачево», «забрать»...

Татьяна этого не ожидала, хотя сама не знала, чего ожидать. Александр упомянул о Паше, которого не знал и даже никогда не видел.

– Почему? – спросила она наконец.

– Есть опасность, – ответил Александр после короткой паузы, – что немцы займут Толмачево.

– О чем ты?

Она не понимала. А если бы и понимала... *Предпочла* бы не понимать. Боялась еще больше расстроиться. Она была так счастлива, что Александр сам, сам пришел встретить ее! И все же что-то в его голосе: «Паша», «Толмачево», «немцы» – все эти слова объединялись в одно связное предложение, произнесенное почти незнакомцем с теплыми глазами и холодным голосом. Неужели он не поленился добратся до Кировского, чтобы напугать ее? Для чего?

– Но что я могу сделать?

– Поговорить с отцом. Пусть срочно забирает Пашу из Толмачева. Зачем он вообще туда его отправил? – воскликнул Александр. – Решил, что это безопасное место?

Он вздрогнул, и по лицу пробежала быстрая тень. Татьяна пристально наблюдала за ним, ожидая объяснений. Но он молчал. Татьяна откашлялась.

– Там лагерь. Там много лагерей.

– Знаю, – кивнул Александр. – Многие ленинградцы отослали туда своих мальчишек.

Его лицо ничего не выражало.

– Но ведь немцы еще в Крыму, – удивилась Татьяна. – Так сказал товарищ Молотов. Разве ты не слышал его речь?

– Да, они в Крыму. Но граница с Европой тянется на две тысячи километров. И гитлеровская армия заняла каждый метр этой границы, к югу от Болгарии, к северу до Польши.

Он помолчал. Она ничего не ответила.

– Пока что самое безопасное место для Паши – Ленинград.

– Откуда такая уверенность? – скептически бросила оживившаяся Татьяна. – Почему же по радио все время твердят, что Красная армия всех сильнее? У нас есть танки, самолеты, пушки. Ты не согласен? – Она укоризненно покачала головой.

– Таня, Таня, Таня... – вздохнул Александр.

– Что, что, что? – протараторила она, и Александр, несмотря на серьезность положения, едва не рассмеялся. Она тоже улыбнулась.

– Таня, Ленинград так долго жил в соседстве с враждебной Финляндией – граница проходит всего в двадцати километрах отсюда, к северу, – что мы забыли вооружить юг. Там и кроется опасность.

– Если это так, почему ты отправил Дмитрия в сторону Финляндии, где, как ты говоришь, сейчас все спокойно?

– Но разведка все равно необходима, – возразил Александр, и Татьяна почувствовала, что он чего-то недоговаривает. – Видишь ли, я считаю, что с севера Ленинград достаточно защищен, а вот на юге и юго-западе нет ни одной дивизии, ни одного полка, даже батальона. Понимаешь, о чем я?

– Нет, – ответила она вызывающе.

– Поговори с отцом насчет Паши, – повторил Александр.

Оба замолчали, шагая бок о бок по притихшим улицам. Даже солнечный свет казался приглушенным, даже листья не шевелились, и только Александр и Татьяна медленно двигались вперед, приостанавливаясь на каждом перекрестке, не поднимая глаз от тротуара. «Хоть бы это никогда не кончалось», – подумала Татьяна. А о чем думал он?

– Послушай, – почти прошептал Александр, – насчет вчерашнего... Прости, что так вышло. Что я мог сделать? Твоя сестра и я... я не знал, что она твоя сестра. Мы встретились в «Садко»...

– Понимаю. Конечно. Не стоит объяснять, – перебила Татьяна. Он сам заговорил о Даше... и это главное.

– Стоит! Прости, если... если я тебя расстроил.

– Нет, вовсе нет. Все в порядке. Она рассказывала о тебе. Она и ты... – Татьяна хотела было сказать, что она рада за них, но слова застряли в горле. – Кстати, о Дмитрие. Он симпатичный, правда? Когда он вернется из Карелии?

Зачем она все это говорит? Чтобы позлить его? Татьяна сама не знала. Просто хотела сменить тему.

– Понятия не имею. Когда выполнит задание. Через несколько дней.

– Что-то я устала. Давайждемся трамвая.

– Разумеется, – отозвался Александр. – Здесь рядом остановка шестнадцатого.

Они уже сидели в трамвае, когда он снова заговорил:

– Татьяна, у нас с твоей сестрой ничего серьезного нет. Я скажу ей...

– Нет! – вскрикнула она чересчур громко; двое немолодых мужчин, сидевших впереди, обернулись и как по команде подняли брови. – Нет, – повторила она уже спокойнее, но не менее решительно. – Это невозможно. – Она прижала руки к щекам, но тут же отняла. – Она моя старшая сестра, неужели ты не понимаешь?

– *Я был единственным ребенком у родителей.*

Его слова эхом отозвались в ее груди.

– Она моя единственная сестра, – уже мягче пояснила она, – и относится к тебе... серьезно.

Стоит ли распространяться дальше? Вряд ли, но, судя по его расстроенному лицу, придется.

– Мальчишек много, – добавила она, с деланным безразличием пожав плечами, – а сестра одна.

– Я не мальчишка, – процедил Александр.

– Ну, мужчин, – поправилась она; каждое слово давалось ей с трудом.

– А почему ты считаешь, что будут и другие?

Татьяна от неожиданности растерялась, но сдаваться не желала.

– Потому что вас столько же, сколько и женщин. И я точно знаю, что другой сестры у меня не будет. – Не дождавшись ответного замечания, она осмелилась спросить: – Тебе ведь нравится Даша, верно?

– Конечно. Но...

– Значит, – перебила девушка, – все улажено, и не стоит об этом говорить.

Она тяжело вздохнула.

– Ты права, – нехотя согласился Александр.

Татьяна порывисто отвернулась к окну.

Думая о том, кем бы хотела быть в этой жизни, Татьяна всегда вспоминала о дедушке. О спокойном достоинстве, с которым он неизменно держался, несмотря на то что жизнь многим его обделила. Он мог бы стать кем угодно, но предпочел работать учителем математики. Татьяна не знала, профессия ли заставила его видеть мир в черно-белом свете, или это было самой сутью его характера, которая определялась тягой к математическим абсолютам, но, как бы то ни было, Татьяна неизменно им восхищалась. И когда в детстве ее спрашивали, кем она хочет стать, когда вырастет, всегда отвечала:

– Хочу быть как мой дедушка.

Она знала, как повел бы себя дед в этом случае. Он никогда бы не переступил через свою сестру.

Трамвай миновал площадь Восстания. Александр попросил ее выйти за пару остановок до 5-й Советской, около краснокирпичного здания детской больницы имени Раухфуса на углу 2-й Советской и Греческого.

– Я родилась в этой больнице, – сообщила Татьяна.

– Скажи, тебе нравится Дмитрий?

Прошла добрая минута, прежде чем Татьяна решилась ответить.

Какого ответа он ждал? Это было важно для него или он хотел оказать дружескую услугу приятелю? Если он спрашивает ради Дмитрия и Татьяна скажет «нет», наверняка обидит парня, а этого ей вовсе не хотелось.

Если Александр допытывается ради себя и она ответит «да», значит обидит его, а этого ей не хотелось еще больше. Что обычно делают девушки в таких случаях? Играют... кокетничают... специально держат парней в напряжении?

Между Александром и Дашей что-то есть. Обязана ли она быть откровенной с ухажером сестры?

И нужен ли ему честный ответ?

По-видимому, да.

– Нет, – произнесла она наконец. Больше всего на свете она боялась оттолкнуть Александра. И по его лицу она заметила, что ответила правильно. – Хотя Даша советовала к нему присмотреться. Что ты думаешь?

– Нет, – недослушав, ответил он.

Они остановились на углу 2-й Советской и Греческого проспекта. Впереди, почти напротив ее дома, поблескивал церковный купол. Татьяна не могла вынести мысли о том, что он сейчас уйдет. Теперь, когда он пришел, попросил о невозможном и получил отказ, она боялась, что больше его не увидит. И она снова останется одна. Нет... она не даст ему исчезнуть... Не сейчас.

– Александр, – тихо спросила она, глядя ему в лицо, – твои родители все еще в Краснодаре?

– Нет. Не в Краснодаре.

Она не отвела глаз. Его взгляд словно проникал в ее сердце.

– Таня, я сейчас не могу всего объяснить, как бы мне этого ни хотелось.

– Попробуй, – выдохнула она.

– Только помни: нынешнее состояние Красной армии – неподготовленность, хаос, неразбериха – все это невозможно понять, не зная событий последних четырех лет. Ясно?

Татьяна стояла, боясь пошевелиться.

– Нет. Какое отношение это имеет к твоим родителям?

Александр подступил чуть ближе, закрывая ее от солнца.

– Мои родители мертвы. Мать погибла в тридцать шестом, отец – в тридцать седьмом. Она едва его слышала.

– Расстреляны. НКВД. Но теперь мне пора. Хорошо?

Потрясенное лицо Татьяны, должно быть, остановило его, потому что он похлопал ее по плечу и угрюмо усмехнулся:

– Не тревожься. Иногда все идет не так, как мы хотели бы, какие бы планы ни строили, как бы ни добивались цели. Верно?

Татьяна молча кивнула. Ей почему-то казалось, что он имеет в виду не только своих родителей.

– Александр, ты хочешь...

– Мне пора, – повторил он. – Еще увидимся.

Ей не терпелось спросить *когда*, но она лишь пробормотала:

– Увидимся.

Девушке не хотелось идти домой, снова сидеть на кухне, в комнате, *в замкнутом пространстве*. Хорошо бы снова оказаться в трамвае, или на автобусной остановке, или даже в военторге, на улице, где угодно, только с ним.

Дойдя до своей квартиры, она долго стояла на площадке перед дверью, бездумно обводя пальцем восьмерку, не решаясь войти и встретиться с сестрой.

2

В доме только и было разговоров что о войне. Праздничного ужина никто не готовил, зато водки оказалось много. Как и громких споров. Что будет с Ленинградом? Когда Татьяна вошла в комнату, отец с дедом как раз сцепились из-за политики Гитлера, словно оба знали его лично. Маму интересовало, почему товарищ Сталин до сих пор не выступил по радио. Даша спрашивала, не следует ли ей уволиться с работы.

– С чего это? – раздраженно сказал отец. – Посмотри на Таню! Семнадцати еще нет, а все же не спрашивает, стоит ли ей работать.

Все уставились на Татьяну. Даша растерянно хмурилась. Татьяна положила сумку.

– Сегодня уже исполнилось, папа.

– Ах да! – воскликнул отец. – Конечно! Безумный день! Давайте выпьем за здоровье Паши... Ну и Тани тоже.

Паши с ними не было, и комната почему-то казалась из-за этого меньше.

Татьяна прислонилась к стене, выжидая момента, когда можно будет заговорить о Паше и Толмачеве. На нее почти никто не обратил внимания, если не считать Даши, сидевшей на диване.

– Поешь хотя бы куриного супа, – посоветовала она. – На плите стоит.

Татьяна молча кивнула, пошла на кухню, налила себе два половника супа с картофелем и морковью, уселась на подоконник и стала смотреть в окно, пока остывал суп. Сейчас она не могла есть ничего горячего. Внутри и так все горело.

Она вернулась в комнату как раз в тот момент, когда мать успокаивала отца:

– Война закончится еще до зимы, вот увидишь.

Папа рассеянно перебирал складки рубашки.

– Знаешь, Наполеон тоже вторгся в Россию в июне.

– Наполеон! – встрепенулась мама. – Интересно, какое отношение имеет ко всему этому Наполеон?

Татьяна открыла было рот, чтобы сказать насчет Толмачева, но как преподнести все это взрослым, всезнающим, умным людям? Признаться, откуда у нее эти сведения насчет захвата Толмачева немцами?

Она поспешно сжала губы.

Папа рассеянно вертел в руке пустую рюмку.

– Давай еще выпьем за Пашу, – предложил он.

– Поедем в Лугу! – воскликнула мама. – На нашу дачу. Подальше от города.

Ну как могла Татьяна промолчать?

– Может... – выдавила она с решимостью ягненка, идущего на заклание, – может, стоило бы привезти Пашу из лагеря?

Все домашние уставились на нее с нескрываемым сожалением, то ли удивляясь, как это она посмела заговорить, то ли сожалея, что завели речь о таких серьезных вещах в присутствии ребенка.

Мама неожиданно заплакала:

– Таня права. Нужно было привезти его. Сегодня у него день рождения, а он там один...

«Это и мой день рождения», – подумала Татьяна и поднялась.

– Куда ты? – окликнул отец.

– В ванную.

– В ванную? А посуда? Отнеси тарелки на кухню.

– Я хотела искупаться, – пояснила Татьяна, собирая со стола грязную посуду.

Даша ушла. Татьяна не спросила куда. Наверное, на свидание с Александром. Не стоило жалеть себя, нужно быть стойкой. Если и жалеть о чем-то, так лишь о повороте событий, открывших ей целый мир чувств исключительно для того, чтобы эти чувства погибли в зародыше, раздавленные неумолимой судьбой. Так что нет смысла попусту убиваться. Только хуже будет.

Татьяна заставила себя перечитать несколько рассказов Чехова, неизменно убаюкивающих ее своей бессобытийностью и служивших чем-то вроде снотворного. Отец и дедушка продолжали спорить о войне.

Под их голоса Таня заснула. Без четверти два ее разбудил странный звук, подобного которому она до сих пор не слышала. То ли вой, то ли визг. Подбежавший отец объяснил, что это сирена, предупреждающая о воздушном налете. Татьяна спросила, не нужно ли куда-то бежать. Значит, немцы уже бомбят их?

– Спи, Танюша, – посоветовал отец.

Но как она могла спать под этот вой? И Даша до сих пор не вернулась.

Сирена через несколько минут смолкла. Но Даши по-прежнему не было.

3

Утром на заводе было объявлено, что по случаю введения военного положения рабочий день увеличивается на два часа. До дальнейшего распоряжения. Татьяна предположила, что дальнейшее распоряжение поступит только в конце войны. Красенко уведомил рабочих, что партийное руководство решило организовать производство тяжелого танка КВ-1 для обороны Ленинграда и что вся оборонная продукция будет производиться на Кировском. Товарищ Сталин не будет перебрасывать вооружение с Южного фронта для защиты города. Придется обходиться тем, что есть.

После этого собрания многие рабочие вызвались идти добровольцами на фронт, и Татьяна опасалась, что завод вообще закроется. Ничего подобного. Когда все разошлись, она и еще одна работница, Зина, измученного вида женщина средних лет, вернулись к конвейеру. Пришлось взять в руки молоток и заколачивать ящики. К семи часам руки и спина невыносимо ныли.

Когда Татьяна с Зиной шагали вдоль заводской стены, то, не доходя до остановки, Татьяна заметила возвышавшуюся над толпой темную голову Александра.

– Мне нужно идти, – пробормотала она, с трудом переводя дыхание и ускоряя шаг. – До завтра.

Зина что-то пробормотала в ответ. Подойдя ближе, Татьяна кивнула:

– Что ты здесь делаешь?

Она слишком устала, чтобы изображать безразличие. Проще улыбнуться.

– Хочу проводить тебя домой. Как прошел твой день рождения? Кстати, ты поговорила с родителями?

– Нет. Не поговорила, – покачала головой Татьяна, избегая разговоров о дне рождения. – Может, поручишь это Даше? Она больше для этого подходит.

– Разве?

– О, намного! Я трусливее зайца.

– Я пытался объяснить ей. Она и слушать ничего не желает. Конечно, это не мое дело. Я просто пытаюсь помочь. – Он пожал плечами и, оглядев длинную очередь на автобус, заметил: – Мы в жизни не сядем на этот автобус. Пойдем пешком?

– Только до трамвая. У меня сил нет. Целый день орудовала молотком. – Она остановилась, поправляя волосы. – Долго ждал?

– Два часа, – признался он, и ее усталость куда-то подевалась.

Она удивленно взглянула на Александра:

– Два часа?.. – «Неужели ради меня?» – мелькнуло у нее в голове. – Рабочий день продолжили до семи. Прости, что так получилось.

Они перешли дорогу и направились к улице Говорова.

– Почему ты с оружием? – спросила она, показывая на винтовку. – Опять патрулируешь?

– Нет, я свободен до десяти. Приказано носить с собой.

– Они еще не прорвались? – спросила Татьяна, стараясь скрыть свое беспокойство.

– Еще нет.

– А винтовка тяжелая?

– Не очень. Хочешь поносить?

– Конечно! – оживилась она. – Никогда не держала в руках винтовки.

Татьяна схватила винтовку и едва не уронила, такой тяжелой она оказалась. Пришлось удерживать ее обеими руками. Но все равно сил было маловато.

– Не знаю, как у тебя это получается! Лучше сам носи! – сказала она.

– Может, придется не только нести, но и стрелять. И бежать вперед, и падать на землю, и вскакивать, и снова бежать, с винтовкой в руках и рюкзаком на спине...

– Не знаю, как у тебя это получается, – повторила она.

Хорошо быть таким сильным. Уж он-то в два счета справился бы с Пашей.

Подошел переполненный трамвай. Они едва туда втиснулись. На этот раз стояли. Александр держал одной рукой винтовку, а другой стискивал коричневую кожаную петлю. Татьяна вцепилась в ржавую металлическую стойку. При каждом толчке ее бросало на Александра, и она каждый раз извинялась. Его тело казалось тверже заводской стены.

Татьяне хотелось посидеть с ним где-нибудь в тихом месте, расспросить о родителях. Нельзя же говорить об этом в трамвае. Да и стоило ли пытаться узнать о нем больше? Ведь тогда они станут ближе, а ей нужно быть от него как можно дальше.

Татьяна молчала, пока они не доехали до проспекта Майорова, где пересели на второй номер, который шел в сторону Русского музея.

– Ну... вот... мне пора, – неохотно сообщила Татьяна, когда они вышли.

– Хочешь, немного посидим? – неожиданно спросил Александр. – Вон на тех скамейках в Михайловском сквере?

– Ладно, – кивнула Татьяна, стараясь не показывать своей радости.

Только после того, как они сели, Татьяна заметила, что он чем-то озабочен, словно хочет сказать что-то и не может. Только бы он не стал говорить о Даше. Ведь и без того все ясно. Тем более что он старше и должен многое понимать.

– Александр, как называется это здание? – спросила она, ткнув пальцем в первое попавшееся на глаза строение.

– Гостиница «Европейская». Она и «Астория» – лучшие гостиницы в Ленинграде.

– Похожа на дворец. А кто здесь останавливается?

– Иностранцы.

– Мой отец ездил в Польшу по делам несколько лет назад. Как я ему завидую! Хотелось бы и мне посмотреть мир!

Она неловко сглотнула и закашлялась.

– Александр... мне жаль твоих родителей. Пожалуйста, расскажи, что случилось.

С губ Александра сорвался облегченный вздох.

– Твой отец прав. Я не из Краснодара.

– Правда? Откуда же?

– Ты когда-нибудь слышала о таком городе, как Баррингтон?

– Нет. Где это?

– В Массачусетсе.

Татьяна подумала, что ослышалась. Глаза ее медленно округлились.

– Массачусетс? – охнула она. – Как в Америке?

– Да. В Америке.

– И ты американец?

– Именно.

Татьяна потеряла дар речи. В ушах громом отдавался стук сердца. Она вынудила себя закрыть рот и выпрямиться.

– Смеешься? Я, конечно, дурочка, но не настолько.

– Не смеюсь, – покачал головой Александр.

– Знаешь, почему я тебе не верю?

– Знаю. Считаешь, что такого не бывает.

– Совершенно верно, не бывает.

– Коммунальные квартиры очень разочаровали, – вздохнул Александр. – Мы... то есть отец питал такие надежды на новую жизнь, а оказалось, что здесь нет даже душа.

– Душа?

– Не важно. Горячей воды. Мы даже не смогли принять ванну в той гостинице, где остановились. А у вас есть горячая вода?

– Конечно нет! Мы кипятим воду на плите и разбавляем холодной. А каждую субботу ходим в баню, как все в Ленинграде.

– В Ленинграде, Москве, Киеве, во всем Советском Союзе, – кивнул Александр.

– Нам повезло: в маленьких городах и водопровода нет. Дед рассказывал.

– Верно. Мы долго не могли привыкнуть к общим туалетам, но все же как-то приспособились. Приходилось готовить на дровах и воображать себя семейством Инголл.

– А кто это?

– Семья Инголл жила на американском Западе в конце девятнадцатого века. Но мой отец был социалистом и хотел жить там, где строят новую жизнь. Я как-то иронично заметил отцу, что это куда лучше, чем Массачусетс. Он ответил, что социализма без борьбы не построишь. Думаю, тогда он искренне в это верил.

– Когда вы приехали?

– В тридцатом, как раз после биржевого краха в двадцать девятом, – начал было объяснять Александр, но взглянул на ее непонимающее лицо и вздохнул. – Не важно. Мне было одиннадцать. И я вовсе не хотел уезжать из Баррингтона.

– О нет, – прошептала Татьяна.

– Но мы быстро отрезвели, когда пришлось возиться с примусами, пользоваться коммунальным туалетом, умываться холодной водой. Мать начала пить. Почему нет? Пили все.

– Да, – кивнула Татьяна. Водка в доме не переводилась. Отец пил.

– А если туалет был занят соседями по квартире, мать выходила в парк и шла в общественный туалет, обычную выгребную яму, с деревянным помостом и дыркой посередине.

Он брезгливо передернулся, и Татьяна тоже вздрогнула, несмотря на теплый вечер. Она погладила Александра по плечу и, поскольку тот не отодвинулся, не отняла руки.

– По субботам, – продолжал Александр, – мы с отцом, как и твоя семья, шли в баню и по два часа ждали в очереди. Мать ходила туда по пятницам, жалея, я думаю, что не родила дочь. Тогда она не была бы так одинока и не страдала бы так сильно.

– А за тебя она не переживала?

– Еще как! Сначала все было ничего, но потом я стал обвинять их в том, что они испортили мне жизнь. Тогда мы жили в Москве. Семьдесят идеалистов, и не просто идеалистов, а идеалистов с женами и детьми, обитали в таких же коммуналках. Три туалета и три маленькие кухни на длинный коридор.

Татьяна только плечами пожала.

– Как ты это выдерживаешь?

Она немного подумала.

– В нашей квартире только двадцать пять человек, но... что я могу сказать? На даче куда лучше. Свежие помидоры, огурцы и утренний воздух, такой душистый! Пахнет чистотой.

– Да! – воскликнул Александр, едва она произнесла магическое слово «чистота».

– И так хорошо иногда побыть одной, – добавила она. – Получить хотя бы немного...

Она запнулась, пытаясь найти подходящее слово.

Александр вытянул ноги и повернулся к Татьяне, пристально глядя ей в глаза.

– Ты понимаешь, о чем я? – сказала она.

Он кивнул.

– Как по-твоему, что теперь будет?

– Дела не слишком хороши, Таня. Вероятно, кое-кто, особенно на Украине, надеется, что с приходом фашистов станет легче. Но Гитлер в два счета развеет эти иллюзии. Как развеял их в Австрии, Чехии и Польше. В любом случае, чем бы ни кончилась война, вряд ли для нас что-то изменится. Кстати, кого-то из твоих знакомых... забрали?

Татьяна крепче стиснула его плечо. Она не любила говорить на подобные темы. Это немного ее пугало.

– Я слышала, что одного из папиных сослуживцев арестовали. Несколько лет назад исчезли жилец с дочерью, а их комнату отдали Сарковым.

Она не сказала, что отец считал Сарковых сотрудами НКВД.

– Вот и со мной случилось нечто подобное, – вздохнул Александр, вынимая папиросу. – Но я не могу не думать о своих родителях, которые приехали сюда с такими надеждами и верой, впоследствии жестоко растоптанными! Не возражаешь, если я закурю?

– Ничуть, – кивнула Татьяна, не отрывая взгляда от его лица. – Должно быть, в Америке жизнь была нелегкая, если твой отец мог бросить родину?

Александр молчал, пока не докурил папиросу до мундштука.

– Ошибаешься. Коммунизм в Америке двадцатых, так называемое Красное десятилетие, был весьма моден среди богатых.

Отец Александра, Гарольд Баррингтон, хотел, чтобы сын вступил в Союз коммунистической молодежи, юных пионеров Америки, едва тому исполнилось десять. Он сказал, что союз нуждается в поддержке и новых членах, поскольку мало кто выражал желание в него вступить. Александр тоже отказался. Он уже был в младшем отряде бойскаутов и не собирался ничего менять.

Баррингтон был маленьким городком в Восточном Массачусетсе, названном в честь Баррингтонов, живших здесь со времен Бенджамина Франклина. Основатель рода сражался в Войне за независимость. В девятнадцатом веке четверо Баррингтонов были мэрами, а трое предков Александра погибли в Гражданской войне.

Отец Александра хотел оставить свой след. Идти собственным путем. Мать, Джина, приехавшая из Италии в восемнадцать лет, чтобы приобщиться к американскому образу жизни, осуществила свою мечту, когда изменила имя на Джейн и через год вышла за Гарольда Баррингтона. О своей семье, оставшейся в Италии, она постаралась забыть.

Сначала Джейн и Гарольд считались радикалами, потом – социал-демократами и наконец вступили в коммунистическую партию. В их стране это было позволено, и они верили в идеи коммунизма всем сердцем. Современная, прогрессивная женщина, Джейн Баррингтон не хотела иметь детей. И Маргарет Сэнгер, основательница «Американской лиги контроля за рождаемостью», считала, что Джейн совершенно права. Но на двенадцатом году супружеской жизни Джейн решила, что дети все же не помешают. После пяти выкидышей на свет появился единственный сын, Александр. Тогда ей было тридцать пять. А Гарольду – тридцать семь.

Александр жил и дышал коммунистической доктриной с того момента, как стал достаточно взрослым, чтобы понимать родной язык. В уюте и комфорте родного дома, где всегда было тепло и светло, Александр с легкостью произносил слова «пролетариат», «равенство», «манифест», «ленинизм», даже не понимая их значения.

Когда ему исполнилось одиннадцать, родители решили претворить идеи в жизнь. Гарольд постоянно попадал в участок за организацию так называемых мирных демонстраций на улицах Бостона. Наконец он отправился в Американский союз гражданских свобод и попросил помочь ему получить убежище в СССР. Для этого он готов был добровольно отказаться от американского гражданства и перебраться в Советский Союз, где надеялся обрести единомышленников. Бесклассовое общество, где нет безработных. Нет предрассудков. Где религия отделена от государства. Последнее не слишком радовало Баррингтонов, но они считали себя прогрессивно мыслящими людьми, согласными отказаться от Бога, чтобы помочь строить социализм.

Гарольд и Джейн сдали свои паспорта и прибыли в Москву. На первых порах их встречали и принимали как королевских особ. Казалось, один только Александр замечал омерзительно грязные туалеты, отсутствие мыла, нахальных беспризорников, одетых в лохмотья и часами ожидавших возможности стащить обеды из ресторана. Пьяные драки в пивных, куда Гарольд брал иногда Александра, вызывали в мальчике такое отвращение, что он перестал туда ходить. Ему все меньше и меньше хотелось бывать вместе с отцом.

Однако в гостинице, где они поселились, их всячески улаживали. Впрочем, как и приехавших из Англии, Италии и Германии. Гарольд и Джейн получили советские паспорта, обрывав тем самым последние связи с Америкой. Александр, как несовершеннолетний, должен был получить паспорт только в шестнадцать, вместе с припиской в военкомате.

Александр пошел в школу, выучил русский, обзавелся друзьями. Он медленно свыкался с новой жизнью. Потом Баррингтонам объявили, что им придется выселиться из бесплатной гостиницы и самим о себе позаботиться. Советское правительство больше не могло их содержать.

Беда была в том, что Баррингтонам не удалось найти жилье в Москве. Пришлось перебраться в Ленинград, где после долгих поисков они отыскали две комнаты в ветхом здании

на правом берегу Невы. Гарольд устроился на работу на Ижорском заводе, Джейн стала пить. Александр все больше уходил в себя, сосредоточившись на учебе.

Все кончилось в мае тридцать шестого, когда Александру исполнилось семнадцать.

Джейн и Гарольд Баррингтон были арестованы самым неожиданным... и самым обычным образом. Однажды Джейн не вернулась домой с рынка. Все, чего хотел Гарольд, – сообщить об этом сыну, с которым они сильно поссорились незадолго до ареста Джейн и которого он не видел вот уже двое суток.

Через четыре дня после исчезновения жены, в три часа ночи, в дверь тихо постучали.

К сожалению, Гарольд не знал, что за Александром уже приходили сотрудники НКВД.

В Большом доме Джейн допрашивал некий Леонид Слоенко.

– *Интересные вещи вы рассказываете, гражданка Баррингтон, – смеивался он. – Не хотите знать, откуда мне все известно?*

– *Но мы с вами до этого дня не встречались, – пыталась она возразить.*

– *Таких, как вы, я повидал немало.*

– *«Неужели? Неужели так много американцев эмигрируют в Советский Союз?»*

– *Тысячи, – подтвердил он, словно подслушал ее мысли. – И все хотят жить свободной жизнью, избавиться от капиталистического ига. Вам давно пора отбросить свои буржуазные воззрения и взглянуть на происходящее с точки зрения новой, советской женщины.*

– *Разве я не сделала этого? Не отказалась от своего дома, работы, друзей, прошлой жизни? А вы меня предали.*

– *Каким же это образом? Тем, что накормили? Одели? Дали вам работу? Жилье?*

– *В таком случае почему я здесь? – произнесла Джейн.*

– *Потому что это вы предали нас. Тех, кто пытается трудиться на благо всего человечества! Стереть с лица земли бедность и нищету! Кто, как не вы, всего несколько недель назад посетили американское посольство в Москве? Забыли, как клялись в преданности Советскому Союзу? Работали в Народном фронте? Отказались от американского гражданства? Больше вы не американская гражданка, и им все равно, что с вами будет.*

Слоенко рассмеялся:

– *До чего же вы самонадеянны! Бежите из своих стран, обличаете правительства, обычаи, образ жизни, но при первых же трудностях проситесь обратно! Ну так вот, американцам нет до вас дела! Отныне ты и твой сын – советские люди, и мы будем поступать с вами по советским законам!*

Все это было чистой правдой. Две недели назад Джейн и Александр ездили в Москву, в американское посольство. Должно быть, за ними велось постоянное наблюдение. Прием, оказанный в посольстве, был, мягко говоря, прохладный. Америку не интересовала их судьба.

– *За нами следили? – спросила она.*

– *А ты как думаешь? И мы оказались правы: ты себя выдала. Теперь тебя будут судить за измену по пятьдесят восьмой статье. Знаешь, что тебя ждет?*

– *Знаю, – кивнула Джейн. – Скорее бы!*

– *Ну зачем спешить? – протянул Слоенко.*

Джейн уставилась на него. Высокий, представительный, сильный... Что она против него?

– *Порвала со своей страной и предала ту, которая тебя приютила. Говорят, вы, Баррингтоны, неплохо жили, пока не уехали. Явились сюда. Что ж, мы встретили вас как дорогих гостей, хотя были убеждены, что все вы шпионы. Да, мы наблюдали за вами. Необходимая предосторожность. Мы помогли вам встать на ноги, обещали, что позаботимся о вас, и за это требовали только беззаветной преданности делу социализма. Как от всех советских людей. Так сказал товарищ Сталин. А ты поползла в посольство, потому что решила*

бежать. Как в свое время из Америки. Но они от тебя отказались. И что теперь? Куда пойдешь? Что будешь делать? Не нужна ты ни нам, ни им. Показала, что недостойна доверия.

– Теперь только смерть, – спокойно кивнула Джейн. – А что будет с сыном? Умоляю, пощадите его. Он еще мальчик. И не отказывался от американского гражданства.

– Почему же? Отказался, когда получил приписное свидетельство и стал советским гражданином.

– Но он не вел подрывной деятельности в Америке. Не вступал в коммунистическую партию. Прошу вас...

– Да он самый опасный из вас, – перебил Слоенко.

Джейн увидела мужа всего один раз, прежде чем предстала перед так называемой тройкой. Ей вынесли приговор и почти немедленно расстреляли.

* * *

Гарольда арестовали через несколько дней. Да, все это время он тревожился за сына. Но отчаяние перевешивало. Отчаяние оттого, что его идеи, надежды и мечты потерпели полный крах.

Он уже бывал в тюрьмах и раньше. Очередное заключение не слишком его волновало. Попасть в тюрьму за убеждения было чем-то вроде почетного знака, и в Америке он с гордостью носил этот знак. «Я сидел в лучших массачусетских тюрьмах, – рассказывал он. – Никто в Новой Англии не пострадал за веру больше меня».

Он и до сих пор был убежден, что социализм строится не так быстро и успешно только потому, что это Россия. В Америке все было бы иначе. Только там возможен коммунизм. Ах, если бы он мог воплотить свои идеи дома!

Дома.

Неужели он все еще думает об Америке как о родном доме?

В Советском Союзе жилось неплохо, но это не его дом, и русские это знали. И как бы он ни отказывался этому верить, они большие не собирались его защищать. Теперь он был врагом народа. Что ж, их можно понять.

Гарольд презирал Америку. За пустоту, фальшивую мораль, индивидуализм. Только идиоты могут поверить в тамошнюю демократию. Но теперь, сидя в сырой камере, он больше всего на свете хотел отправить мальчика в эту Америку – любой ценой, как бы велика она ни была.

Советский Союз не мог спасти Александра. Только Америка.

Что он сделал со своим сыном? Какую жизнь ему уготовил?

Гарольд уже не помнил, за что боролся. Перед глазами стояло восхищенное лицо Александра, смотревшего на отца, который субботним днем двадцать седьмого года выступал на трибуне в Гринвиче, штат Коннектикут, выкрикивая лозунги.

Кто этот мальчик, которого он назвал Александром?

Гарольд не знал. Он сам нашел свой путь, но как парень найдет свой в стране, которой не нужен?

Все, о чем просил Гарольд в течение бесконечных допросов, – увидеть перед смертью сына. Он взывал к человечности Слоенко. Но тот смеялся:

– Человечность не имеет ничего общего с построением социализма. Для этого требуются дисциплина и некоторая беспристрастность.

– Это не беспристрастность, а жестокость, – возражал Гарольд.

– Как бы то ни было, сына ты не увидишь. Он уже мертв, – бросил Слоенко.

Татьяна молча гладила Александра по руке.

– Мне так жаль, – прошептала она наконец, отчаянно желая коснуться его лица, но не смея. – Александр, ты слышишь? Мне так жаль!

– Слышу. Все в порядке, Таня, – сказал он, вставая. – Моих родителей уже не вернешь, но я все еще жив. Это уже что-то.

Она никак не могла заставить себя подняться.

– Александр, подожди, подожди! Как ты превратился из Баррингтона в Белова? И что случилось с отцом? Ты больше не увидел родителей?

Александр взглянул на часы.

– Куда только уходит время, когда я с тобой? – пробормотал он. – Нужно бежать. Отложим этот рассказ до другого раза.

Он сжал ее руку и поднялся со скамейки. На душе у девушки стало чуть легче. Значит, они снова встретятся? Они медленно вышли из сквера.

– А Даше ты рассказывал? – спросила Татьяна.

– Никогда, – ответил он, не глядя на нее.

– Я рада, что ты рассказал мне.

– И я тоже.

– Обещай, что когда-нибудь расскажешь остальное!

– Обещаю. – Он улыбнулся.

– Просто поверить не могу, что ты американец! Я до сих пор ни одного не знала! – покраснев, выпалила Татьяна.

Он нагнулся и, едва касаясь теплыми губами, поцеловал ее в щеку.

– Осторожнее на улицах! – бросил ей вслед Александр.

Татьяна кивнула. Он понуро побрел по тротуару, а девушка все смотрела ему вслед. Что-то похожее на отчаяние охватило ее.

Что, если он обернется и увидит, как она на него пялится? Вот уж, подумает, дурочка. Как глупо.

И Александр в самом деле обернулся. А Татьяна так и стояла, не в силах пошевелиться и глядя на него. Он помахал ей рукой. И Татьяна помахала в ответ.

4

Сестру она нашла на крыше. В каждом доме готовились к воздушным налетам: расчищали крыши, составляли график дежурств, обкладывали края мешками с песком, поднимали наверх ведра с водой. Татьяне хотелось присесть рядом с Дашей, но она не решилась.

Даша болтала с двумя младшими братьями Игленко, Антоном и Кириллом. Завидев Татьяну, она поднялась:

– Мне нужно идти. Справишься без меня?

– Конечно! Антон мне поможет! – заверила Татьяна; Антон был ее ближайшим другом.

Даша легонько коснулась волос сестры:

– Не сиди здесь слишком долго. Устала? Что-то ты поздно. Говорила же тебе, Кировский слишком далеко отсюда! Нет чтобы попроситься на работу к отцу. Была бы дома через четверть часа.

– Не волнуйся, все в порядке, – с вымученной улыбкой пробормотала Татьяна.

После ухода Даши Антон попытался Татьяну как-нибудь развлечь, но ей не хотелось ни с кем разговаривать. Подумать бы спокойно хоть немного. Разобраться в своих чувствах.

Но в конце концов она сдалась, и они стали играть. Татьяна закрывала ладонями глаза, Антон кружил ее, потом внезапно останавливал, а она должна была показывать в направлении Финляндии. В направлении Краснодара. В какой стороне Урал? В какой стороне Америка?

Потом настала очередь Татьяны кружить Антона.

Наигравшись, они подсчитали очки. Победитель должен был попрыгать. Но Татьяна прыгать не стала, а вместо этого тяжело уселась на лист железа. Из головы не шли Александр и Америка.

Антон, тощий белобрысый мальчишка, дернул ее за волосы:

– Что нос повесила? Все прекрасно!

– Что именно? – удивилась она.

– Еще два года – и меня заберут в армию. Петька ушел вчера.

– Куда ушел?

– На фронт, – засмеялся он. – Война началась, забыла?

– Не забыла. От Володи ничего не было?

– Нет. Жаль, что мы с Кириллом тоже не уехали в лагерь. Кирилл ждет не дожидается, когда ему исполнится семнадцать. Все твердит, что теперь и семнадцатилетних берут на фронт.

– Наверное, – вяло обронила Татьяна, вставая. – Скажи маме, пусть зайдет. Угощу ее шоколадом.

Она спустилась вниз. Дед с бабушкой тихо читали на диване при свете маленькой лампы. Татьяна втиснулась между ними.

– Что с тобой, детка? – спросил дед. – Не переживай.

– Я и не переживаю, просто запуталась.

И поговорить ей не с кем.

– Из-за войны?

Татьяна нахмурилась. Рассказывать им нельзя. Она спросила:

– Деда, ты всегда говорил мне: «Таня, у тебя так много впереди. Наберись терпения».

Ты и сейчас так думаешь?

Дед помолчал, но она и сама знала ответ.

– Ох, деда... – жалобно протянула она.

– Ох, Таня, – отозвался он, обнимая ее за плечи. – За одну ночь все изменилось.

– Похоже, что так, – согласилась Татьяна.

– Может, тебе следует быть менее терпеливой?

– Я тоже так считаю. Боюсь, терпению придется слишком большое значение.

– Но это все же добродетель, причем крайне необходимая. Вспомни три вопроса, которые я советовал задавать себе, если хочешь знать, кто ты.

Зря это он. Сегодня Татьяне нет дела ни до каких вопросов.

– Дед, все добродетели в нашей семье достались тебе, – едва заметно улыбнулась она. – Остальные явно обделены ими.

– Это все, что у меня есть, – вздохнул дед, качая седой головой.

Татьяна легла, думая об Александре. Он не просто поведал ей свою жизнь, а утопил с головой в беспощадной действительности, как утопал сам. Слушая его, Татьяна даже чуть рот приоткрыла, словно для того, чтобы Александр мог вдохнуть свою печаль в ее легкие. Он нуждался в человеке, который способен разделить с ним бремя жизни.

Он нуждался в ней.

Татьяна надеялась, что готова к любым испытаниям.

И она не хотела думать о Даше.

5

В среду утром, по пути на завод, Татьяна увидела пожарных, устанавливавших кадки с водой и песок и новые гидранты. Неужели ожидаются пожары? Значит, фашистские бомбы сожгут Ленинград?

Представить невозможно. Это так же невероятно, как существование Америки.

Смольный старательно окутывали маскировочной сетью, выкрашенной зеленым, коричневым и серым. Что будут делать рабочие со зданиями, которые труднее прикрыть, но и распознать с воздуха тоже нелегко: шпилем Адмиралтейства, Исаакиевским собором? Пока что они сияли в своей первозданной красе.

Перед уходом с работы Татьяна старательно вымыла руки и лицо, долго расчесывала волосы, пока они не заблестели. Утром она надела цветастую юбку и синюю блузку с короткими рукавами и белыми пуговичками и сейчас, глядя на себя в зеркало, никак не могла решить, на сколько лет выглядит. Двенадцать? Тринадцать? Ах, все равно. Только бы он дождался!

Она поспешила на остановку. Там уже стоял Александр.

– Мне нравятся твои волосы, Таня, – улыбнулся он.

– Спасибо, – пробормотала она. – Жаль, что от меня пахнет смазкой и бензином.

– Только не говори, что опять делала бомбы! – шутливо закатил он глаза.

Она засмеялась.

Посмотрев на огромную толпу, потом друг на друга, они в один голос объявили:

– Трамвай!

– По крайней мере, у нас есть работа! – беспечно заметила Татьяна. – В «Правде» пишут, что в Америке полно безработных.

– Не будем об этом, – отмахнулся Александр. – Я принес тебе подарок. – Он вручил ей пакет в оберточной бумаге. – Правда, твой день рождения прошел, но я не успел подготовить его раньше...

– Что это? – с искренним удивлением спросила она, беря у него пакет. У нее перехватило дыхание.

– В Америке есть такой обычай, – шепнул он, – получая подарки, ты разворачиваешь их и благодарить.

Татьяна беспокойно поглядела на сверток:

– Спасибо.

Она не привыкла к подаркам, да еще обернутым, пусть и в простую бумагу!

– Нет. Сначала разверни. Потом скажешь спасибо.

– Просто снять бумагу? – улыбнулась она.

– Нет. Сорвать.

– И потом?

– Выбросить.

– Весь подарок или только бумагу?

– Только бумагу, – медленно произнес он.

– Если так, зачем было заворачивать?

– Ты посмотришь, что там? – не выдержал Александр.

Татьяна нетерпеливо сорвала бумагу. Внутри оказались книги: увесистый сборник Пушкина под названием «„Медный всадник“ и другие поэмы» и два томика поменьше: один – Джона Стюарта Милля, автора, о котором она никогда не слышала, «On Liberty»², на английском, другой – англо-русский словарь.

– Англо-русский? – усмехнулась Татьяна. – Вряд ли он мне поможет. Я не знаю английского языка. Это твой? Еще из дома?

– Да. И без него ты не сможешь читать Милля.

– Огромное тебе спасибо за все.

– «Медный всадник» принадлежал моей матери. Она отдала мне его за несколько недель до того, как ее арестовали.

Татьяна не знала, что ответить.

² «О свободе» (англ.).

– Я люблю Пушкина, – прошептала она наконец. – Ты знаешь, что написал о нем поэт Майков?

Александр покачал головой.

Словно завороченная, Татьяна попыталась припомнить строчки.

– Он сказал... постой-ка...

Нездесьними мне кажутся их звуки... как бы вляясь в его бессмертный стих... Земное все – восторги, страсти, муки – в небесное преобразилось в них!

– «Земное все – восторги, страсти, муки – в небесное преобразилось в них», – повторил Александр.

Татьяна всмотрелась в даль. Где этот трамвай?

– А ты сам читал когда-нибудь Пушкина? – спросила она едва слышно.

– Сам я читал Пушкина, – кивнул он, отбирая у нее бумагу и отшвыривая в сторону. – «Медный всадник» – моя любимая поэма.

– Моя тоже! – выпалила Татьяна, изумленно уставившись на него. – «Была ужасная пора, об ней свежо воспоминанье... Об ней, друзья мои, для вас начну свое повествование. Печален будет мой рассказ».

– Татьяна, ты знаешь наизусть всю поэму? Как истинно русская девушка!

– Я и есть истинно русская девушка.

Подкатил трамвай.

Они вышли у Русского музея.

– Хочешь немного пройтись? – спросил Александр.

Татьяна не могла сказать «нет», даже если бы очень хотела. Даже *если* бы хотела.

Они направились к Марсову полю.

– Ты вообще на службе или нет? Услал Дмитрия в Карелию, а сам ничего не делаешь?

– А сам остался, – усмехнулся Александр. – Набираю и обучаю ополченцев, с семи утра до шести вечера. Да еще дежурю с десяти до полуночи...

Он осекся. Татьяна поняла: именно в эти часы Даша, должно быть, приходила к нему.

– Поэтому у меня есть немного свободного времени, – быстро закончил Александр. – Правда, думаю, долго это не продлится. Но и на фронт меня не заберут. Я служу в Ленинградском гарнизоне и должен оборонять город. Тут мой пост. Когда на фронте не будет хватать солдат, пошлют и меня.

Но тогда ей не будет хватать его!

– Куда мы идем?

– В Летний сад. Подожди...

Александр остановился недалеко от казарм. На другой стороне улицы, вдоль Марсова поля, тянулись скамейки.

– Посиди, а я пойду раздобуду что-нибудь на ужин.

– На ужин?

– Да, в честь твоего дня рождения. Именинный ужин. Хлеб с мясом, а может, и икра. Как все истинно русские девушки, ты ведь любишь икру, верно?

– Э-э-э... – протянула она, – а как насчет спичек? – Татьяна боялась заходить слишком далеко: что, если он обидится? – Вдруг мне понадобятся спички? – Ей вспомнился военторг.

– Тогда что-нибудь придумаем, – пообещал Александр. – Подожди на скамейке, я сейчас вернусь.

Она перешла улицу и с блаженным вздохом опустилась на скамью. Но тут же встрепенулась, пригладила волосы, сунула руку в парусиновую сумку и нежно погладила подаренные книги. Голова сладко закружилась...

Что она делает? Должно быть, уже ничего не соображает. Как же Даша? Им нельзя быть вместе... Если Даша спросит, где она была? Что ей ответить?

Татьяна решительно встала и уже успела отойти на несколько шагов, когда услышала тревожный голос Александра:

– Таня!

Он, задыхаясь, подбежал к ней с двумя бумажными пакетами в руках:

– Куда это ты собралась?

Ей не пришлось ничего объяснять: он увидел ее лицо.

– Таня, – горячо выпалил он, – даю слово, я просто хотел накормить тебя и отправить домой! Договорились?

Переложив пакеты в одну руку, он погладил Татьяну по голове:

– Нужно же отпраздновать твой день рождения! Пойдем.

Но она не могла сдвинуться с места. Неужели Александр тоже понимает, что в их действиях есть что-то нехорошее? Догадывается, в какой переплет она попала? Какие чувства ее одолевают?

Они пересекли Марсово поле и направились к Летнему саду. Поодаль медленно, лениво влекла свои воды Нева, поблескивая в лучах закатного солнца. Даже сейчас, в девятом часу вечера, было совсем светло.

Летний сад оказался неудачным выбором: они не могли найти свободной скамейки среди длинных извилистых тропинок, греческих статуй, величественных деревьев, густых, ровно подстриженных кустов.

Татьяна шла, низко опустив голову.

Наконец они отыскали свободное местечко около статуи Сатурна – не слишком приятное зрелище, поскольку Сатурн жадно запихивал крошечного младенца в широко раскрытый рот.

Александр принес четвертинку водки, немного ветчины, белого хлеба, банку черной икры и плитку шоколада. Татьяна вдруг обнаружила, что проголодалась. Александр велел ей съесть всю икру. Она протестовала не слишком рьяно. Прикончив половину банки, она протянула ему остальное:

– Пожалуйста, доешь. Я прошу.

Потом она сделала глоток водки прямо из бутылки и поморщилась: Татьяна ненавидела водку. Но вдруг Александр сочтет ее ребенком?!

Александр, глядя на Татьяну, рассмеялся и, взяв у нее бутылку, приложился к горлышку.

– Тебе совсем не обязательно это пить. Мне просто хотелось отметить твой день рождения. Жаль, что я забыл стаканы.

Ей казалось, что он занимает всю скамью, и его близость тревожила. Если она выдохнет, часть ее коснется части его. Татьяна была слишком взволнована, чтобы связно мыслить и тем более говорить: бушующий в душе пожар разгорался все сильнее.

– Таня, – мягко спросил Александр, – тебе не нравится еда?

– Нравится, – коротко ответила она и, откашлявшись, поправилась: – Очень вкусно, спасибо.

– Хочешь еще водки?

– Нет.

Она поспешно отвела взгляд от его улыбающихся глаз.

– А ты когда-нибудь была по-настоящему пьяна?

– Ага, – кивнула она, по-прежнему не поднимая глаз. – Мне тогда было два года. Дотянулась до бутылки и почти всю выпила. Хорошо, бабушка вовремя спохватилась. Но меня все равно пришлось отвезти в больницу.

– Два года? И с тех пор ни разу?

Он случайно коснулся ногой ее ноги.

Татьяна покраснела:

– С тех пор ни разу.

Она поспешно отодвинула ногу и перевела разговор на войну. Александр покорно вздохнул и объяснил, что положение прежнее. Татьяна почти не слушала. Зато, пока он говорил, она могла без опаски изучать его лицо. Опять у него щетина пробивается. До сих пор она еще не видела его гладковыбритым. Интересно почему?

Но спросить она постеснялась. К тому же легкая тень усиков так соблазнительно оттеняла его полные губы.

Ей хотелось узнать, где он надколол боковой зуб, но она решила, что это не деликатно. Если бы эти глаза цвета крем-брюле перестали улыбаться! Если бы ей удалось улыбнуться в ответ!

– Александр... а ты знаешь английский?

– Да, хотя давно не практиковался. То есть не говорил, с тех пор как мать с отцом... –

Он осекся.

Татьяна поспешно тряхнула головой:

– Прости, пожалуйста, я не хотела... просто, если ты знаешь какие-то слова, мог бы и меня научить.

Глаза Александра вспыхнули так ярко, что кровь прихлынула к щекам Татьяны.

– Таня, – медленно произнес он, – а какие слова ты хотела бы выучить?

Она не сразу ответила, боясь, что начнет заикаться.

– Н-не знаю. Может, «водка»?

– О, это совсем легко. «Водка» по-английски и будет «водка», – рассмеялся он.

Какой у него хороший смех! Искренний, заразительный, глубокий, настоящий мужской смех, зарождающийся где-то в груди...

Он снова поднял бутылку:

– За что будем пить? Это твой день рождения, поэтому выпьем за тебя. За то, чтобы мы смогли отпраздновать твой следующий день рождения. И надеюсь, в более приятной обстановке.

– Спасибо. За это я тоже выпью, – кивнула она, беря у него бутылку. – И хорошо бы рядом был Паша.

Александр, не отвечая, отставил бутылку и задумчиво оглядел Сатурна:

– Неудачное у нас место. Другая статуя была бы лучше, не согласна? Кусок в горле застревает при виде этого истукана, пожирающего собственное дитя.

– А где ты хотел бы посидеть? – спросила Татьяна, с наслаждением надкусив плитку шоколада.

– Не знаю. Может, вон там, у Марка Антония. Кажется, где-то есть статуя Афро...

– Нам пора. – Татьяна быстро поднялась. – Я совсем осоловела от такого количества еды. Нужно размяться.

Что она вообще здесь делает?

Они вышли из сада и направились к реке. Татьяне ужасно хотелось спросить, как его звали раньше. Неужели Александром? Есть ли такое имя у американцев? И как его ласково называли в детстве?

Нет, она не может задавать такие интимные вопросы. Вполне достаточно и вечерней прогулки по гранитной набережной.

– Хочешь еще посидеть? – спросил Александр немного погодя.

– Нет, я не устала. А ты?

– Давай все же отдохнем.

Они устроились на одной из скамеек с видом на Неву. На другом берегу сверкал золотом шпиль Петропавловского собора. Александр занял половину скамейки: длинные ноги расставлены, руки раскинуты по спинке. Татьяна нерешительно примостилась рядом, стараясь, чтобы их ноги не соприкасались.

Вид у Александра был самый беззаботный. Он двигался, сидел, говорил и улыбался так, словно и не подозревал о том впечатлении, которое производил на трепетную семнадцатилетнюю девушку. Все его существо словно излучало безмятежную веру в существование его собственного законного места во Вселенной. «Все это дано мне, – казалось, говорил он. – Мое тело, лицо, сила. Сам я ничего не просил. Ничего не создавал. Ничего не добивался. Это дар, за который я ежедневно возношу благодарность, когда умываюсь и причесываюсь, дар, о котором забываю днем. Я не горд и не унижен этим даром. Он не делает меня тщеславным или надменным, но и не внушает ложной скромности».

Каждым своим движением он будто говорил: *я знаю, кто я есть!*

От близости Александра у Татьяны перехватывало дыхание. Наконец переведя дух, Татьяна повернулась к Неве.

– Люблю глядеть на реку, – тихо произнес Александр. – Особенно в белые ночи. В Америке нет ничего подобного.

– Может, на Аляске?

– Может быть. Но это... сияющая река, город, выстроенный на ее берегах, солнце, садящееся за университет и поднимающееся перед нами, за Петропавловской крепостью... – Он покачал головой, не находя слов; оба замолчали. – Как там, у Пушкина в «Медном всаднике»? «И, не пуская тьму ночную... на золотые небеса»... как там дальше?

Татьяна знала «Медного всадника» почти наизусть и немедленно подхватила:

– «Одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса».

Александр, повернув голову, взглянул на Татьяну, продолжавшую смотреть на реку:

– Таня... откуда у тебя столько веснушек?

– Знаю-знаю, это ужасно некрасиво. Все солнце виновато, – пробормотала она, краснея и принимаясь тереть переносицу, словно это могло избавить ее от надоедливых рыжих пятнышек.

«Пожалуйста, перестань смотреть на меня», – думала она, избегая его взгляда и стараясь унять стук собственного сердца.

– А как насчет твоих светлых волос? – тихо спросил он. – Это тоже солнце?

Татьяна дернулась, как от ожога, ощутив прикосновение его руки к спине. Он может коснуться ее волос... если захочет.

Он не захотел.

– Белые ночи – это здорово, правда? – спросил он, не сводя с нее глаз.

– Зато ленинградская зима... как вспомню, просто дрожь по спине.

– Да, зимы здесь невеселые.

– Иногда зимой, когда замерзает Нева, мы катаемся на санках по льду. Даже в темноте.

– Кто это «мы»?

– Паша, я, наши приятели. Иногда мы с Дашей. Но она гораздо старше и редко берет меня с собой. – Зачем она это сказала? Из зависти? Татьяна умолкла.

– Ты, должно быть, очень любишь сестру, – обронил Александр.

Что он этим хотел сказать? Татьяна предпочла не знать.

– Вы с ней так же близки, как с Пашей?

– По-другому. Паша и я...

Она осеклась. Они с Пашей ели из одной тарелки. Тарелки, которую Даша наполняла едой, приготовленной ее же руками.

– Мы с сестрой спим в одной кровати. Она говорит, что мне не надо выходить замуж, потому что в этом случае мой муж будет третьим в нашей постели.

Их взгляды встретились. В этот раз Татьяна не отвела глаз, решив, что в золотистых закатных лучах незаметны ее алые щеки.

– Ты слишком молода, чтобы выходить замуж.

– Знаю, – фыркнула Татьяна, которую всегда смущало, когда говорили о ее юности. – Но не настолько же!

«Насколько»... для чего?

Не успела она задаться этим вопросом, как Александр осведомился:

– Для чего именно?

Выражение его глаз снова повергло ее в ступор. Она мгновенно потеряла дар речи. Что на ее месте сказала бы Даша? Что в таких случаях говорят взрослые?

– Я достаточно выросла, чтобы пойти в народное ополчение, – произнесла она наконец. – Как думаешь, меня примут? Тогда ты сможешь меня обучать.

Она засмеялась и тут же снова смутилась. Александр пожал плечами и неохотно сказал:

– Кто тебя туда примет? Тебе еще нет восемнадцати...

Он не договорил, но она сумела уловить нерешительность в его голосе. И губы у него слегка дрогнули. А посреди нижней была небольшая ложбинка, совсем крохотная, и до того хотелось коснуться ее...

Татьяна поспешно отвернулась и поднялась:

– Я... мне в самом деле пора домой. Уже поздно.

– Ладно, – кивнул Александр, тоже вставая, медленно и неохотно. – Жаль, такой хороший вечер...

– Да, – выдохнула она, не глядя на него.

Они побрели вдоль реки.

– Александр, ты скучаешь по своей Америке?

– Да.

– И вернулся бы?

– Наверное, – бесстрастно ответил он.

– А можешь?

– Каким образом? Кто мне позволит? И кто меня там ждет?

Татьяна едва сдержалась, чтобы не взять его за руку. Утешить.

– Расскажи мне об Америке. Ты когда-нибудь видел океан?

– Да, Атлантический, и это незабываемо.

– Он соленый?

– Да, холодный, безбрежный, там плавают медузы и белые яхты.

– Я однажды видела медузу. А какого цвета океан?

– Зеленый.

– Как деревья?

Он посмотрел на Неву, на деревья, на нее:

– Немного похож на цвет твоих глаз.

– То есть мутновато... грязновато-зеленый?

Сердце почему-то разрывалось от нахлынувших чувств, дышать было трудно. Но зачем ей дышать? Она и без того всю жизнь дышала, сейчас можно и потерпеть.

Александр предложил возвращаться через Летний сад. Татьяна согласилась, но потом вспомнила статую сплетавшихся в объятиях любовников.

– Наверное, не стоит. Разве нет пути покороче?

– Нет.

Высокие вяза отбрасывали длинные тени на песок. Пара вошла в ворота и направились по узкой тропинке между статуями.

– По ночам здесь все другое, – заметила Татьяна.

– А ты здесь бывала ночью?

Она покачала головой:

– Зато бывала в других местах. Однажды я...

Александр наклонился к ней:

– Таня, знаешь...

– Что? – пробормотала она, отстраняясь.

– Чем меньше ты бывала где-либо ночью, тем больше мне это нравится.

Ничего не ответив, девушка рванула вперед, упорно глядя под ноги. Александр не отставал, дробя свой обычно широкий шаг, чтобы держаться рядом. Ночь выдалась теплой, голые руки Татьяны дважды ненароком коснулись грубой ткани его гимнастерки.

– Это наше лучшее время, Таня. Хочешь знать почему?

– Пожалуйста, не надо.

– Больше оно не повторится. Никогда у нас с тобой больше не будет таких мирных беззаботных минут.

– Они кажутся тебе беззаботными? – удивилась Татьяна, покачав головой.

– Разумеется. Пока мы только друзья и гуляем в сумерках по Ленинграду.

Они остановились на мосту через Фонтанку.

– У меня дежурство в десять, – вздохнул Александр. – Иначе я проводил бы тебя домой...

– Нет-нет, я сама доберусь. Не беспокойся. И спасибо за ужин.

Она по-прежнему не могла заставить себя смотреть в лицо Александру. Хорошо еще, что он такой высокий. Татьяна уставилась на пуговицы его гимнастерки. Их она не боялась.

Он откашлялся.

– Лучше скажи, есть у тебя какое-нибудь домашнее имя? Или ты и для родных только Татьяна? Как они тебя называют?

Сердце у нее екнуло.

– Кого именно ты имеешь в виду?

Александр ничего не ответил. Татьяна отступила шагов на пять и наконец осмелилась взглянуть ему в лицо. Волшебство вновь вернулось. Ей уже не хотелось ничего. Только стоять вот так и любоваться...

– Иногда, – едва выговорила она, – меня называют Тата.

Он улыбнулся.

Долгие паузы ее терзали.

– Ты очень красивая, Тата...

– Перестань, – шепнула она одними губами.

– Если хочешь, – добавил он, – можешь звать меня Шура.

«Шура! До чего же чудесное имя! И как бы я хотела звать тебя Шурой!»

– А кто еще зовет тебя так?

– Никто, – сказал он и отсалютовал.

Домой Татьяна летела как на крыльях. Блестящих красных крыльях, которые отрастила специально, чтобы мчаться по лазурному ленинградскому небу. Но уже ближе к дому отягощенная сознанием вины совесть потянула ее вниз, и крылья исчезли. Татьяна завязала волосы в узел и запихнула книги на самое дно сумки. И все же пришлось постоять неподвижно несколько минут, прижимая к груди кулаки и стараясь унять предательский стук сердца.

Даша сидела за столом, как ни странно, в компании Дмитрия.

– Мы три часа тебя ждем, – недовольно заметила она. – Где ты была?

Интересно, сумеют ли они уловить запах Александра? А чем пахнет она сама? Душистым летним жасмином, теплым солнцем, водкой, икрой, шоколадом? И вдруг они увидят, сколько веснушек прибавилось на ее переносице? Она гуляла по Летнему саду рядом с любимым... неужели все это можно разглядеть в ее полных муки глазах?

– Сожалею, что опоздала. Слишком много работы.

– Проголодалась? – спросила Даша. – Бабушка сделала пюре и котлеты. Ты, должно быть, целый день ничего не ела.

– Я не голодна, только очень устала. Прости, Дима, мне нужно умыться.

Дмитрий пробыл у них еще часа два. Дед с бабушкой ложились спать в одиннадцать, так что девушкам вместе с гостем пришлось подняться на крышу и посидеть до полуночи, пока не погасли последние отблески заката. Татьяна почти не говорила, хотя Дмитрий болтал без умолку о своих приключениях. Он показал девушкам мозоли от лопаты и пожаловался, что рыл окопы два дня без перерыва. Татьяна подмечала, как он посматривает на нее, стараясь поймать ее взгляд и каждый раз улыбаясь.

– Дима, скажи, вы вправду близкие друзья с Александром?

– Да, и очень давние. Много пережили вместе. Мы как братья.

Татьяна наморщила лоб, пытаясь понять смысл его слов.

Ночью, когда она лежала в постели, отвернувшись к стене и натянув на себя простыню и тонкое коричневое одеяло, девушка тихо молилась: «Господи, если ты есть, пожалуйста, научи, как скрыть то, что не знаю, как выказать!..»

6

Весь четверг Татьяна думала об Александре. Руки двигались сами собой, собирая детали огнеметов. После работы он ждал ее.

Сегодня она не спросила, почему он пришел.

А он не объяснил.

Сегодня у него не было ни подарков, ни вопросов.

Он просто пришел.

Они почти не говорили, только стояли рядом так, что соприкасались руки, а когда на повороте трамвай занесло и Татьяну отбросило на Александра, тот, не двигаясь с места, обхватил ее за талию.

– Даша уговорила меня прийти к вам сегодня, – тихо сказал он Татьяне.

– Правда? Замечательно! Ну разумеется, мои родители будут рады снова тебя увидеть. Утром они были в прекрасном настроении. Вчера удалось поговорить с Пашей по телефону, и у него вроде бы все в порядке...

Она осеклась, мучительно съезжившись, как от острой боли: слишком тяжелой была навалившаяся на нее тоска.

Они медленно добрались до остановки, сели в шестнадцатый трамвай и молчали, пока не пришла пора выходить.

– До встречи, лейтенант.

Она хотела сказать «Шура», но не осмелилась.

– До встречи, Тата.

Вечером все четверо впервые встретились на 5-й Советской и пошли гулять. Купили мороженого и конфет и направились вниз по улице. Даша льнула к Александру, висла у него на руке. Татьяна держалась от Дмитрия на почтительном расстоянии, стараясь всеми возможными способами не слишком часто бросать взгляды на сестру и ее кавалера. До чего же, оказывается, неприятно смотреть, как их руки соприкасаются!

Александр казался довольным и веселым, как любой солдат на его месте, подцепивший такую красавицу. Он почти не глядел на Татьяну. Интересно, как Даша и Александр смотрятся вместе? Лучше, чем она и Александр?

Ответа у нее не было.

Она не знала, как выглядит, стоя рядом с Александром. Знала только, в кого превращается. Что испытывает, когда они вместе.

– Таня! – услышала она нетерпеливый голос Дмитрия.

– Прости, Дима, я отвлеклась.

Почему он так кричит?

– Как по-твоему, не стоит ли Александру перевести меня из караульного дивизиона куда-нибудь еще? Может, к себе, в мотострелковый полк?

– Наверное. А это возможно? Ты умеешь водить танк или что-то в этом роде?

Александр улыбнулся. Дмитрий не ответил.

– Таня! – Даша вздохнула. – Можно подумать, ты знаешь, что обычно делают в мотострелковых полках... Уж лучше помолчи. Саша, ты собираешься переправляться через реки и атаковать врага? – Она хихикнула.

– Нет, он вышлет меня вперед. Убедится, что опасности нет, потом пойдет сам, – пояснил Дмитрий. – И получит новое повышение. Верно, Саша?

– Что-то в этом роде. Хотя, бывает, и тебя беру с собой, когда иду на задание.

Татьяна почти не слушала. Почему Даша так прижимается к нему? И куда он берет Дмитрия? О чем это они?

– Таня, – настойчиво твердил Дмитрий, – Таня, ты меня слушаешь?

До чего же неприятный у него голос...

– Да, разумеется.

– Ты чем-то расстроена? Тебя что-то беспокоит?

– Нет, вовсе нет. Хороший вечер, верно?

– Может, возьмешь меня под руку? У тебя такой вид, будто ты сейчас упадешь.

– Это точно, – подтвердила Даша, мельком глянув на сестру. – И потеряешь сознание.

Ночью в постели Татьяна натянула одеяло на голову и притворилась, что спит, хотя Даша легонько подтолкнула ее, прошептав:

– Таня! Таня, ты спишь?

Она не хотела откровенничать с Дашей в темноте. И мечтала об одном – громко произнести вслух его имя: Шура. Шурочка.

7

В пятницу Татьяна, словно очнувшись, заметила, что на заводе осталось совсем мало рабочих. Только очень молодые вроде нее и очень старые. Мужчины-руководители все были старше шестидесяти.

Первые пять дней войны с фронта поступало подозрительно мало новостей. Дикторы прославляли мощь Красной армии и ничего не говорили о продвижении или отступлении германских войск. Не было также упоминаний об опасности, грозившей Ленинграду, или об эвакуации. Радио не выключалось ни на минуту. Татьяна работала под непрерывный звон сыпавшихся на конвейер патронов.

Думать она могла только о той минуте, когда часы пробьют семь.

За обедом по радио объявили, что со следующей недели вводятся карточки. Кроме того, Красенко сказал, что, возможно, с понедельника у них начнется военная подготовка, а рабочий день удлинится еще на час.

Перед уходом Татьяна долго и безуспешно терла руки, пытаясь избавиться от запаха керосина. Спеша к воротам, она подбирала подходящие слова, чтобы поведать о своей тоске, но, увидев, как нетерпеливо мнет Александр фуражку в руке, забыла обо всем и бросилась ему навстречу. Они перешли дорогу и направились к улице Говорова.

– Давай немного пройдемся, – неожиданно для себя вдруг сказала Татьяна. Неужели она отважилась на такое? Но ведь в выходные они вряд ли увидятся!

– Немного – это как?

Татьяна набрала в грудь воздуха:

– До дома.

Они медленно брели по опустевшим улицам, никто не обращал на них внимания. Всем они были безразличны. Справа лежали трамвайные пути и поля, слева поднимались цеха Кировского. Ни воздушных налетов, ни пикирующих самолетов, только слабеющее вечернее солнце в небесах. И никого вокруг.

– Александр, а почему Дима не офицер, как ты?

Он немного помедлил, прежде чем ответить.

– Дима хотел стать офицером. Мы вместе поступили в военное училище.

Этого Татьяна не знала. Дмитрий особенно не распространялся о себе.

– Но он не выдержал. Просто не вынес.

– Что случилось?

– Ничего особенного. Он не мог долго оставаться под водой без того, чтобы не впасть в панику, не мог задерживать дыхание, не мог командовать людьми, терял самообладание, не мог совершать марш-броски, делать пятьдесят отжиманий подряд. Просто не мог. Но он не такой уж плохой солдат. Можно сказать, хороший. Просто не создан для того, чтобы быть офицером.

– Не то что ты! – восторженно выдохнула Татьяна.

Александр весело покачал головой:

– Я слишком злой боец.

Прямо перед ними остановился трамвай. Они неохотно сели.

– А как ко всему этому относится Дмитрий?

Татьяна больше не старалась избегать Александра, когда при каждом новом толчке ее бросало на него. Теперь она ждала этих толчков и в очередной раз придвигалась все ближе. Он неизменно успевал поддержать ее. Сегодня он долго не снимал руки с ее талии, сделав ей знак продолжать. Но она не могла, пока он не убрал руку.

– Ты имеешь в виду, как он относится к тому, что не стал офицером?

– Нет. К тебе. Что ты обо всем этом думаешь?

Трамвай остановился. Александр поспешно поддержал Таню под руку. По ее телу пробежала дрожь. Он немедленно отпустил ее и продолжил:

– По-моему, Дмитрий считает, что мне слишком легко все дается.

– Что именно?

– Не знаю. Вообще все. Учеба, служба...

Он остановился. Татьяна выжидающе смотрела на него. Служба и что еще? Что еще легко дается Александру?

– Он не прав. Легко тебе ничего не дается, – сказала она наконец. – Редко кому выпадает на долю такая тяжелая жизнь.

– Да она едва началась, – возразил он с обманчивой мягкостью. – Мы с Димой очень давние друзья. Я хорошо его знаю. Потерпи, и он наговорит обо мне такого, что тебе и в голову не могло прийти. Удивляюсь, почему он до сих пор молчит.

– И что же он наговорит? Правду или ложь?

– Трудно сказать. Правильнее всего так: чистую правду, искусно смешанную с самыми невероятными небылицами. У него просто дар на подобные вещи. Ты ни за что не отличишь одно от другого.

– Ничего себе дар. И что же мне делать?

– Ты все равно ничего не поймешь. Если хочешь знать правду, спроси меня, и я расскажу.

– Все-все?

– Все-все.

Татьяна прикусила язык, чтобы с губ не сорвался вопрос. И еще какой: «Ты любишь меня?..»

Ей хотелось надавать себе пощечин за глупость, чтобы даже мыслей подобных не возникло.

Этот вопрос продолжал терзать ее с такой силой, что она ни о чем другом не могла думать.

– Ты о чем-то хочешь меня спросить? – произнес он неожиданно.

– Нет, – покачала она головой, устремив взгляд на металлический поручень и седую голову стоявшей впереди женщины.

– Вот и добрались, – объявил Александр, когда трамвай остановился у Обводного канала.

Но пересадку они не сделали и последние пять километров прошли пешком.

– Знаешь, – вдруг сказал он почти задумчиво, – однажды тебя могут спросить, о чем говорил с тобой Александр Белов, провожая домой.

– С чего это вдруг? – удивилась Татьяна. – И в таком случае зачем ты вообще откровенничаешь со мной, если знаешь, что меня будут допрашивать?

– Нужно же мне доверять кому-то.

– Почему бы тебе не довериться Даше?

Прежде чем ответить, Александр задумался.

– Потому что для меня важно доверять именно тебе.

– Ты можешь мне доверять, – радостно заверила Татьяна, подталкивая его в бок. –

Но больше ничего мне не рассказывай, хорошо?

– Поздно! – торжественно объявил он.

– Хочешь сказать, что мы обречены? – хихикнула Татьяна.

– Именно. Купить тебе мороженого?

– Да, пожалуйста! – просияла она.

– Крем-брюле, как всегда?

– Разумеется.

Они устроились на скамейке и долго болтали, пока Александр не глянул на часы и не поднялся.

Было около десяти, когда они остановились на углу Греческого проспекта и 2-й Советской, в трех кварталах от ее дома.

– Значит, ты придешь попозже? – вздохнула Татьяна. – Даша сказала, что ты собирался зайти.

– Да. – Он тоже вздохнул. – С Дмитрием.

Он был так близко, что она ощущала его запах. Чистый и приятный. Присущий только Александру.

Ей показалось, что он хочет что-то сказать. Александр наклонился вперед, нахмурился. Татьяна напряглась, застыла, отчаянно ожидая его слов, не желая их слышать, ненавидя свои уродливые коричневые рабочие ботинки, жалея, что не надела красные босоножки, вспомнив, что они принадлежат Даше, что у нее самой нет хороших туфелек, мечтая стоять перед ним босой, изнывая от сознания собственной вины, прежде ей неведомого.

Татьяна отступила.

Александр отступил.

– Иди. Еще увидимся.

Татьяна ушла, спиной чувствуя его взгляд. Потом не выдержала и оглянулась. Он смотрел ей вслед.

8

Александр и Дмитрий пришли в начале двенадцатого. За окном по-прежнему было светло. Даша еще не вернулась. Начальник заставил ее работать сверхурочно, снимать у пациентов золотые коронки. В тяжелые времена люди предпочитали иметь золото не во рту, а на

руках: его легче обменять на еду и предметы первой необходимости. Даша все больше ненавидела свою работу. Ей хотелось, чтобы окружающие вели себя так, словно ничего не случилось, было обычное ленинградское лето: теплое, пыльное, ленивое, и все молодые, счастливы и влюблены.

Татьяна, Дмитрий и Александр маялись в кухне, слушая, как капли воды стучат по чугунной раковине.

– Что это вы такие мрачные, дети мои? – осведомился Дмитрий, переводя взгляд с Татьяны на Александра.

– Я устала, – отмахнулась Татьяна, соврав лишь наполовину.

– А я голоден, – добавил Александр.

– Таня, может, пойдем погуляем?

– Нет, Дима.

– Оставим Александра ждать Дашу, – улыбнулся Дмитрий. – Мы им не нужны. Дадим возможность влюбленным голубкам побыть вдвоем, Верно, Саша?

«Вряд ли им это удастся», – пробормотала она. И слава богу.

Александр подошел к окну и глянул во двор.

– Я действительно не могу, – сказала Татьяна. – Я...

Дмитрий властно взял ее за руку:

– Пойдем, Танечка. Ты уже поела? Можно и погулять. Честное слово, ненадолго.

Татьяна увидела, как Александр расправил плечи. Как ей хотелось назвать его Шурой!

– Александр, хочешь, мы что-нибудь принесем?

– Нет, Таня, – ровным голосом ответил он; в его глазах на миг блеснуло отчаяние, но тут же погасло: очевидно, ему удалось взять себя в руки.

– Может, зайдешь? Бабушка испекла пирожки с мясом. И борщ есть... – лепетала она, но Дмитрий уже тянул ее по коридору.

Они переступили через валявшегося на полу Славина, и, когда уже казалось, что в этот раз все обойдется, он внезапно перевернулся на бок и вцепился Татьяне в щиколотку.

Дмитрий, мгновенно сориентировавшись, прижал его руку сапогом. Славин взвыл и, отпустив Татьяну, стал плаксиво уговаривать:

– Оставайся дома, Танечка, дорогая, не гуляй по ночам. Оставайся дома.

Дмитрий выругался и снова наступил ему на запястье.

– Хочешь мороженого? – спросил он, когда они очутились на улице.

Татьяна не хотела, но из вежливости кивнула:

– Да. Ванильное.

Она почти с отвращением ела на ходу мороженое. И в голову ничего не лезло, кроме...

– О чем ты думаешь?

– О войне, – солгала она. – А ты?

– О тебе. Я никогда не встречал такой, как ты, Танечка. Ты так не похожа на тех девушек, с которыми я раньше встречался.

Татьяна невнятно поблагодарила и сосредоточилась на мороженом.

– Надеюсь, Александр зайдет к нам и поест, – пробормотала она. – Даша, скорее всего, придет совсем поздно.

– Таня, ты об этом хочешь поговорить? Об Александре?

Даже неопытное ухо Тани сумело различить холодок в голосе Дмитрия.

– Нет, конечно нет, – поспешно заверила она. – Это я так... А что ты сегодня делал?

– Рыл окопы. Заградительная линия на севере почти закончена. На следующей неделе мы будем готовы к атаке финнов, – самодовольно улыбнулся он. – Бьюсь об заклад, ты давно гадаешь, почему я тоже не офицер?

Татьяна ничего не ответила.

– Почему ты меня ни о чем не спрашиваешь?

– Не знаю.

Ее сердце забилося чуть быстрее.

– Как будто тебе и без того все известно.

– Да нет, ничего не известно.

Ей захотелось выбросить остаток мороженого и поскорее бежать домой.

– Ты говорила с Александром обо мне?

– Нет, – пробормотала она.

– Как же, ни разу не спросила, почему я солдат, а он офицер?

Татьяна не ответила. До чего же он странно себя ведет. И к тому же она ненавидела ложь.

Лучше молча отвести глаза. У нее просто язык не поворачивался лгать.

– Мы с Сашей хотели стать офицерами. Один из пунктов нашего первоначального плана.

– Какого плана?

Дмитрий не ответил. Вопрос повис в воздухе.

Ее руки слегка задрожали.

Татьяне не хотелось оставаться наедине с Дмитрием.

Она не чувствовала себя с ним в безопасности.

Они свернули с Суворовского и направились к Таврическому саду. Хотя солнце еще не закатилось, в парке лежала тень.

– Хочешь немного погулять по саду?

– Который час?

– Понятия не имею.

– Знаешь, мне в самом деле пора, – решительно объявила она.

– Тебе вовсе не обязательно так рано ложиться.

– Обязательно, Дмитрий. Мои родители не любят, когда я задерживаюсь. Они очень расстроятся.

– Не расстроятся. Я им нравлюсь. – Он придвинулся ближе. – Особенно отцу. Кроме того, им сейчас не до тебя. Они тревожатся о Паше.

Татьяна остановилась и повернулась:

– Я пойду домой.

Она быстро зашагала прочь, но он успел схватить ее за руку:

– Не уходи, Танечка. Пойдем посидим под деревьями.

– Дмитрий, – процедила она, не двигаясь, – я никуда с тобой не пойду. Отпусти!

– Пойдем в сад.

– Я же сказала, немедленно отпусти меня!

Но он подступил вплотную. Жесткие пальцы впились в кожу.

– А если я не хочу? Что ты будешь делать?

Татьяна не двигалась. Он обхватил ее за талию и притянул к себе.

– Дима, – сдержанно, без малейших признаков страха произнесла она, – что ты вытворяешь? Ты с ума сошел?

– Да, – шепнул он, наклоняясь, чтобы поцеловать ее.

Татьяна резко отвернулась.

– Нет! Пусти меня! – повторила она.

Он неожиданно разжал руки и отпрянул:

– Прости...

– Я немедленно иду домой! – крикнула она и почти побежала по тротуару. – Дима, ты слишком стар для меня.

– Нет-нет, пожалуйста! Мне всего лишь двадцать три.

– Я не об этом. Просто я чересчур молода для тебя. Мне нужен тот, кто... – она замялась в поисках подходящего слова, – ждал бы меньшего.

– Как это «меньшего»? И насколько?

– Который не ждал бы *ничего*.

– Мне ужасно жаль, Таня. Я не хотел тебя пугать.

– Все в порядке, – сказала она, не глядя на него. – Я просто не из тех, кто гуляет по ночам с парнями.

«С тобой», – мысленно добавила она, с болью в сердце вспоминая Летний сад.

– Теперь я это понимаю. Думаю, именно поэтому ты мне нравишься. Иногда я просто не понимаю, как вести себя с тобой.

– Быть терпеливым и проявлять уважение.

– Обещаю быть терпеливым, как Иов. И я не собираюсь отказываться от тебя.

Она молча шла по Суворовскому.

– Надеюсь, и Даше нравится Александр, – неожиданно бросил Дмитрий.

– Даше нравится Александр.

– Потому что она ему очень нравится.

– Да? – пролепетала Татьяна. – Откуда ты знаешь?

– Раньше ни одной юбки не пропускал, а теперь... Только Даше не говори, это ранит ее чувства.

Татьяна хотела сказать, что не понимает, о чем он толкует, но она слишком боялась услышать правду.

Они застали Дашу и Александра за вполне мирным занятием. Сидя на маленьком диванчике в коридоре, они читали вслух Зоценко и смеялись. Единственное, на что была способна Татьяна, – это недовольно заметить:

– Схватили чужую книгу и рады.

По какой-то причине ее слова показались Даше крайне забавными, и даже Александр улыбнулся. Проходя мимо, Татьяна споткнулась о его вытянутые ноги и наверняка шлепнулась бы, если бы он не подхватил ее. И сразу же отпустил.

– Таня, – спросил он, – что у тебя с рукой?

– Ах это... – беспечно отмахнулась она. – Пустяки.

И, пробормотав что-то насчет усталости и позднего часа, быстренько ретировалась в комнату стариков, где устроилась на диване между дедом и бабушкой и долго слушала радио. Они потихоньку поговорили о Паше, и вскоре девушка почувствовала себя лучше.

Позже, уже лежа в кровати, она услышала шепот сестры:

– Таня! Таня!

– Ну что тебе? Я спать хочу.

Даша чмокнула ее в плечо:

– Таня, мы почти не разговариваем с тобой. Наш Пашенька уехал, а времени совсем нет. Ты скучаешь по нему, верно? Он скоро вернется.

– Скучаю. А ты занята. Потолкуем завтра, Дашенька.

– Я влюблена, Таня!

– Рада за тебя.

Она снова отвернулась к стене.

– Знаешь, это настоящее. О Танечка, не знаю, что делать с собой!

– Может, попробуешь заснуть?

– Таня, я ни о чем другом думать не могу. Он сводит меня с ума. Он такой... Лед и огонь. Сегодня он был совсем другим: спокойный, шутил, – но временами я просто не могу его понять!

Татьяна не ответила.

– Да, я хочу всего сразу. И то, что он немного оттаял, – настоящее чудо. До прошлого воскресенья я не могла уговорить его зайти ко мне. И вдруг он является – с тобой и Димой.

Таня хотела напомнить, что Александр пришел к ним домой отнюдь не по просьбе Даши, но, разумеется, снова промолчала.

– Дареному коню в зубы не смотрят, и я лучше всех это понимаю. Но кажется, ему понравилась наша семья. Знаешь, он ведь из Краснодара, но не был там с тех пор, как пошел в армию. У него нет ни братьев, ни сестер. Он никогда не говорит о родителях. Он... не могу объяснить... такой сдержанный. Не слишком распространяется о своих делах. Правда, спрашивает о моих.

– Д-да? – выдавила Татьяна.

– И очень жалеет, что началась война.

– Мы все жалеем, – хмыкнула Татьяна.

– Но это вселяет надежду, не находишь? На лучшую жизнь с ним вместе, как только война закончится. Таня, а Дмитрий тебе нравится?

– Ничего, – ответила она, стараясь, чтобы не дрогнул голос.

– А ты ему очень.

– Чушь!

– Ничего подобного. Ты ничего в таких вещах не понимаешь.

– Понимаю и повторяю: ничуть я ему не нравлюсь.

– Ты ни о чем не хочешь поговорить? Спросить?

– Нет!

– Таня, брось свою застенчивость, – покровительственно заметила Даша. – Тебе уже семнадцать. Почему ты не хочешь обратить внимание на...

– Дмитрия? – прошептала Татьяна. – Никогда!

И перед тем как заснуть, она осознала, что меньше боится неведомых ужасов войны, чем уже познанных сердечных бед.

9

В субботу Татьяна отправилась в Публичную библиотеку и заказала русско-английский разговорник. В школе она учила английский, знала алфавит и теперь пыталась воспроизвести вслух заинтересовавшие ее фразы. Произношение давалось ей с трудом, и некоторые звуки были словно специально созданы, чтобы доводить ее до белого каления.

В воскресенье пришел Александр и собственноручно наклеил на стекла бумажные полоски, объяснив, что иначе их выбьет во время налетов.

– Это следовало бы сделать всем. Скоро по городу пойдут патрули, чтобы проверить наклейки. Если немцы окажутся под Ленинградом, вставить другие стекла будет почти невозможно.

Метановы с живым интересом наблюдали за его манипуляциями, причем мама не уставала повторять, как он высок, как ловок, какие умелые у него руки и как твердо он стоит на подоконнике.

– Да ведь он офицер, мама, – нетерпеливо ответила Даша.

– Разве в Красной армии учат стоять на подоконниках? – хмыкнула Татьяна.

– О Таня, помолчи, – засмеялась Даша.

Александр тоже засмеялся. Но не посоветовал Тане помолчать.

– Что это за узор вы выложили на наших окнах? – удивилась мама, когда Александр спрыгнул с подоконника.

Женщины уставились на окно. Вместо белого крестового креста на стекле красовалось дерево. Толстый, слегка согнутый ствол с длинными, утолщающимися к основанию листьями, торчавшими на вершине.

– Что это, молодой человек? – строго осведомилась бабушка.

– Это, Анна Львовна, пальма.

– Что? – переспросила Даша, стоявшая близко от Александра. *Слишком* близко.

– Пальма.

Татьяна не мигая смотрела на него.

– Пальма, – насмешливо повторила Даша.

– Это тропическое дерево. Растет в Америке, Испании... вообще в жарких странах.

– Хм... странный выбор, не находите? – бросила мама.

– Лучше, чем противный крест, – пробормотала Татьяна.

Александр улыбнулся ей. Она робко улыбнулась в ответ.

– Ну, молодой человек, – проворчала бабушка, – когда будете клеить мои окна, никаких штучек. Обычный крест, и ничего больше. Не нужны мне ваши пальмы.

Позже, когда он и Даша ушли, оставив Татьяну в кругу мрачного и усталого семейства, та поспешила сбежать из дома в библиотеку, где провела несколько часов, выговаривая незнакомые слова. Язык казался ей ужасно трудным. При следующей встрече нужно попросить Александра поговорить с ней по-английски. Научить произносить слова.

Она уже думала о следующей встрече как о чем-то определенном и клялась сказать ему, чтобы не приходил больше к Кировскому. Она дала обещание себе той ночью, когда лежала лицом к стене, дала обещание стене, касаясь кончиками пальцев старых обоев и повторяя:

– Я обещаю, обещаю... Обещаю...

Потом опустила руку в щель между постелью и стеной и коснулась «Медного всадника», подаренного Александром. Может, она скажет ему в другой день. После того, как послушает английскую речь. После того, как они поговорят о войне. После того...

Снова завывала сирена.

Даша вернулась гораздо позже окончания налета, разбудив Татьяну, пальцы которой так и покоились на терпеливо слушавшей ее стене.

10

В понедельник Красенко вызвал Татьяну в кабинет и сказал, что, хотя из ее рук не вышло ни одного бракованного огнемета, ввиду производственной необходимости он срочно переводит ее в танкостроительный цех, потому что из Москвы пришло распоряжение о производстве ста восьмидесяти танков в месяц.

– А кто будет делать снаряды?

– Не волнуйся, найдется кому, – кивнул Красенко, закуривая. – Иди поешь. В столовой сегодня суп.

– Как думаете, может, мне стоит поехать рыть окопы? – выпалила она.

– Ни за что!

– Я слышала, что пятнадцать тысяч рабочих с Кировского роют окопы под Лугой. Это правда?

– Правда в том, что ты никуда не едешь. Все, иди.

– Значит, Луга в опасности?

Паша был под Лугой.

– Нет. Немцы далеко. Но на всякий случай нужно подготовиться. Иди-иди, у меня дел полно.

В новом цехе оказалось куда больше народа, да и линия сборки была сложнее, но из-за этого у Татьяны, как ни странно, оставалось меньше работы. Она вкладывала поршни в цилиндры, которые крепились под камерой сгорания дизельного двигателя танка.

Размером цех был с самолетный ангар, такой же серый и темный изнутри. К концу дня двигатель был закреплен, гусеницы стояли на месте, корпус заклепан, но внутри танк был пуст: ни приборов, ни панелей, ни зарядных ящиков, ни сидений, ни башни – ничего, что отличало бы танк от бронированного автомобиля. Эта работа дала Татьяне чувство необычайного удовлетворения: она сама, своими руками помогла собрать танк КВ! Ее охватила настоящая гордость; кроме того, Красенко сказал, что немцы не имеют на вооружении ничего подобного этому прекрасно оснащенному, маневренному, быстрому, армированному 45-миллиметровой броней танку. А они еще хвастаются своими танками!

– Таня, – заметил он, – ты прекрасно справилась. Может, когда подрастешь, станешь механиком.

В восемь, успев наспех умыться, причесаться и поправить воротничок, Татьяна выбежала за ворота, удивляясь, что еще может бежать после такого тяжелого дня. И все же она бежала, боясь, что Александр ее не дождет.

Он дождался.

Татьяна с трудом отдышалась. Взяла себя в руки. Она была наедине с ним впервые с самой пятницы.

Одна среди чужих.

Ей хотелось сказать: *как я счастлива, что ты пришел!*

Она совсем забыла о вчерашней клятве.

Куда девались все ее добрые намерения?

Кто-то окликнул ее. Это оказался Илья, подросток лет шестнадцати, работавший рядом с ней.

– Идешь на автобус? – спросил он, глядя на Александра.

– Нет, Илюша, увидимся завтра.

– Это еще кто такой? – произнес Александр.

Татьяна недоуменно подняла брови:

– Это? А, Илья! Я с ним работаю.

– Он пристает к тебе?

– Нет, конечно.

По правде говоря, Илья действительно не давал ей прохода.

– Теперь я в новом цехе. Мы собираем танки для лужской линии обороны, – гордо объявила она.

Александр кивнул:

– Надеюсь, работа движется?

– Мы делаем танк за два дня. Неплохо, правда?

– Для Луги нам понадобятся десять танков в день, – возразил Александр.

Таня уловила в его голосе что-то неладное.

– Ты в порядке?

– Да.

– Нет, что-то не так. Что стряслось?

– Ничего.

Собравшиеся на трамвайной остановке не разговаривали. Многие яростно дымили папиросами.

– Хочешь пойти пешком? – спросила Татьяна.

Александр покачал головой:

– Я весь день занимался военной подготовкой.

- А я думала, ты уже подготовлен, – игриво усмехнулась Татьяна.
- Я – да. Но не солдаты. Им еще многому нужно научиться.
- Он выглядел совершенно подавленным и опустошенным. Или ей показалось?
- Что случилось? – снова спросила она.
- Ничего, – повторил он и, отодвинув рукав ее блузки, показал на темные синяки на внутренней стороне запястья. – Таня, что это?
- А, пустяки, – отмахнулась она, не в силах взглянуть на него. – Пойдем. Все это глупости.
- Я тебе не верю. Говорил же, не встречайся с Дмитрием.
- Я с ним не встречаюсь.
- Они переглянулись. И Татьяна уставилась на пуговицы его гимнастерки.
- Да правда же, все это пустяки. Он пытался заставить меня посидеть с ним в саду.
- Если это повторится, ты скажешь мне, договорились? – мрачно произнес Александр, отпустив ее.
- Как жаль... хоть бы эти нежные сильные пальцы никогда не разжимались...
- Дима – человек неплохой. Просто он привык к девушкам иного сорта... – пояснила она и запнулась. – Послушай, я об этом позабочусь и думаю, такого больше не повторится.
- Да? Как ты позаботилась о том, чтобы все объяснить родным насчет Паши?
- Татьяна долго молчала, прежде чем ответить:
- Александр, я с самого начала сказала, что мне это будет очень трудно. Тебе даже не удалось уговорить мою двадцатичетырехлетнюю сестру потолковать с родителями. Почему бы тебе самому не попытаться это сделать? Приходи к нам на ужин, выпей с папой и поговорите с ним по душам. Посмотришь, как они это воспримут. Покажи мне, как это делается. Потому что у меня ничего не выходит.
- Ты не в силах убедить семью, но способна противостоять Дмитрию?
- Да! – сказала Татьяна, чуть повышая голос.
- Господи, неужели они ссорятся? Почему они ссорятся?
- В трамвае им удалось сесть. Татьяна держалась за переднюю скамью. Руки Александра были сложены на коленях. Он был мрачен и неразговорчив. Что-то его тревожило. Дмитрий?
- И все же они сидели совсем близко, прижимаясь друг к другу. Его нога была твердой, словно высеченной из мрамора. Татьяна не отодвигалась. Не могла. Наоборот, ее все больше тянуло к нему.
- Пытаясь ослабить растущее напряжение, она заговорила о войне:
- Где сейчас проходит линия фронта?
- Двигается на север.
- Но это по-прежнему далеко. Ведь правда? Далеко...
- Мы не знаем, с кем имеем дело. Но скоро все станет ясно, – скороговоркой пробормотал он.
- Она прильнула еще теснее.
- Александр, почему Дмитрий боится идти на фронт? Ведь нам нужно как можно скорее прогнать фашистов с нашей земли.
- Плевать ему на немцев. Ему есть дело только...
- Он внезапно осекся.
- Татьяна выжидала.
- Скоро ты поймешь, что главное для него – инстинкт самосохранения. Дмитрий считает это своим неотъемлемым правом.
- Александр... что такое «неотъемлемое»?
- Право, которого никто не сможет отнять, – улыбнулся он.
- Неотъемлемое... я не слышала этого слова раньше, – задумчиво протянула Татьяна.

– Ты еще слишком молода, – вздохнул он. Его лицо мгновенно смягчилось и стало еще красивее. – Как прошел воскресный вечер? Что ты делала? Твоя мама здорова? При каждой встрече мне кажется, что она вот-вот в обморок упадет от усталости.

– Да... На нее столько всего навалилось!

Татьяна повернулась к окну. Ей не хотелось снова заводить разговор о Паше.

– Знаешь, я вчера выучила несколько английских слов. Хочешь послушать?

– Хочу, и очень, только сначала выйдем. Какие-нибудь *хорошие* слова?

Она не совсем поняла, что он имеет в виду, но все равно покраснела.

Они вышли у Варшавского вокзала. Татьяна заметила толпу людей, державшихся вместе: женщин с детьми, стариков с вещами, сосредоточенно ожидавших чего-то.

– Куда это они? – удивилась Татьяна.

– Куда глаза глядят. Это те, кто намного умнее и предусмотрительнее остальных. Они покидают обреченный город, – пояснил Александр.

– Покидают?

– Именно. Таня... тебе тоже следовало бы уехать.

– Куда это?

– Куда угодно. Лишь бы подальше отсюда.

Почему всего неделю назад мысль об эвакуации казалась такой волнующей, а сегодня равнялась смертному приговору? Казни. Ссылке.

– Я слышал, – продолжал Александр, – что немцы продолжают наступать, сметая наши войска. Мы не подготовлены к войне. Почти безоружны. У нас нет ни танков, ни самолетов.

– Не волнуйся, – с деланой беспечностью заверила Татьяна, – к завтрашнему дню у нас будет танк.

– У нас нет ничего, кроме людей, Таня, что бы там ни говорили по радио дикторы – слишком большие оптимисты.

– Они и в самом деле оптимисты, – усмехнулась Татьяна, безуспешно пытаясь развеселить Александра.

– Таня!..

– Что?

– Ты меня слышишь? Немцы вот-вот подойдут к Ленинграду. Остаться в городе небезопасно. Тебе действительно нужно уезжать.

– Но мои родные не собираются никуда ехать.

– И что из того? Уезжай одна.

– Александр, о чем ты! – смеясь, воскликнула она. – Да я в жизни не оставалась одна. Даже в магазины почти не хожу. И куда мне деваться? Добираться одной до Урала или в другое место, куда людей эвакуируют? Или в твою Америку? Хоть там я буду в безопасности? – Все еще смеясь, она покачала головой. Что за вздор!

– Да, на моей родине тебе ничего бы не грозило, – согласился Александр.

Придя домой, Татьяна все же осмелилась завести с отцом разговор о Паше и эвакуации. Терпения отца хватило всего на три затяжки, после чего он встал, затушил папиросу и холодно объявил:

– Танюша, откуда ты набралась всего этого? Кто тебе наплел такую чушь? Фашисты сюда не доберутся. И я не собираюсь никуда ехать. Паша в полной безопасности, но, чтобы успокоить тебя, я попрошу маму завтра же позвонить и убедиться, что с ним ничего не случилось. Договорились?

– Таня, – вмешался дед, – я попросил эвакуировать меня в Молотовскую область³. Это за Уралом. У меня в Молотове двоюродный брат.

– Который умер десять лет назад, – встала бабушка, покачивая своей большой головой. – Во время голода тридцать первого года.

– Но жена-то осталась.

– Какая жена? Она погибла от холеры еще в двадцать восьмом.

– Это вторая жена, а первая, Наира Михайловна, по-прежнему там живет.

– Где это – там? Не в Молотове же! У нее дом там, где мы раньше жили, в той деревне...

– Постой! – перебил дед. – Ты хочешь ехать со мной или нет?

– Я поеду с тобой, дед, – весело пообещала Татьяна. – Молотов – красивый город?

– Я тоже с тобой, Вася, – поддержала бабушка, – но не морочь девочке голову. Никого у нас в Молотове нет. С таким же успехом можно ехать на Чукотку.

– Чукотка... – протянула Татьяна, – это у самого полярного круга?

Дед кивнул.

– Там, где Берингов пролив?

Дед снова кивнул.

– Что ж, может, нам и в самом деле неплохо побывать на Чукотке, если уж все равно трогаться с места.

– Чукотка! Кто меня туда пустит! – взорвался дед. – И кого я буду учить там математике?

– Татьяна просто дурочка, – согласилась мать.

Девушка замолчала. Она совсем не думала о какой-то математике. Просто хотела пошутить. Но взрослые смотрели на нее с осуждением.

– И при чем тут Берингов пролив? – вздохнул дед.

– Ей вечно лезет в голову всякая чушь, – встала Даша. – Ее фантазии всегда меня поражали.

– Нет у меня никаких фантазий, – отмахнулась Татьяна. – А что находится по другую сторону Берингова пролива?

– Аляска, конечно, – объяснил дед. – Но при чем тут все это?

– Да, Таня, помолчи, пожалуйста, – велела мама.

Назавтра отец вернулся домой с продовольственными карточками на каждого члена семьи.

– Представляете, с завтрашнего дня все продукты строго нормированы! Правда, нормы не так уж плохи. Рабочие получают восемьсот граммов хлеба в день, кило мяса в неделю, полкило крупы. Так жить можно.

– Мама, а ты позвонила Паше? – поинтересовалась Татьяна.

– Пробовала. Ходила на междугородную станцию. Ту, что на улице Желябова, но так и не смогла дозвониться. Завтра снова попытаюсь.

Вести с фронта были неутешительными. Военные сводки, расклеенные по всему Ленинграду на деревянных досках, где раньше висели газеты, казались Татьяне совершенно невразумительными. Диктор твердил, что Красная армия побеждает, но немцы продолжают наступать. Каким образом все это получается?

Татьяна ничего не понимала.

Несколько дней спустя дед объявил, что их, похоже, в самом деле отправят в Молотов и что неплохо бы заранее сложить вещи.

³ Молотов – ныне город Пермь.

– Я никуда не поеду без Паши! – отрезала мама и уже спокойнее добавила: – Кроме того, наша фабрика теперь шьет обмундирование, так что мы перешли на военное положение. Мы нужны фронту. Да и война скоро закончится. Ты же слышал по радио, мы бьем врага.

Дед устало покачал головой:

– Ах, Ирина, враг не так слаб, как ты думаешь. Недаром немцы захватили полмира. Англия вот уже восемнадцать месяцев как вступила в войну и до сих пор сражается. Англия! Со своими Королевскими ВВС.

– Да, отец, но мы еще покажем нацистам. Ведь это не просто воздушные бои, а настоящая война! – встал отец на защиту жены. – И солдат у нас больше. Мы так просто не сдадимся. Мы немцам не по зубам.

– Я не собираюсь проверять, по зубам мы им или нет. И оставаться тут не желаю.

– Я никуда не поеду, – повторила мама.

– Я тоже, – вторила Даша.

«Еще бы», – подумала Татьяна.

Они сидели в длинной узкой комнате. Отец с матерью курили. Даша шила. Бабушка с дедом молча переглядывались. Татьяна молчала, однако про себя решила, что тоже никуда не поедет. Она была как в осаде. В осаде по имени Александр. И не тронется с места. Татьяна жила ради вечерних свиданий с ним, рождавших едва сформированные, болезненные чувства, которые было трудно выразить и еще труднее понять. Друзья, гуляющие в сумерках... Больше она ничего не могла от него принять. И ничего не хотела, кроме этого единственного часа в конце тяжелого дня. Только в этот единственный час за весь день сердце ее переполнялось счастьем. Она жила в семье, среди родных людей, и все же старалась держаться особняком, никому не выдавая владевших ею чувств. И каждый вечер настороженно наблюдала за родителями. За их настроением. Наблюдала и не доверяла им.

– Мама, ты позвонила Паше?

– В лагере никто не отвечает. Может, номер набрала неправильно? Я позвонила в ближайшую деревню, но в сельсовете никого не было. Придется завтра пойти на почту. Все пытаются дозвониться. Должно быть, линия перегружена.

Мама ходила на почту как на службу, но ничего не получалось. От Паши не было вестей. С фронта вести приходили, но одна хуже другой. Об эвакуации больше не говорили.

Зато каждый день после работы Татьяна причесывалась, мыла руки и бежала к воротам, втайне заклиная, чтобы он оказался на месте. И каждый день после работы Александр ждал ее на остановке. И хотя больше не просил ее пойти с ним в Летний сад и посидеть на скамейке под деревьями, по-прежнему комкал фуражку в руке.

Уставшие и измученные, они пересаживались с трамвая на трамвай и неохотно расставались на Греческом проспекте, в трех кварталах от ее дома.

Во время таких прогулок они иногда говорили об Америке, о жизни Александра в Москве, об озере Ильмень и летних месяцах, которые Татьяна проводила под Лугой, и гораздо меньше – о войне, потому что Татьяна сразу вспоминала про брата и сильно расстраивалась. Александр понемногу учил ее английскому. Бывало и так, что оба молчали. Несколько раз Александр позволил Татьяне прогуливаться по парапету Обводного канала с его винтовкой в качестве балансира.

– Только не упади в воду, – предупреждал он, – потому что я не умею плавать.

– Неужели?! – ахнула она, едва не свалившись.

Вовремя успев схватить винтовку за приклад, Александр усмехнулся:

– Тебе так хочется это проверить? Но не могу же я потерять оружие.

– Нет, не можешь, – рассмеялась Татьяна, рискованно покачиваясь на самом краю парапета, – тем более что я прекрасно плаваю и спасу твое оружие. Хотите посмотреть?

– Нет уж, спасибо.

Бывали минуты, когда Татьяна, заслушавшись, непроизвольно приоткрывала рот и смотрела на Александра не отрываясь: в его карамельные глаза, улыбающиеся, сияющие, мрачные... или на его подвижные, красиво очерченные губы, с которых срывались слова... Ее взгляд все время скользил с глаз на губы, брови, лоб, подбородок, словно она боялась что-то упустить.

Александр до сих пор избегал говорить о самых драматичных минутах своей жизни. О последней встрече с отцом, о том, как стал Александром *Беловым* и как получил медаль за военную доблесть. Впрочем, Татьяна и не допытывалась. Она не пыталась выведывать его тайны. Она примет от него лишь то, что он согласен дать, и будет нетерпеливо ждать остального.

11

– Рабочий день становится все длиннее, – пожаловалась Татьяна в пятницу, улыбаясь жалкой улыбкой человека, трудившегося двенадцать часов. – Сегодня я собрала целый танк! Под номером тридцать шесть. Умеешь водить танки?

– Умею кое-что получше: я знаю, как командовать танкистами.

– В чем разница?

– Я ничего не делаю, только выкрикиваю приказы и жду, пока меня убьют.

Татьяна не улыбнулась шутке.

– Надоело, – пробормотала она. – Хочу на хлебозавод. Есть же счастливые люди, которые вместо сборки танков пекут хлеб.

– Чем больше, тем лучше, – заметил Александр.

– Танков?

– Хлеба.

– Нам пообещали премию. Представляешь? Премию, если перевыполним план. Но мы и так делаем что можем. Просто с ног валимся. Одна из работниц, Зина, говорит, что уж лучше идти добровольцем на фронт.

Тротуар был широким, но они шли близко друг к другу, соприкасаясь руками.

– Знаешь, Зина права. Все мы очень устали. Она мечтает поехать в Минск, к сестре.

Александр потер глаза и поправил фуражку.

– Передай, – сухо заметил он, – чтобы она забыла о Минске. Лучше пусть думает о танках.

Какой у вас план?

– Сто восемьдесят танков в месяц. Мы едва справляемся.

– От вас требуют слишком многого.

– Погоди-погоди!

Татьяна внезапно остановилась, положила руку ему на рукав и тут же отняла ее.

– Почему надо забыть о Минске?

– Немцы заняли Минск почти две недели назад, – мрачно пояснил Александр.

– Что?!

– Что слышишь.

– Почти две недели... о нет, этого быть не может! Минск всего в нескольких километрах к югу от...

Договорить она не смогла.

– В нескольких сотнях, – поправил он, словно стараясь утешить ее.

– Нет, Александр, это совсем не так далеко! – охнула Татьяна, чувствуя, как у нее подкашиваются ноги. – Почему ты мне не сказал об этом раньше?

– Татьяна, это секретная информация. Больше я ничего не могу сказать. Просто надеялся, что ты услышишь правду по радио, но этого не случилось. Минск пал на седьмой день войны. Даже товарищ Сталин был удивлен.

– Почему же он не упомянул об этом в своем обращении к нам на прошлой неделе?

– Но он сказал «братья и сестры», верно? Хотел, чтобы мы прониклись гневом и яростью против фашистов. Чтобы все как один встали на борьбу. Что хорошего, если бы вы узнали о том, как далеко вглубь продвинулись немцы?

– Как далеко? – Не дождавшись ответа, она тоскливо выдохнула: – А наш Паша?

– Таня! – громко воскликнул он. – Не понимаю, чего ты от меня хочешь? Разве не я твержу тебе каждый день, что нужно как можно скорее увозить его из Толмачева?

Татьяна отвернулась, сдерживая слезы.

– Они еще не в Луге, – тихо сообщил Александр. – И до Толмачева не дошли. Постарайся не волноваться. Скажу только, что в первый день войны мы потеряли тысячу двести самолетов.

– Я и не знала, что у нас было столько самолетов.

– Примерно столько.

– И что же нам теперь делать?

– *Нам?* – переспросил Александр. – Я же сказал, Таня, уезжай из Ленинграда.

– А я сказала, что без Паши наша семья никуда не уедет.

Александр не ответил. Они продолжали идти.

– Устала? Может, хочешь домой? – тихо спросил он.

Татьяна молча помотала головой.

– Пойдем к Дворцовому мосту? Там наверняка продают мороженое.

Съев мороженое, молодые люди зашагали вдоль набережной, навстречу закату, мимо Зимнего дворца. Татьяна, рассеянно озираясь, вдруг заметила на другой стороне улицы странного человека и замерла как вкопанная.

Худой, высокий, с клочковатой бородой, он с сокрушенным видом стоял перед Эрмитажем. Лицо было искажено глубочайшей тоской.

Что это с ним? И почему он так расстроен?

Незнакомец стоял около военного грузовика, наблюдая, как молодые рабочие грузят в кузов деревянные ящики. Именно на эти ящики и смотрел мужчина с таким мучительным сожалением. словно терял самое дорогое, что у него было.

– Кто этот человек? – спросила она, пораженная.

– Хранитель Эрмитажа.

– А почему он так тоскливо смотрит на эти ящики?

– Это главная ценность в его жизни. Он боится, что больше никогда их не увидит.

Татьяне вдруг захотелось подойти к хранителю и попытаться его утешить.

– По-моему, у него должно быть больше веры, не находишь?

– Согласен, – улыбнулся Александр. – У него должно быть немного больше веры. Когда война закончится, он снова увидит свои ящики.

– Судя по тому, как он на них смотрит, после окончания войны он собственноручно принесет каждый и положит на место! – сказала Таня.

У музея припарковалось еще четыре военных грузовика. Вместо ответа Александр показал на машины. В этот момент из широких зеленых дверей появилось еще несколько человек, и в руках у них были ящики с просверленными в них дырами.

– Картины?

Он кивнул.

– Четыре грузовика картин?

– О, это всего лишь малая часть.

– Александр, почему они выносят картины из Эрмитажа?

– Потому что идет война.

– Хочешь сказать, они их эвакуируют? – негодовала Татьяна.

– Да.

– Но почему же при этом оставляют людей?

Александр широко улыбнулся, и она тут же забыла о своем вопросе.

– Таня, но кто же останется бороться с нацистами? Картины не умеют сражаться.

– Но мы ведь люди гражданские.

– В Ленинграде есть гарнизон. Там сотни солдат. Если понадобится, они будут сражаться на баррикадах. Сначала пошлют пехотинцев. Если их не останется, в бой пойдут танкисты. Когда же и этого окажется недостаточно, отправим тебя с камнями.

– А когда убьют и меня?

– Ты – последняя линия обороны. Когда она будет сломлена, Гитлер промарширует по городу, как в свое время по Парижу. Читала об этом?

– Это несправедливо! И французы не сражались! – пробормотала Татьяна, желая в эту минуту быть подальше от этих мужчин, грузивших сокровища Эрмитажа.

– Они – нет. А ты будешь сражаться. За каждую улицу. За каждый дом. И когда проиграешь...

– Хотя бы искусство будет спасено.

– Да, искусство будет спасено! – с чувством произнес Александр. – И другой художник напишет великолепную картину, обессмертив тебя. Запечатлев с дубинкой в поднятой руке, готовую броситься на немецкий танк, – и все это на фоне статуи Петра Великого. Медного всадника. Картину повесят в Эрмитаже, и в начале следующей войны другой хранитель будет стоять на улице, плача над исчезающими ящиками.

– В твоих устах это звучит очень романтично, – сказала Татьяна. – И кажется, даже стоит умереть за Ленинград.

– А разве не стоит?

– Знаешь, может быть, не так уж и страшно жить среди нацистов... – Татьяна вскинула руку вперед и вверх. – И тогда мы будем отдавать честь фюреру, как теперь приветствуем товарища Сталина. – Татьяна согнула руку в локте и отсалютовала. – Конечно, мы будем несвободными, превратимся в рабов. Но что с того? У нас будет еда. У нас будет своя жизнь. Свободная жизнь, конечно, лучше, но любая жизнь лучше, чем никакой, правда?

Александр молчал, и Татьяна продолжила:

– Мы не сможем поехать в другие страны. Но мы и сейчас этого не можем. Да и зачем вообще ехать в эти западные трущобы, где люди убивают друг друга за пятьдесят – как их там... – центов? Ведь об этом нам рассказывали в школе?

Татьяна заглянула Александру в глаза.

– Наверно, – сказала она, – и в самом деле лучше умереть перед Медным всадником с камнем в руке, чтобы кто-то другой жил потом свободной жизнью, которую я даже не могу себе представить.

– Да, – хрипло произнес Александр, – наверно.

И жестом, одновременно нежным и отчаянным, положил ладонь на то место между ключицами, где тревожно билось девичье сердце. Эта мужская ладонь была так велика, что доходила до вершинок грудей. У Татьяны перехватило дыхание. Она беспомощно смотрела, как он медленно наклоняет голову... но в этот момент мимо них прошел военный патруль.

– Эй вы, двое, шевелитесь! – грубо крикнул старший. – На что это вы глазете? Нечего тут стоять! Довольно! Вы уже все увидели!

Александр отнял руку, повернулся и злобно уставился на патрульного, который тут же отступил, пробормотав, что офицеры Красной армии тоже обязаны подчиняться закону.

Несколько минут спустя Александр и Татьяна попросились, не глядя друг на друга и ни словом не обмолвившись о том, что между ними произошло.

Наскоро поужинав холодной картошкой с жареным луком, Татьяна поднялась на крышу – немного посидеть, посмотреть на вражеские самолеты. Но в эту ночь самолеты могли бы спокойно разрушить весь город и Татьяна ничего бы не заметила. Потому что перед ней стояли полные страсти глаза Александра, а на коже по-прежнему горел отпечаток его ладони.

Она не заметила, как за эти недели потеряла свою безгрешность. Безгрешность и наивность честности, которая была ей присуща. Отныне ей приходилось жить во лжи. В обмане. Каждую ночь, лежа в одной постели с сестрой, прикасаясь к ней, она сгорала от необходимости жить во лжи.

Потому что ее сердце принадлежало Александру.

И только эти чувства были правдивы.

И глухи к барабанному бою совести.

О, гулять по Ленинграду в белые ночи, когда закат и рассвет соединяются в одно платиновое свечение!

А вместо этого она лежит, повернувшись к стене. Опять к стене. Как всегда. «Александр, мои ночи, мои дни, мои мысли и чаяния! Когда-нибудь ты уйдешь, покинешь меня, и я снова стану собой, буду продолжать жить, влюблюсь в кого-то другого – так бывает всегда».

И только моя безгрешность уже не вернется.

12

Два дня спустя, во второе воскресенье июля, к Метановым явились Александр и Дмитрий, одетые в штатское. На Александре были черные полотняные брюки и белая рубашка с короткими рукавами. Оказалось, что руки у него мускулистые и загорелые. Он был чисто выбрит. Татьяна никогда не видела его таким – к вечеру на его лице всегда лежала темная тень. Но теперь... теперь он выглядел почти невозможно красивым, с замиранием сердца подумала Татьяна.

– Куда хотят пойти девушки? Давайте придумаем что-нибудь особенное, – предложил Дмитрий. – Поедем в Петергоф.

Они запаслись едой и решили сесть в пригородный поезд, который шел с Варшавского вокзала. До Петергофа был час езды. Все четверо направились по набережной Обводного канала, где каждый день бродили Татьяна и Александр. Татьяна всю дорогу молчала, глядя, как Александр идет рядом с Дашей и его рука касается ее *голой* руки.

Уже в поезде Даша сказала:

– Таня, расскажи Диме и Саше, как ты называла Петергоф!

Татьяна, выйдя из задумчивости, рассеянно пробормотала:

– О, я называла его советским Версалем.

– В детстве Таня любила играть в королеву и воображала, что живет в большом дворце, правда, Танечка?

– Угу.

– Как ребяташки в Луге прозвали тебя?

– Не помню.

– Как-то забавно... королева... королева чего-то...

Татьяна и Александр переглянулись.

– Таня, что бы ты сделала, став королевой? – осведомился Дмитрий.

– Восстановила мир в государстве и обезглавила бы изменников, – не задумываясь объявила она.

Все рассмеялись.

– Знаешь, Танечка, я вправду скучал по тебе, – признался Дмитрий.

Александр, мгновенно став серьезным, уставился в окно. Татьяна последовала его примеру. Они украдкой поглядывали друг на друга с противоположных сидений.

– Татьяна, – не отставал Дмитрий, – почему ты никогда не распускаешь волосы? Тебе пошло бы.

– Ах, Дима, не приставай, она такая упрямая, – оборвала Даша. – Сколько раз ей уже говорила. Зачем иметь длинные волосы, если никогда их не показываешь? Но она вечно стянет их в пучок, как старушка! И никогда не распускает, верно, Таня?

Татьяна что-то буркнула, желая одного: провалиться сквозь землю и не встречаться со спокойно-внимательным взглядом Александра.

– Распусти их, Танечка, – попросил Дмитрий. – Пожалуйста.

– Давай же, Таня, – сказала Даша.

Татьяна медленно стянула с волос аптечную резинку, повернулась к окну и ни с кем не разговаривала до самого Петергофа.

Они не присоединились ни к одной группе, а медленно бродили вокруг дворца, по зеленым лужайкам, и наконец нашли уединенное местечко под деревьями, около фонтанов Большого каскада, и с удовольствием перекусили крутыми яйцами с хлебом и сыром. Даша догадалась захватить водку, и они пили прямо из горлышка. Татьяна, правда, отказалась. После обеда все, кроме Татьяны, закурили.

– Таня, ты не куришь и не пьешь. А что ты умеешь делать? – спросил Дмитрий.

– Ходить колесом! – воскликнула Даша. – Верно, Таня? В Луге она учила всех мальчишек делать колесо.

– Всех мальчишек? – удивился Александр.

– А в Луге много мальчиков? – воскликнул Дмитрий.

– И все, как мухи, вились вокруг Танечки.

– О чем ты, Даша? – смутилась Татьяна, стараясь не встречаться глазами с Александром.

Даша ущипнула сестру:

– Ну же, не стесняйся, расскажи, как эти паршивцы вечно к тебе приставали! Летели, как пчелы на мед!

– Да, расскажи, – поддержал Дмитрий.

Александр молчал.

Татьяна зарделась:

– Даша, мне тогда исполнилось лет семь. Там было много девочек, кроме меня.

– Да, но все смотрели тебе в рот, – хихикнула Даша, любовно глядя на сестру. – Умнее нашей Тани никого не было. И такая хорошенькая! Круглые, как пуговицы, глаза, веснушки, а какие волосы!словно солнечный лучик! Старушки то и дело ее тискали, целовали и совали конфетки.

– Только старушки? – бесстрастно осведомился Александр.

– Сделай колесо, Таня! – попросил Дмитрий, обняв ее за талию. – Покажи, как это у тебя получается.

– Немцы в Минске, – пролепетала Татьяна, пытаясь не смотреть на Александра, растянувшегося на боку; он опирался на локоть и выглядел таким... легкомысленным, давно знакомым.

Знакомым и в то же время недоступным и далеким.

– Забудьте вы о войне хоть на минуту! – досадливо бросил Дмитрий. – Это место создано для любви.

– Давай, Таня, я хочу видеть это знаменитое колесо, – тихо произнес Александр, садясь и закуривая.

– Ты же никогда мне не отказывала, – настаивала Даша.

Но сегодня Тане хотелось отказать.

Она вздохнула и встала:

– Ладно. Хотя ни одна королева не стала бы делать колесо перед подданными.

Сегодня на ней был простой розовый сарафанчик. Отойдя на несколько метров, она спросила:

– Готовы?

И даже с этого расстояния увидела, как Александр пожирает ее взглядом.

– Смотрите! – велела она, выставив вперед правую ногу. Упала на правую руку, описала телом идеальную дугу, оперлась на левую, потом на левую ногу и, не останавливаясь, не переводя дыхания, с летящими светлым облаком волосами перевернулась еще раз, еще, еще, покатилась по прямой траектории, по зеленой траве, к Большому дворцу, к детству, прочь от Даши, Дмитрия и Александра.

И когда шла назад, раскрасневшаяся, растрепанная, сумела наконец позволить себе взглянуть на него. И увидела все, что хотела увидеть.

Даша, смеясь, повалилась на Александра:

– Ну, что я тебе говорила? У нее куча скрытых талантов!

Татьяна опустила глаза и уселась на одеяло. Дмитрий принялся растирать ей спину.

– Так, Таня, сколько еще сюрпризов у тебя в запасе?

– Это все, – сухо ответила она.

Немного спустя он спросил:

– Девушки, что такое, по-вашему, любовь?

– Что?!

– Что такое любовь? Как бы вы ее определили?

– Дима, вряд ли это интересно, – возразила Даша, улыбаясь Александру.

– Это всего лишь вопрос, – не унимался Дмитрий, прильнув к бутылке. – Вполне уместный для воскресного дня и такого пейзажа.

– Я не знаю, Александр, стоит ли мне отвечать? – спросила Даша.

– Если хочешь, – пожал тот плечами.

Татьяна подумала, что одеяло слишком мало для четверых. Она сидела, скрестив ноги, Дима лежал на животе, а Даша прижималась к Александру.

– Ладно. Любовь – это... Таня, помоги мне.

– Даша, ты сама ответь.

Ей хотелось добавить, что у Даши, в отличие от нее, достаточно опыта в этой области.

– Хм... любовь – это когда он обещает тебе прийти и приходит. Когда опаздывает, но при этом извиняется. Когда не смотрит ни на одну девушку, кроме тебя. – Она подтолкнула локтем Александра. – Ну как?

– Все верно, Даша, – кивнул он.

Татьяна кашлянула.

– Как! Тане не понравилось? – удивилась сестра.

– Нет-нет, все в порядке, – с шутливым сомнением отозвалась Таня.

– Ах ты бессовестная! Я что-то пропустила?

– Нет, Даша. Но мне кажется, что ты описала, как должно быть, когда любят *тебя*. – Она помолчала; никто не возразил. – Любовь – это то, что даешь ему ты. А не то, что он дает тебе. Разве это не так? Видишь разницу? Или я не права?

– Конечно, – улыбнулась Даша. – Что ты в этом понимаешь?

– Танечка, а что такое любовь в твоём понимании? – осведомился Дмитрий.

Татьяна растерялась, чувствуя, что попала в ловушку.

– Ну же, расскажи, что такое любовь? – повторил Дмитрий.

– Да, Таня, расскажи, – вторила Даша, – что такое любовь? – И, не дожидаясь ответа, весело продолжала: – Для Тани любовь – это когда ее оставляют в покое на целое лето и не мешают читать. И возможность спать допоздна. Это любовь номер один. Любовь номер два – это крем-брюле, нет, ЭТО любовь номер один. Скажи же, Таня: если тебе дадут все лето читать, спать до полудня и есть каждый день мороженое, это и есть истинное блаженство. Любовь – это... о, я знаю, это дед! Вот где великое чувство! И глупые анекдоты, и, конечно, Паша, он уж определенно главная ее любовь. Любовь – колесо в чистом виде! – со смехом воскликнула Даша.

– Колесо, – повторил Александр, не сводя с Татьяны глаз.

– А можно посмотреть? – оживился Дмитрий.

– О, Таня! Это и в самом деле стоило бы показать. На озере Ильмень она переворачивалась пять раз, прежде чем голышом нырнуть в воду! – с восторгом поведала Даша. – погоди! Вспомнила! Они называли тебя королевой колеса озера Ильмень!

– Да, – спокойно кивнула Татьяна. – Только не голой королевой.

Александр едва сдержал смех. Даша и Дима катались от хохота. Татьяна, побагровев от досады, швырнула в сестру кусочком хлеба:

– Дашка, тогда мне было семь лет!

– И сейчас тоже...

– Замолчи!

Даша набросилась на Татьяну, сбила ее, улеглась сверху и, визжа, принялась щекотать.

– Посмотри на свои веснушки, – шепнула Даша, чмокнув сестру в нос. – Сколько их высыпало! Должно быть, много гуляла на солнышке. Неужели ходишь пешком с работы?

– Нет, и слезь с меня. Ты вешишь сто пудов, – проворчала Татьяна, тоже щекоча сестру.

– Таня, ты не ответила, – настаивал Дмитрий.

– Верно, – поддержал Александр. – Пусть ответит.

Татьяна глубоко вздохнула.

– Любовь... – наконец произнесла она и запнулась. А что действительно она могла бы сказать об этом? Как найти такие слова, которые не были бы ложью? И где кроется правда? – Любовь, – медленно повторила она, глядя только на Дашу, – это когда он голоден, а ты его кормишь. Любовь в том, чтобы знать, когда он голоден.

– Таня, но ты ведь не умеешь готовить! Он, пожалуй, умрет с голоду!

– А если он пожелает чего-то другого? – зашелся хохотом Дмитрий. – Желания бывают разные, верно? Сообразишь, что делать?

– Закрой свой рот, болван! – взорвался Александр.

– Дима, это вульгарно! – фыркнула Даша. – Откуда в тебе столько пошлости? Саша, теперь твоя очередь.

Татьяна по-прежнему сидела со скрещенными ногами, глядя мимо Александра на Большой Петергофский дворец и представляя позолоченный тронный зал и все свои мечты, расцветавшие здесь, в Петергофе. В далеком детстве.

– Любовь – это когда любимая отвечает тебе тем же, – выговорил Александр наконец.

Татьяна, чувствуя, как дрожит нижняя губа, не сводила глаз с дворца Петра Великого. Даша с улыбкой прислонилась к Александру:

– Красиво сказано, Саша.

Только когда они встали и сложили одеяло, перед тем как пуститься в обратный путь, до Татьяны дошло, что никто не спросил у Дмитрия, что такое любовь.

Этой ночью Татьяна, лежа лицом к стене, терзалась невыносимым сознанием вины. Отвернуться таким образом от Даши означало признать то, что нельзя признать, принять то, что невозможно принять, простить то, что немислимо простить. Отвернуться – означало, что

обман становится образом жизни до тех пор, пока у нее есть темная стена, к которой можно повернуться.

Как теперь жить, дышать, существовать, спать рядом с сестрой, от которой она отворачивается каждую ночь? От сестры, вместе с которой ходили собирать грибы под Лугой и не брали ничего, кроме корзины, даже ножа, «чтобы грибы не боялись». От сестры, которая учила ее шнуровать ботинки в пять лет, кататься на велосипеде в шесть и высасывать медовый нектар из клевера. От сестры, которая покрывала все ее проделки, готовила вкусную еду, заплетала косички, купала... От сестры, которая однажды взяла ее на свидание со своим пылким кавалером. Татьяна неловко переминалась, стоя у стены и поглощая мороженое, и старалась не замечать целующихся влюбленных. Впоследствии Даша никогда не брала ее с собой и после той ночи стала относиться к ней еще более покровительственно.

Больше так продолжаться не может.

Она должна потребовать, чтобы Александр прекратил эти встречи.

То, что она испытывала к Александру, не подлежало обсуждению. Ей следовало вести себя с ним по-другому. И это тоже не подлежало обсуждению.

Повернувшись лицом к сестре, она нежно погладила густые локоны.

– До чего же приятно, – сонно пробормотала Даша.

– Я люблю тебя, – шепнула Татьяна; слезы бесшумно падали на подушку.

– И я тоже. Спи.

И все это время, пока Татьяна боролась с собой, устанавливая неоспоримые правила морали и порядочности, в мозгу звучало одно слово, бьющееся в такт ударам сердца: «Шу-ра, Шу-ра, Шу-ра...»

13

В понедельник, после поездки в Петергоф, Татьяна, сурово глядя в улыбающееся лицо Александра, объявила, даже не поздоровавшись:

– Александр, ты больше не можешь сюда приходить.

Улыбка сползла с его лица.

– Пойдем, – попросил он, взяв ее за руку. – Пойдем.

В молчании они добрались до улицы Говорова.

– Что случилось? – пробормотал он, уставившись в землю.

– Александр, так больше не может продолжаться. У меня нет сил.

Он ничего не ответил.

– Я правда совсем потерялась, – продолжала Татьяна чуть бодрее. Хорошо, что они идут рядом и можно не смотреть ему в лицо. – Все это слишком тяжело для меня.

– Почему? – спросил он.

– Почему... – растерялась она. Как выразить вслух свои мысли? У нее не хватало смелости.

– Мы ведь просто друзья, верно? – спокойно осведомился Александр. – *Добрые* друзья. Я прихожу, потому что знаю, как ты устаешь. Много работаешь, до дома далеко, а впереди одинокий вечер. Я прихожу, потому что иногда ты улыбаешься мне, и тогда я думаю, что тебе хорошо. Я ошибаюсь? Но ведь только поэтому я и прихожу. Это такая малость. Все, что я могу для тебя сделать.

– Александр! – воскликнула она. – Да, мы постоянно притворяемся, что ничего такого не происходит. Но в таком случае почему мы все скрываем от Даши? Почему каждый раз расстаемся в нескольких кварталах от моего дома?

– Даша не поймет, – очень медленно пояснил он. – Это ранит ее чувства.

– Еще бы!

- Таня, все это не имеет ничего общего с Дашей.
Татьяна с такой силой сжала кулаки, что побелели пальцы.
- Ты сам знаешь, что это не так. Я не могу лежать рядом с ней ночь за ночью и бояться, что она все узнает. Пожалуйста!
- Они добрались до трамвайной остановки. Александр встал перед ней:
- Таня, взгляни на меня.
- Нет.
- Она отвернулась.
- Взгляни на меня, – повторил он, сжимая ее руки.
- Она подняла глаза. До чего же у него теплые ладони!
- Взгляни на меня и скажи: «Александр, я не хочу, чтобы ты приходил».
- Александр, – прошептала она, – я не хочу, чтобы ты приходил.
- Он не отпускал ее руки. Она не отстранялась.
- Это после вчерашнего? – спросил он срывающимся голосом.
- Особенно после вчерашнего, – выдавила она.
- Таня! – неожиданно воскликнул он. – Давай ей скажем!
- Что? – ахнула Татьяна, не веря своим ушам.
- Да. Давай ей скажем.
- Что именно? – едва ворочая языком от страха, пробормотала Татьяна. Ей вдруг стало ужасно холодно. – Нечего тут говорить.
- Тата, пожалуйста. Нужно наконец объясниться, и будь что будет. Так, по крайней мере, честнее. Даша этого достойна. Я немедленно покончу с нашими отношениями, и тогда...
- Нет! – отчаянно вскрикнула она, пытаясь вырвать руки. – Только не это. Она с ума сойдет. Должны же мы думать о других. Не только о себе!
- А мы? – прошептал он, стискивая ее пальцы. – Что будет с нами?
- Александр, я прошу...
- Нет, это я прошу! Мне до смерти все это надоело... и все потому, что ты не желаешь поступить честно!
- По-твоему, мучить людей – это честно?
- Даша с этим справится.
- А Дмитрий?
- Александр не ответил.
- Как насчет Дмитрия? – повторила Татьяна.
- Предоставь мне самому позаботиться о Дмитрие, договорились?
- И ты ошибаешься. Даша не справится. Она считает тебя своей единственной любовью.
- Ей так кажется. Она даже не знает меня.
- Татьяне вдруг стало нехорошо. Она освободилась и отпрянула:
- Нет-нет. Хватит, я не хочу слушать.
- Но Александр не сдвинулся с места.
- Я солдат Красной армии. Не американский доктор. Не британский ученый. Я солдат Советского Союза. И еще до воскресенья могу исчезнуть с этой земли. Не исключено, что это последние минуты, которые у нас с тобой остались. Не хочешь провести их со мной?..
- Словно замороженная, Татьяна пробормотала:
- Сейчас я хочу одного: лечь в постель и...
- Да, – почти обрадовался он, – в постель. Со мной!
- Татьяна, мгновенно ослабев, качнула головой.
- Нам некуда идти... – прошептала она.
- Александр подступил ближе и, сжав ладонями ее лицо, дрожащим голосом пообещал:
- Мы что-нибудь придумаем, Таточка, даю слово, потерпи...

– Нет! – вскричала она.

Его руки опустились.

– Ты... ты не так понял, – всхлипнула она. – Я хотела сказать, что у нас нет выбора.

Вслед за руками опустились его глаза. И ее тоже.

– Она моя сестра, – пояснила Татьяна. – Ну как ты не понимаешь? Я не могу разбить ее сердце.

– О да, ты уже говорила, – холодно бросил Александр. – Мужчин много, а сестра одна.

Он круто развернулся и зашагал прочь. Татьяна бросилась за ним:

– Александр, подожди!

Он не остановился. Татьяна никак не могла догнать его. Наконец, обессилев, она прислонилась к желтой стене и прошептала:

– Прошу тебя, вернись.

Он вернулся:

– Пойдем. Мне нужно идти в казармы.

Татьяна отчаянно помотала головой:

– Послушай, если все закончится сейчас, нам, по крайней мере, не в чем будет признаваться людям, которые нам дороги, которые любят нас и не ожидают предательства. Даша...

– Татьяна!

Александр надвинулся на нее так стремительно, что она отскочила, наткнулась на стену и чуть не упала. Он едва успел подхватить ее.

– О чем ты? Предательство... нельзя же так бросаться словами! Мы всего лишь не сказали им о наших встречах, а это еще не предательство.

– Прекрати.

Но он не обратил на ее слова внимания.

– Думаешь, когда ты боишься взглянуть на меня, чтобы никто не увидел того, что вижу я, – это не предательство? Когда твое лицо загорается в ста шагах от остановки, стоит тебе выйти из ворот после целого дня дурацкой работы? Когда ты распускаешь волосы, когда твои губы дрожат... разве это не предательство? – тяжело дыша, выпалил он.

– Прекрати, – повторила она, раскрасневшись, измученная, несчастная, безуспешно пытаясь вырваться.

– Татьяна, все это время, проведенное со мной, ты лгала сестре, Дмитрию, родителям и себе. Когда тебе это надоест?

– Александр, – прошептала она, – не надо так.

Он отпустил ее.

– Ты прав, – задыхаясь, выпалила Татьяна, – только себе я не лгала! Поэтому так больше не может продолжаться. Прости... я не хочу ссориться с тобой. И у меня не хватит сил ранить Дашу. Вернее, ни на что не хватит.

– Сил или желания?

Она с мольбой протянула к нему руки:

– Именно сил. Я живу во лжи... – Смутившись, Татьяна покраснела, но все же решительно продолжила: – Ты понятия не имеешь, чего мне стоит скрывать это от Даши... каждый день, каждую минуту, каждую ночь. Мой безразличный взгляд, веселый смех... неужели ты не понимаешь, чего мне все это стоит?..

– Понимаю, – мрачно произнес он, – прекрасно понимаю. Только я один знаю правду. Поэтому я и хочу покончить со всем этим обманом.

– Покончить, а что потом? – вспыхнула Татьяна. – Ты все обдумал? Покончить, а дальше что? Мне по-прежнему придется жить с Дашей! – Она горько рассмеялась. – Думаешь, после того как объяснишься с ней, ты сможешь приходить ко мне? Ужинать? Болтать с родными? А как насчет меня? Куда идти мне? С тобой в казармы? Неужели ты не понимаешь, что мы

спим в одной постели! И мне некуда податься! Пойми, ты можешь делать все, что хочешь, разорвать отношения с Дашей, но в таком случае никогда больше меня не увидишь.

– Вот оно что! – воскликнул Александр. – А я-то, осел!..

Татьяна застонала, готовая разрыдаться. Александр сразу опомнился:

– Прошу тебя, не расстраивайся.

Он потер ее ладони.

– Тогда прекрати меня мучить.

Он отнял руки.

– Ты мужчина. У тебя своя жизнь. Продолжай встречаться с Дашей. Она именно такая женщина, которая тебе нужна. А я...

– Слепая, – вставил Александр.

Татьяна поморщилась от резкой боли, ударившей в сердце.

– Александр, чего ты хочешь от меня?..

– Всего! – свирепо прошептал он.

Татьяна покачала головой и прижала к груди кулачки. Александр, мгновенно смягчившись, погладил ее по волосам:

– Тата, я в последний раз прошу...

– А я в последний раз отвечаю... – сдавленно пролепетала она.

Александр резко выпрямился. Она подступила к нему и осторожно положила руку на рукав:

– Шура... я... я не могу пожертвовать жизнью своей сестры только ради нашего с тобой удовольствия...

– Прекрасно! – перебил он. – Ты все очень ясно изложила. Вижу, что ошибался в тебе. Но предупреждаю, что я все сделаю по-своему, не так, как угодно тебе. Разорву все отношения с Дашей, но и ты меня больше не увидишь.

– Нет, пожалуйста...

– Уходи! Возвращайся домой. К своей Даше.

– Шура!.. – с мукой выдавила она.

– Никакой я не Шура. И не зови меня так, – процедил он. – Сказал же, уходи! Убирайся!

Татьяна прикусила губу. Каждую ночь, расставаясь, она чувствовала болезненную пустоту в сердце – пустоту, которую не мог заполнить никто, кроме Александра. Поэтому и старалась окружить себя другими людьми, чтобы хоть на минуту забыться. Меньше чувствовать. Меньше его хотеть. Но каждую ночь ей приходилось ложиться в постель с сестрой. И каждую ночь приходилось отворачиваться к стене, моля неизвестно кого о силе.

Но она может это сделать! Ведь семнадцать лет ее жизни были прожиты рядом с Дашей. И всего три недели – с Александром. Она в силах подавить в себе эту любовь. Справиться. Скрутить себя.

Татьяна повернулась и ушла.

14

Верный своему слову, при следующем свидании Александр повел Дашу на Невский и сказал, что ему нужно время все обдумать. Даша заплакала, чего он терпеть не мог, потому что ненавидел женские слезы, и стала что-то жалко лепетать, что тоже не слишком ему понравилось. Но он не отступал. Потому что не мог объяснить Даше, как зол на ее младшую сестру. Зол на крошечное застенчивое создание, которое не собиралось сдаваться. Не собиралось уступить ни на йоту. Даже ради него.

Но несколько дней спустя Александр был уже почти рад, что больше не видится с Татьяной. Он узнал, что немцы были всего в восемнадцати километрах от слабо укрепленной Луги,

которая, в свою очередь, была в восемнадцати километрах к югу от Толмачева. Из полученной информации стало ясно, что немцы прошли победным маршем через Новгород, расположенный к юго-востоку от Луги, там, где Татьяна ныряла в озеро Ильмень. В Луге по-прежнему рыли окопы.

Опасаясь удара со стороны финнов, командование бросило все силы на оборону северного направления. Минировались поля, возводились противотанковые заграждения. Советско-финская граница была одной из самых укрепленных в Советском Союзе. И самых спокойных. «Дмитрий, должно быть, счастлив», – думал Александр. Но стремительное наступление гитлеровцев застало командование врасплох. Началась лихорадочная деятельность по строительству 125-километровой линии обороны от озера Ильмень до Нарвы, вдоль реки Луги. Вырытых окопов, оборудованных огневых позиций, танковых ловушек было явно недостаточно. Командование, пытаясь принять какие-то срочные меры, отдало приказ перевезти из Карелии все имеющиеся там противотанковые заграждения.

И все это время Красная армия продолжала с боями отступать. В первые три недели германские войска продвигались со скоростью около пятисот километров в день. Самолетов почти не было, а танки, вопреки всем заверениям, горели, как свечи, снаряды пробивали броню, словно картон. В середине июля почти не осталось гранат, и солдаты шли на немецкие танки с винтовками и бутылками с зажигательной смесью.

Защищать Лугу выпало народному ополчению, почти безоружному и необученному. Старики и женщины не имели шансов выстоять против фашистов. Все доставшееся им оружие они брали у погибших солдат. У некоторых имелись топоры, лопаты и мотыги. У многих не было даже этого.

Александр не хотелось думать о том, что теперь будет. Что происходит, когда идешь на танк с палкой.

Он и так это знал.

Огонь и гром

1

Мир Татьяны разительно изменился после того, как ушел Александр. Теперь она покидала завод одной из последних. И каждый раз, выходя из проходной, с надеждой искала глазами его фигуру. Искала и не находила.

Она устало брела вдоль стены, ожидая, пока автобус подберет пассажиров. Садилась на скамейку и ждала его. А потом шла восемь километров до 5-й Советской, выглядывая Александра, он мерещился ей повсюду. Домой она являлась к одиннадцати, когда ужин, приготовленный бабушкой, давно остыл. Домашние собирались вокруг громкоговорителя, напряженно прислушиваясь к новостям и не заговаривая о том единственном, что было у всех на уме. О Паше.

Даша как-то прибежала в слезах и призналась сестре, что Александр решил пока не встречаться с ней. Она рыдала минут пять, пока Татьяна нежно гладила ее по спине.

– Но я не сдамся, – заверила Даша. – Он слишком много для меня значит. Может, он боится связать себя, как все военные. Поэтому и сказал, что должен все обдумать. Это ведь не означает окончательного разрыва, верно?

– Не знаю, Дашенька.

И в самом деле, кто может знать, что у Александра на уме?

Только не она, Татьяна.

Однажды пришел Дмитрий, и они просидели с час в кругу семьи. Она слегка удивилась, что он не приходит чаще, но Дмитрий придумал какой-то предлог – как показалось Татьяне, довольно неуклюжий. Он казался рассеянным. И ничего не мог сообщить о состоянии дел на фронте. Прощаясь, Дмитрий поцеловал ее в щеку, и этот поцелуй оставил ее такой же равнодушной, как и далекая Финляндия.

В эту ночь соседские мальчишки с энтузиазмом дежурили на крыше в ожидании налета. Им нравилось тушить «зажигалки». Но ночь выдалась спокойной. Единственными звуками, нарушавшими тишину, были смех Антона и его приятелей и тревожный стук ее сердца.

Татьяна не переставала думать о той минуте, когда она выходила из проходной, поворачивала голову и искала взглядом его лицо. Когда она как на крыльях летела вниз по улице, счастливо улыбаясь и сгорая от нетерпения поскорее взглянуть на него.

А по ночам она по-прежнему отворачивалась к стене, спиной к отсутствующей Даше, которая почти никогда не бывала дома.

Такое тоскливое существование продолжалось до того момента, когда Метановы услышали по радио, что немцы продолжают наступать, несмотря на все меры, принятые героическими советскими солдатами, и стоят уже под Лугой. Известие потрясло семью. Каждый боялся сказать вслух о том, что его мучит. О том, что до Толмачева остается всего несколько километров. Лагерь Паши находился в Толмачеве. До сих пор Паша был там в полной безопасности, как они считали.

Но если немцы возьмут Лугу, что тогда будет? И что будет с их внуком, сыном и братом?

Татьяна попыталась успокоить родных, но слова ее звучали пусто и неубедительно:

– Вот увидите, ничего плохого с ним не случится. Все будет хорошо. – И потом она добавила: – Мы сумеем с ним связаться... то есть попытаемся. Ну же, мама, не плачь. Я это чувствую! Он мой брат-близнец, и я говорю: с ним все в порядке.

От Паши по-прежнему не было никаких известий, и Татьяна, несмотря на свои бодрые заверения, начинала все больше бояться за брата.

У местных властей не было ответа. У областных тоже. Татьяна с матерью всюду ходили вместе.

– Что я могу вам сказать? – вздохнула строгая на вид женщина с небольшими седыми усиками. – Сами слышали, немцы под Лугой. Насчет Толмачева ничего не говорится.

– Но в лагере никто не отвечает! Почему телефоны не работают?

– Да откуда же мне знать? Я ведь не провидец!

– Мы можем поехать в Толмачево? – спросила Ирина.

– О чем вы говорите? Вы что, собираетесь пробраться к линии фронта? Так прямо сесть в автобус и поехать? – Седые усики дрогнули от смеха. – Наташа, иди сюда, послушай!

Татьяну так и подмывало огрызнуться, но не хватило храбрости. Она подхватила мать под руку и вывела из исполкома. Но так и не смогла ее успокоить.

Ночью, когда Татьяна притворялась, что спит, повернувшись лицом к стене и опустив руку вниз, к полу, где лежал «Медный всадник», она нечаянно подслушала разговор родителей. Все началось с тихого плача матери. Отец попытался ее успокоить, но вскоре тоже заплакал, и у Татьяны мучительно сжалось сердце.

Шепоток, обрывки фраз, скорбные жалобы.

– Может, он жив, – выдохнула мать.

– Может, – эхом отозвался отец.

– Георгий, мы не можем потерять нашего Пашу! Не можем, – причитала она. – Нашего мальчика.

– Нашего любимого мальчика, – добавил отец. – Единственного сына.

Мать всхлипнула.

Татьяна услышала шорох простыней.

– О, что это за Бог, который забирает наших детей?!

– Бога нет. Успокойся Ирина. И потише. Ты разбудишь девочек.

– Мне все равно! – вскрикнула мать, но все же понизила голос до шепота. – Почему Господь не мог взять вместо него Таню?

– Прекрати, Ирина, ты сама не знаешь, что говоришь!

– Почему, Георгий, почему? Я знаю: ты чувствуешь то же самое. Неужели ты не отдал бы Таню за нашего сына? Или даже Дашу? Но Таня такая слабая и застенчивая, ни на что не способная. Не то что Паша... Наш Паша.

Татьяна натянула одеяло на голову, не желая больше ничего слышать. Даша мирно посапывала. Мама и папа тоже вскоре заснули. Только Татьяна лежала без сна. В сердце безжалостно впивались колючками слова мамы.

Почему Господь не мог взять вместо него Таню?

2

На следующий день после работы, взвинченная и расстроенная, не отдавая себе отчета в том, что делает, Татьяна отправилась в Павловские казармы, попросила улыбающегося сержанта Петренко вызвать Александра и прислонилась к стене, боясь, что не удержится на ногах.

Наконец появился Александр. Лицо его было напряженным и осунувшимся... Под глазами темнели круги.

– Здравствуй, – отстраненно произнес он, остановившись поодаль. – Все в порядке?

– Вроде бы. А у тебя? Ты выглядишь...

– Все хорошо, – перебил Александр. – Как дела?

– Не слишком хорошо, – призналась Татьяна и немедленно испугалась: а вдруг он подумает, что это из-за него?! – Видишь ли...

Голос ее сорвался. И не только из-за страха за Пашу. Было кое-что еще. Она не хотела, чтобы Александр знал. Нужно скрыть это от него.

– Александр, ты никак не можешь узнать о Паше?

Он с жалостью посмотрел на нее:

– Ах, Таня, зачем?

– Пожалуйста. Мои родители в отчаянии.

– Вам лучше не знать.

– Но мама и папа просто не в себе. Они не живут, а медленно умирают. Я должна знать. Я тоже не живу, а медленно умираю.

– Думаешь, если они все узнают, будет легче?

– Конечно, правда всегда лучше. Они сумеют справиться с горем. – Татьяна отвела глаза, не желая больше лгать. – Неопределенность их убивает.

Александр промолчал. Татьяна, кусая губы, пробормотала:

– Если все будет известно, мы с Дашей, а может, и с мамой уедем в Молотов. Бабушке и дедушке обещали...

Александр закурил.

– Ты попробуешь... Александр?

Как приятно было произносить его имя вслух. И как хотелось коснуться его руки! Какое счастье... и несчастье... снова видеть его лицо. Если бы ей хватило смелости подойти ближе! Нет... нельзя.

Александр молча курил, не отрывая от нее взгляда. Татьяна старалась спрятать от него глаза и вымученно улыбалась.

– Ты поедешь в Молотов?

– Да.

– Прекрасно, – не колеблясь констатировал Александр. – Таня, независимо от того, удастся ли мне что-то выяснить насчет Паши, ты должна, понимаешь, должна уехать. Твоему деду повезло. Большинство людей не смогут эвакуироваться.

– Мои родители считают, что в городе безопаснее. Поэтому в Ленинград со всей округи стекаются люди. Боятся оставаться в деревнях, – со спокойной уверенностью объяснила Татьяна.

– Сейчас по всей стране нет безопасных мест, – пожал плечами Александр.

– Тише, – произнесла она, понижая голос.

Он подался к ней, и Татьяна вскинула на него молящие глаза.

– Что? – прошептала она, но прежде, чем он успел ответить, откуда ни возьмись появился Дмитрий.

– Привет, – бросил он, хмурясь. – Что ты здесь делаешь?

– Пришла повидаться, – поспешно сказала она.

– А я курю, – вставил Александр.

– Очень приятно видеть тебя. Я тронут, – улыбнулся Дмитрий, обнимая ее за плечи. – Давай я провожу тебя домой. Хочешь куда-нибудь пойти? Погода хорошая.

– До встречи, Таня, – окликнул Александр.

Татьяна боролась с истерикой.

Немного подумав, Александр отправился к полковнику Степанову, под началом которого служил во время Финской кампании, когда полковник был еще майором, а сам Александр – лейтенантом. С тех пор у Степанова была возможность получить более высокую должность, но он предпочел остаться главой Ленинградского гарнизона.

Полковник отличался высоким ростом, худобой и исключительной выправкой. Увидев Александра, он улыбнулся, но его голубые глаза оставались печальными.

– Здравия желаю, товарищ полковник! – приветствовал Александр, отдавая честь.

– Здравствуй, старший лейтенант, – кивнул тот, выходя из-за письменного стола.

Они обменялись рукопожатием, и полковник вновь уселся.

– Как дела?

– Прекрасно, товарищ полковник.

– Все в порядке? Майор Орлов не обижают?

– Нет, товарищ полковник, спасибо.

– Чем могу помочь?

Александр неловко откашлялся.

– Хотел бы узнать кое-что.

– Что именно?

– Ополченцы, товарищ полковник, что будет с ними?

– По-моему, вам это лучше известно, старший лейтенант Белов. Вы их обучали.

– Я имею в виду – под Лугой.

– Что ж, им пришлось вступить в бой, – вздохнул полковник, покачав головой. – Положение в Новгороде сам знаешь какое. Ни гранат, ни винтовок не хватает. Они кидаются камнями в танки. Зачем тебе все это?

– Пытаюсь найти семнадцатилетнего мальчишку, которого родители отправили в лагерь недалеко от Толмачева. Там не работают телефоны, и его семья в панике. Его зовут Павел Метанов.

Полковник молча постоял, изучая Александра, и наконец сказал:

– Возвращайся к своим обязанностям. Попробую что-то узнать. Но ничего не обещаю.

– Спасибо, товарищ полковник.

Александр снова отдал честь, повернулся и вышел.

Вечером Дмитрий заглянул в помещение, где жил Александр еще с тремя офицерами. Они играли в карты. В воздухе висел сизоватый табачный дым. Тасовавший колоду Александр едва взглянул на него. Дмитрий присел на корточках рядом с его стулом.

– Почему не отдаете честь, Черненко? – прикрикнул лейтенант Анатолий Маразов, не поднимая головы.

Дмитрий встал и отдал честь:

– Здравия желаю, товарищи офицеры!

– Вольно, рядовой.

– Что с тобой, Дима?

– Ничего особенного, – тихо ответил тот, снова присаживаясь на корточки. – Мы не можем поговорить?

– Говори прямо здесь. Все в порядке?

– Лучше некуда. Говорят, мы остаемся в тылу.

– Не в тылу, мы остаемся защищать Ленинград, – поправил Маразов.

– Финны называют себя союзниками... – презрительно бросил Дмитрий. – Если они объединятся с немцами, нам конец. Можно сразу поднимать руки.

– Ничего не скажешь, воинственный дух... – покачал головой Маразов. – Вот так солдат!

– Маразов прав, Дима, и я удивлен твоей позицией. Откровенно говоря, на тебя не похоже, – чуть раздраженно бросил Александр.

Дмитрий насмешливо улыбнулся:

– Это немного не то, на что мы надеялись, когда шли в армию, верно, Саша?

Александр не ответил.

– Я имею в виду войну, – добавил Дмитрий.

– Да, война – это не то, на что мы надеялись. Да и все остальные тоже, не находишь?

Например, ты...

– О, тут ты прав. Но у меня был куда более скудный выбор, чем у тебя.

– У тебя был выбор, Белов? – спросил Маразов.

Александр отложил карты, потушил папиросу и встал.

– Я сейчас вернусь, – сказал он.

Дмитрий двинулся следом за ним. Они спустились по лестнице и вышли на мощный двор. Было уже начало второго. В нескольких шагах курили солдаты. Но лучшего места все равно не найти. Вдвоем их не оставят.

– Дима, перестань нести вздор, – строго предупредил Александр. – Не было у меня никакого выбора, и ты прекрасно это знаешь.

– У тебя была возможность находиться совсем в другом месте.

Александр раздраженно поморщился. Ему очень хотелось уйти.

– Финляндия слишком опасна для нас в данный момент, – взволнованно произнес Дмитрий.

– Знаю, – нехотя обронил Александр, не желавший говорить о Финляндии.

– Слишком много солдат с обеих сторон. И повсюду загранотряды НКВД. Вокруг Лисьего Носа полно войск, их и наших, а кроме того, проволочные заграждения и мины. Все это совсем не безопасно. Не знаю, что теперь делать. Ты уверен, что финны дойдут от Выборга до Лисьего Носа?

Александр молча курил.

– Да, – наконец сказал он. – Они захотят вернуться к прежним границам. И обязательно попробуют дойти до Лисьего Носа.

– Что ж, будем ждать, все равно ничего другого не остается, – вздохнул Дмитрий. – Придет ли когда-нибудь наше время?

– Не знаю, Дима. Посмотрим.

– Ну а пока не мог бы ты перевести меня из первого стрелкового полка?

– Дима, я уже перевел тебя из второго пехотного батальона.

– Знаю, но при первой же атаке меня погонят в бой. Люди Маразова – на второй линии обороны. Я предпочел бы быть в разведке или подвозить снаряды. Не находишь, что так у нас больше шансов на благополучный побег?

– Хочешь подвозить снаряды на передовую? – удивился Александр.

– Скорее уж почту и табак для тыловых частей.

– Посмотрю, что можно будет сделать, – улыбнулся Александр.

– Пойдем, – сказал Дмитрий, раздавив сапогом окурки. – И не грусти. Что это с тобой в последние дни? Пока что все идет как надо. Лето выдалось прекрасное, немцы еще не подошли к городу.

Александр пожал плечами.

– Саша, послушай, я хотел с тобой поговорить... Таня – чудесная девушка.

– Что?..

– Я о Тане. Она чудесная девушка.

– Да.

– И я хочу, чтобы она оставалась такой. Ей не стоило являться сюда и тем более беседовать с тобой. Почему-то именно с тобой. Не странно ли?

– Согласен.

– Я знаю, что все мы хорошие друзья и она младшая сестра твоей любовницы, но, откровенно говоря, мне не хочется, чтобы ты морочил ей голову. В конце концов, она ведь не чета твоим гарнизонным шлюхам...

– Хватит! – бросил Александр, шагнув к нему.

– Шучу-шучу, – засмеялся Дмитрий. – Даша-то приходит к тебе? Я что-то не в курсе. Таня работает с утра до ночи, совсем с ног валится. Но ведь Даша приходит, верно?

– Да.

Она действительно не пропускала ни одной ночи и из кожи вон лезла, чтобы вернуть его. Но Александр не собирался вдаваться в подробности.

– Тем более Тане не следовало здесь быть. Даша расстроится, если узнает.

– И опять ты прав.

Александр жестко посмотрел на друга, но тот не отвел глаз.

– У тебя есть закурить?

Дмитрий с готовностью полез в карман брюк:

– До чего мы докатились! Старший лейтенант просит папироску у простого солдата!

Но мне нравится, когда ты о чем-то меня просишь.

Александр промолчал.

Дмитрий смущенно откашлялся.

– Если бы я не знал тебя так хорошо, решил бы, что ты питаешь к нашей крошке Танечке нежные чувства.

– Но ты слишком хорошо меня знаешь, не так ли?

– Наверное. Но, судя по тому, как ты смотришь на нее...

– Прекрати! – повысил голос Александр, затаиваясь. – Напридумывал себе!

Дмитрий вздохнул:

– Ладно-ладно. Что я могу сказать? Втрескался в нее по самые уши...

Папироса медленно тлела в пальцах Александра.

– Втрескался? – переспросил он.

– Да. Почему тебя это удивляет? – от души расхохотался Дмитрий. – Думаешь, подлец вроде меня недостойн такой девушки, как Таня?

– Нет, вовсе нет. Но, как я слышал, ты не вылезает из «Садко».

– При чем тут это? – Прежде чем Александр успел ответить, он подступил ближе и понизил голос. – Таня слишком молода и просила меня не торопиться. Я уважаю ее желания и стараюсь быть терпеливым. Однако рано или поздно она опомнится и...

Александр отшвырнул папиросу, затоптал окурок и глухо сказал:

– Пойдем, пора.

Он направился к зданию, но Дмитрий догнал его и схватил за руку. Александр развернулся, вырвал руку и прошипел:

– Не лапай меня! Я тебе не Таня!

– Все-все, – поспешно заверил Дмитрий, отступая. – Умерь свой пыл, Александр *Баррингтон*.

Он тщательно выговорил каждую букву настоящей фамилии Александра. В сгущавшихся сумерках Дмитрий казался еще меньше ростом, мелкие зубы – еще более острыми и желтыми, волосы – еще жирнее, глаза – еще уже.

3

Наутро Татьяна бежала на работу, полная новых надежд. Она научилась не обращать внимания на охрану из НКВД, стоящую у проходной. Но когда кто-то из этих людей задерживал на ней свой взгляд, она съеживалась, стараясь сделаться невидимкой.

Для того чтобы рабочие меньше уставали и не манкировали своими обязанностями, их переводили с места на место каждые два часа. Оставив лебедку, которая ставила танк на гусеницы, Татьяна стала рисовать красные звезды на зеленых глянцевах корпусах.

Илья, тощий подросток из ее бригады, не давал ей прохода, особенно после того, как Александр перестал встречать ее после работы, – задавал бесконечные вопросы, на которые из вежливости приходилось отвечать до тех пор, пока она не выдерживала и не объясняла, что у нее полно других дел. Каким-то образом он всегда ухитрялся оказываться рядом, независимо от того, сколько раз ее переводили с одного места на другое. Даже в столовой он вечно садился за ее столик, и Зина, которая его не выносила, бесцеремонно гнала мальчишку прочь.

Но сегодня Татьяна его пожалела.

– Ему просто одиноко, – сказала она, откусывая котлету. – Похоже, у него никого нет. Останься, Илья.

Илья остался.

Татьяна могла позволить себе быть великодушной. Скорее бы кончился день. После вчерашней встречи она была уверена, что Александр придет. Даже надела лучшую юбку с блузкой и утром испукалась в ванне.

Вечером она выбежала из проходной, умытая и причесанная, и, улыбаясь, повернула к остановке.

Александра не было.

Она так и просидела на скамье с половины девятого до половины десятого, сложив руки на коленях. Потом встала и пошла домой.

О Паше по-прежнему не приходило известий, и родители изнывали от горя. Даши не было дома. Дед и бабушка потихоньку собирали вещи. Татьяна поднялась на крышу и стала рассматривать аэростаты, плавающие в небе, подобно белым китам. Антон и Кирилл читали «Войну и мир» и говорили о своем брате Володе, пропавшем в Толмачеве. Татьяна слушала вполуха, думая о своем брате Паше, который тоже пропал в Толмачеве.

Александр не пришел. Значит, ничего не смог выяснить. Или новости настолько плохие, что он не посмел явиться. Но в глубине души Татьяна знала правду: он не пришел, потому что порвал с ней. Она ему надоела, надоели ее ребяческие выходки. Эта страница его жизни перевернута.

Они были просто друзьями, но он мужчина, и все эти глупости ему приелись.

И он прав, что не пришел. Она не станет плакать.

Но перспектива терпеть тяжелый изнурительный труд день за днем без него и без Паши, встречать каждый вечер без него и без Паши, оставаться наедине с собой, без него и без Паши, наполнила Татьяну такой тоской, что она едва не застонала вслух прямо при смеющихся мальчишках.

Как она нуждалась в том, чтобы увидеть подростка, дышавшего тем же воздухом, что и она, целых семнадцать лет, сидевшего в том же классе, в той же комнате, лежавшего когда-то в том же чреве. Как бы ей хотелось, чтобы он вернулся, ее друг и брат!

Татьяне казалось, что она чувствует его присутствие. С Пашей ничего не случилось. Он ждет, когда сестра придет за ним. И она не подведет. Она не будет, подобно родным, волноваться, мучиться и ничего не предпринимать. Ничего не делать. Пять минут с Пашей снимут груз с души, и она забудет обо всех бедах. О злосчастном прошлом месяце.

Забудет Александра.

Ей так нужно забыть Александра.

Когда все отправились спать, Татьяна прокралась вниз, нашла ножницы и стала беспощадно кромсать свои светлые волосы, наблюдая, как длинные пряди ложатся в раковину. Когда все было кончено, маленькое мутное зеркальце отражало нечто непонятное. Видны были только ее надутые губы и грустные пустые глаза, казавшиеся еще зеленее без волос, обрамлявших лицо. Веснушки на носу и под глазами выделялись ярче. Она похожа на мальчишку? Что ж, тем лучше. Она выглядит моложе? Более хрупкой? Что подумает Александр, увидев ее? Ах, не все ли равно? Она знает, что он подумает. Шу-ра, Шу-ра, Шу-ра...

На рассвете она натянула бежевые Пашины брюки, захватила зубной порошок и щетку, вытащила старый спальный мешок, который брат раньше брал в лагерь, написала короткую записку родным и пешком отправилась на завод.

Этим утром ее поставили ввинчивать свечи предпускового подогрева в камеру сгорания. Свечи подогревали сжатый воздух в цилиндрах, прежде чем включалось зажигание. Обычно она прекрасно справлялась с этой работой, вот и сейчас совершала механические движения, пытаясь совладать с разгулявшимися нервами.

В обеденный перерыв вместе с Зиной она отправилась к Красенко и заявила, что хочет ехать на рытье окопов. Зина вот уже неделю ни о чем другом и думать не могла.

Красенко сказал, что она слишком молода. Но Татьяна продолжала настаивать.

– Зачем тебе это, Таня? – участливо спросил он. – Луга не для таких, как ты.

Она ответила, что знает: положение безнадежное, но хочет последовать призыву партии. Даже четырнадцати-пятнадцатилетние подростки роют окопы, и они с Зиной должны помочь красноармейцам чем могут. Зина молча кивала. Татьяна, понимая, что без Красенко ее никто не отпустит с завода, попросила:

– Пожалуйста, Сергей Андреевич!

– Нет, – упорствовал он.

Татьяна не отступала. Она заявила, что любой ценой должна оказаться в Луге и уедет из Ленинграда, с его помощью или без. Красенко она не боялась. Тот всегда ей симпатизировал.

– Сергей Андреевич, вы не можете удержать меня силой. Подумайте, как это будет выглядеть, если станет известно, что вы не позволяете добровольцам помочь своей Родине и Красной армии?

Зина продолжала усердно кивать.

Красенко тяжело вздохнул, выписал обеим пропуска и разрешения покинуть завод и проптемпелевал их паспорта. На прощание он пожелал ей удачи. Татьяна хотела было признаться, что отправляется на поиски брата, но представила, что он ответит и как будет ее отговаривать, и промолчала. Только поблагодарила.

Девушки отправились в громадное помещение, где после медицинского осмотра им выдали лопаты и мотыги, которые были слишком тяжелы для Татьяны. Зину с Таней даже подвезли автобусом на Варшавский вокзал, где они должны были пересест на военные грузовики, отправлявшиеся в Лугу. Татьяна вообразила было, что это такие же бронированные автомобили, которые перевозили картины из Эрмитажа. Но машины оказались обыкновенными полуторками, с кузовами, обтянутыми брезентом защитного цвета. Такие постоянно курсировали по Ленинграду.

Вместе с ней и Зиной в кузов набилось человек сорок. Но перед этим солдаты погрузили в грузовик какие-то ящики. Что ж, по крайней мере, будет на чем сидеть.

– Что в них? – спросила Татьяна.

Солдат ухмыльнулся:

– Гранаты.

Татьяна поспешно вскочила.

Процессия из семи грузовиков направилась на юг – по шоссе, ведущему к Луге. В Гатчине им велели сойти и сесть в военный эшелон.

– Здорово! – обрадовалась Татьяна. – Значит, мы можем сойти раньше, в Толмачево, верно?

– Ты спятила! – удивилась Зина. – Нам же нужно в Лугу.

– Знаю. Мы выйдем раньше, а потом сядем на другой поезд и доберемся до Луги.

– Ни за что!

– Ну пожалуйста, Зина, мне очень нужно в Толмачево. Я должна найти брата.

Зина широко открытыми глазами уставилась на Татьяну.

– Таня! Когда ты сказала, что немцы заняли Минск, разве я просила тебя поехать со мной искать сестру? – процедила она, поджав губы; маленькие темные глазки негодуяще посверкивали.

– Нет, но я не считаю, что немцы заняли Толмачево. Надежда еще есть.

– Никуда я не пойду, – наотрез отказалась Зина. – Поеду со всеми в Лугу, помогать нашим солдатам. Не хочу, чтобы меня расстреляли как дезертира.

– Зина! Как ты можешь быть дезертиром?! Ты ведь доброволец! Пожалуйста, поедем со мной!

– Ни за что на свете! – буркнула Зина, отворачиваясь.

– Как хочешь. Но я выйду.

4

Старшина просунул голову в дверь и крикнул Александру, что его хочет видеть полковник Степанов.

Полковник что-то писал в толстой тетради и выглядел еще более измученным, чем три дня назад.

Александр терпеливо ждал. Полковник поднял голову, и под глазами у него были черные мешки, лицо, с обтянутыми кожей скулами, осунулось. Должно быть, нелегко ему живется.

– Старший лейтенант, прости, что так долго, но, боюсь, у меня не слишком хорошие новости.

– Ясно.

Полковник опустил глаза:

– Положение в Новгороде было отчаянным. Когда оказалось, что немцы окружают близлежащие деревни, наши собрали подростков из лагерей около Луги и Толмачева и поставили их рыть окопы. Мне ничего не известно лично о Павле Метанове, но... – Полковник откашлялся. – Сам знаешь, наступление немцев было молниеносным. Такого мы не ожидали.

Александр показалось, что он слышит голос диктора по радио. Те же интонации. Тот же фальшивый оптимизм.

– И что же?

– Немцы прошли мимо Новгорода.

– А что случилось с мальчишками?

– Это все, что мне удалось узнать. Остальное неясно. Кстати, кем вам приходится этот мальчик?

– Сын моих хороших знакомых.

– Что-то личное?

Александр смущенно моргнул:

– Да, товарищ полковник.

Полковник помолчал, играя ручкой и отводя глаза.

– Видишь ли, Белов, – выдавил он наконец, – мне правда нечего тебе сказать. Немцы проутюжили Новгород танками. Помнишь полковника Янова? Он погиб. Немцы расстреливали без разбора как штатских, так и военных, грабили дома, а потом подожгли город.

Не отходя от стола, не сводя взгляда с полковника Степанова, Александр спокойно осведомился:

– Я верно понял: Красная армия послала подростков в бой?

Степанов медленно поднялся:

– Кажется, вы указываете нам, что делать и как вести войну, товарищ старший лейтенант?

– Не хотел никого обижать, – отчеканил Александр, щелкнув каблуками и отдавая честь, но по-прежнему не двигаясь с места. – Но использовать необученных мальчишек как пушечное мясо для нацистов – это безумие, тем более ставить их под команду опытных, знающих свое дело офицеров.

Полковник даже не поднялся. Оба офицера молчали: один – молодой, горячий и другой – постаревший уже в сорок четыре года.

– Скажите семье, что их сын умер за Родину, – произнес полковник. – За Родину и великого вождя товарища Сталина.

Этим же утром, почти сразу после разговора с полковником, Александра вызвали к проходной. Он с тяжелым сердцем спустился вниз, опасаясь, что это Татьяна. Видеть ее сейчас было бы невыносимо. Вечером он придет к заводу.

Но это оказалась Даша, бледная и измученная.

– Что случилось? – спросил он, отводя ее в сторону, надеясь, что она не станет спрашивать о Толмачеве и Паше.

Но она сунула ему в руку клочок бумаги и пробормотала:

– Взгляни, только взгляни, что наделала моя сумасшедшая сестричка!

Александр развернул записку. Странно... он впервые видит почерк Татьяны: аккуратный, мелкий и округлый.

«Дорогие мама и папа! Я решила вступить в ополчение, чтобы найти Пашу и привезти его к вам. Таня».

Александру понадобилось нечеловеческое усилие, чтобы не выдать себя. Стараясь не показать охватившего его отчаяния, он отдал записку Даше и спросил:

– Когда она уехала?
– Вчера утром. Когда мы встали, ее уже не было.
– Даша, почему ты не пришла сразу? Она пропала со *вчерашнего дня*?
– Мы думали, что она дурачится. Одумается и вернется.
– Вернее, надеялись, – осторожно осведомился Александр, – что она вернется с Пашей?
– Мы не знаем! У нее вечно в голове какие-то безумные идеи! Честно говоря, я понятия не имею, о чем она думает! Какой там фронт, она в магазин сходить толком не может! Мама и папа в полном отчаянии. Они и без того волновались за Пашу, а теперь еще и это!

– Так они волнуются или сердятся? – допрашивал Александр.

– Да они на стенку лезут! И смертельно боятся за нее. Она... – Даша осеклась. В глазах стояли слезы. – Дорогой, – пролепетала она, подвигаясь ближе и пытаясь его обнять; но лицо Александра оставалось отчужденно-замкнутым. – Александр, я не знаю, к кому обратиться. Помогите нам, пожалуйста. Помогите найти мою сестру. Мы не можем потерять мою Таню...

– Знаю, – оборвал он.

– Пожалуйста! – молила Даша. – Сделаешь это ради... ради меня?

Александр похлопал ее по спине и отступил.

– Посмотрим, что можно сделать.

Александр, в обход своего непосредственного начальства, майора Орлова, направился прямо к полковнику Степанову и получил разрешение взять двадцать добровольцев и двух сержантов и повести грузовик с боеприпасами на юг, к линии обороны Луги. Александр знал, что линия нуждается в укреплении, но сказал Степанову, что вернется через несколько дней.

Перед тем как отпустить Александра, Степанов тихо произнес:

– Возвращайся, старший лейтенант, и приводи с собой людей. Всех. Живыми. – И, помедлив, добавил: – Как всегда.

– Сделаю все, что смогу, товарищ полковник, – сказал Александр.

Он знал, что не многие ополченцы возвращались обратно.

Перед отъездом Александр зашел к Дмитрию и предложил ему поехать вместе. Дмитрий отказался.

– Дима, ты должен поехать, – настаивал он.

– Поеду тогда, когда меня пошлют, – сказал Дмитрий, – но добровольно в пасть акулы не лезу. Ты что, не слышал, как все было в Новгороде?

Александр сам сел за руль. В кузове поместились люди, тридцать пять винтовок Нагана, тридцать пять новеньких винтовок Токарева, два ящика ручных гранат, три – полевых мин, семь – патронов, артиллерийские снаряды и бочонок пороха для минометов. Александр подумал: как хорошо, что грузовик бронированный. Жаль, что у него нет одного из танков, собранных Татьяной.

Им предстояло проехать Гатчину, Толмачево и Лугу. Но, уже приближаясь к Гатчине, Александр услышал отдаленный грохот пушек и взрывы бомб. Он повел грузовик по немощенной дороге, и в этот отчаянный момент перед ним всплыло лицо отца, словно вопрошая, что делает сын на пороге смерти задолго до того, как настало его время.

– Отец, я делаю это ради нее, – пробормотал он, и сержант Олег Кашников, молодой здоровяк, удивленно спросил:

– Вы что-то сказали, товарищ старший лейтенант?

– Ничего. Бывает. Иногда я разговариваю с отцом.

– На английском? – не отставал Кашников. – Я в школе его учил.

– Ты ослышался, – бросил Александр.

С каждым километром артиллерийская канонада становилась все отчетливее. На горизонте поднимался дым. Это был гром гнева и смерти.

Вечером четвертого июля устроили барбекю, а потом семья отправилась покататься на яхте в Нантакетском проливе и любовалась фейерверками. Семилетний Александр поднял голову к небу, завороженный радугой огней. Он в жизни не видел ничего более живописного, чем эти переливы, оживлявшие темное небо.

Прямо впереди виднелся спуск к реке Луге. Слева раскинулись поля, а справа высился лес. Александр увидел ребяташек лет десяти, собиравших колоски. По периметру полей солдаты, мужчины постарше и женщины рыли окопы. Если удастся собрать урожай, поля заминируют. Если нет – все равно заминируют.

Схватив винтовку, Александр велел своим людям оставаться на местах, пока он не найдет полковника Пядышева, ответственного за линию обороны на двенадцатикилометровом участке вдоль реки. Пядышев, довольный прибытием боеприпасов, немедленно велел солдатам разгрузить грузовик и собрался делить оружие.

– Только семьдесят винтовок, старший лейтенант? – разочарованно протянул он.

– Все, что было. Обещали подвезти еще.

Потом Александр отвел своих подопечных ближе к берегу, где они получили лопаты и принялись рыть, а сам взял бинокль и обшарил взглядом лес на противоположном берегу. Похоже, немцы намеревались наступать, хотя еще не готовы к атаке.

Мужчины наскоро поели тушенки, запивая ее водой из реки. Александр оставил вместо себя сержантов Кашникова и Шаркова, а сам отправился на поиски добровольцев, прибывших два дня назад с Кировского завода.

В тот день он никого не нашел. Зато на следующий отыскал Зину, усердно копавшую картошку и бросавшую ее в корзину вместе с комьями грязи. Он посоветовал ей сначала стряхивать грязь, тогда для клубней останется больше места. Зина злобно глянула на него, явно собираясь наругать, но, заметив знаки отличия и винтовку, мигом прикусила язык. Александр понял, что она не узнала его. Что ж, не у всех такая хорошая память на лица.

– Я ищу твою подругу, – пояснил он. – Она здесь? Татьяна Метанова!

Зина съежилась от страха:

– Я ее не видела. Она где-то там.

Чего она боится?

Александр облегченно вздохнул. Значит, Татьяна здесь!

– Где именно?

– Не знаю. Мы расстались после того, как она сошла с поезда.

– Где расстались?

– Понятия не имею, – пробормотала девушка, кидая клубни мимо корзины. Потом принялась рыть землю, не выбирая клубней.

Александр дважды ударил по земле прикладом винтовки:

– Прекрати немедленно! Смирно, товарищ Агапова!

Зина поспешно выпрямилась.

– Ты меня помнишь?

Она покачала головой.

– Не удивилась, откуда я знаю твою фамилию?

– Вы все знаете, – промямлила Зина. – Это ваша работа.

– Я Александр Белов. Приходил к заводу, чтобы встретить Татьяну. Она нас познакомила.

Теперь вспоминаешь?

На настороженном чумазом личике отразилось облегчение.

– Родные Татьяны волнуются за нее. Знаешь, где она?

– Вот что, – решительно начала Зина, – она хотела, чтобы я сошла вместе с ней. Но я отказалась. Только дезертиры убегают с фронта!

– Сошла с ней? Где? И какой из тебя дезертир... Ты же доброволец! – удивился Александр.

Но Зина, казалось, не поняла, что он имеет в виду.

– Во всяком случае, я давно ее не видела. Она не поехала с нами в Лугу. Спрыгнула с поезда у Толмачева.

Александр побледнел:

– То есть как спрыгнула?

– Вот так, когда поезд замедлил ход на полустанке. Я сама видела, как она катится по склону.

Александр нахмурился:

– Почему ты позволила ей спрыгнуть?

– Позволила? – Зина усмехнулась. – Кто ей что позволял! Говорила ей: сиди смирно! А она еще и меня уговаривала. Но с чего это вдруг я пойду за ней? Мне ее брат не нужен. Я хотела помочь нашим солдатам. Нашей Родине.

– Значит, ради Родины ты бы спрыгнула с поезда? – бросил Александр, отворачиваясь.

Зина, не отвечая, продолжала орудовать лопатой.

– Я ниоткуда не прыгала. И не дезертир, как некоторые, – словно заведенная твердила она.

Александр, захватив с собой Кашникова и пятерых добровольцев, сел за руль и погнал к Толмачеву. Поселок почти опустел. Пришлось долго колесить по улицам, пока они не встретили женщину с ребенком на руках и рюкзаком за плечами. Она объяснила, что лагерь находится в трех километрах к западу.

– Но там никого нет, – добавила она. – Все ушли.

Они все равно туда добрались, однако женщина оказалась права. Дома стояли пустыми. Многие были разрушены во время воздушного налета. Все же Александр заглянул в каждый, даже в сгоревший. Остальные были рады хоть немного отвлечься от рытья окопов и поэтому охотно помогали в поисках.

– Таня! Таня!

Голоса эхом разносились по округе. Ни души. На земле валялись рюкзаки, зубные щетки, одеяла...

Кто-то увидел табличку со стрелкой: «ДЕТСКИЙ ЛАГЕРЬ ДОГОТИНО». Мужчины прошагали два километра по лесной тропе и вышли на небольшой луг, где у пруда стояли десять брошенных палаток. Александр проверил каждую и обнаружил, что первоначально палаток было одиннадцать. Одну сложили и палки вытащили. В земле все еще сохранились ямки. Александр подумал, что это неплохая мысль, и велел своим людям сложить остальные. Они были сделаны из толстой парусины и достаточно велики. Он пощупал золу в кострище. Совсем холодная, – очевидно, огня давно не зажигали. Ни обедков, ни мусора, оставленных мальчиками или Таней.

К вечеру они вернулись в Лугу, натянули палатки, и Александр, укрывшись шинелью, лег на землю. Но долго не мог заснуть.

Там, в Америке, бойскаутов тоже учили ставить палатки, ночевать в лесу, питаться ягодами и рыбой, выловленной в озере, и раскладывать костры по ночам. Они открывали банки с ветчиной и суфле, пели песни, засиживались допоздна, а днем учились вязать узлы и выживать в лесу. Идиллическое существование. Александру тогда было восемь... девять... десять... Летние месяцы, проведенные в скаутском лагере, были лучшим временем его жизни.

Если Татьяна не сломала себе шею, прыгая с поезда, значит нашла пустой лагерь. И если у нее осталось хоть немного мозгов, забрала одиннадцатую палатку. Но что потом? Вернулась в Ленинград?

Сомнительно. Она поставила себе целью найти Пашу и, значит, не отступится от задуманного. Куда она могла направиться после Толмачева?

В Лугу. Больше некуда. Она пойдет в Лугу, поскольку именно сюда, по ее расчетам, должен был пробираться Паша, чтобы укреплять линию обороны.

Воспрянув духом, Александр закрыл глаза и постарался заснуть.

На рассвете его разбудил отдаленный рев – самолеты. Хорошо, если наши!

Он ошибся. Даже снизу были видны черные свастики на крыльях. Шестнадцать самолетов, разделившись на два звена, спикировали, и на землю что-то посыпалось. Послышались панические вопли, но взрывов не последовало. Сотни листочков белой и коричневой бумаги планировали крохотными парашютиками. Один приземлился прямо перед палаткой. Александр поднял его и стал читать:

Советские люди! Конец близок! Сдавайтесь! Обещаем пощадить каждого, у кого окажется эта листовка! Коммунизм будет разгромлен. Вы получите еду, работу и свободу!

Другой листочек оказался пропуском через линию фронта. Покачав головой, Александр швырнул их на землю и пошел умываться к ручью, который бежал среди леса.

В девять утра появились другие самолеты с фашистскими опознавательными знаками. Они летели очень низко. Заработали пулеметы. Люди, трудившиеся на полях, падали как подкошенные. Уцелевшие бежали к деревьям. Одна из палаток загорелась. Но ни одной бомбы не упало на землю. Значит, нацисты экономят свои драгоценные бомбы.

Александр натянул каску и прыгнул в окоп.

Вскоре оказалось, что нацисты не так уж и экономят. Во всяком случае, осколочные бомбы посыпались как из дырявого ведра. Снова раздались приглушенные крики. В окопе не было ни одного знакомого лица. Бомбежка продолжалась еще с полчаса, после чего самолеты улетели, сбросив новые листовки, где были только три слова: «Сдавайся, или умрешь».

Сдавайся, или умрешь.

Черный дым, пожарища, стоны раненых... Все это казалось Александру сценой Апокалипсиса. В реке плавали трупы. На берегу вдоль окопов, рядом с бетонными дотами, корчились раненые. Александр нашел Кашникова, живого, но лишившегося мочки уха. На гимнастерку лилась кровь. На Шаркове не было ни царапины. Все утро Александр помогал переносить раненых в палатки. Остаток дня рыли не окопы, а могилы. Он и еще шестнадцать человек выкопали братскую могилу у самого леса, куда сложили тела двадцати трех погибших. Одиннадцать женщин, девять мужчин, старик и двое детей лет восьми. Ни одного солдата.

Александр с замирающим сердцем осмотрел женщин. Потом пошел к раненым. Татьяны среди них не было. Он даже поискал Пашу, сверяясь с фотографией, на которой тринадцатилетний мальчик в одних трусах стоит рядом с сестрой, дергая ее за светлую косичку.

Пашу он высматривал машинально, хотя знал, что его не должно быть в Луге.

Зина куда-то подевалась.

Пришлось отправиться к полковнику Пядышеву. Александр отдал честь и, стоя навывтяжку, спросил:

– Трудно работать в таких условиях, товарищ полковник?

Пядышев, лысеющий мрачный человек, хмуро отмахнулся:

– Условия как условия. Военные.

– Условия плохой подготовки перед лицом безжалостного врага. Но завтра мы возобновим работы.

– Старший лейтенант, вы возобновите их сейчас, пока еще есть свет. По-вашему, завтра фрицы устроят себе праздник и не будут нас бомбить?

Александр был уверен в обратном.

– Лейтенант Белов, – продолжал полковник, – вы только что приехали, но достойно трудились...

– Я приехал три дня назад, – заметил Александр.

– Ах да, верно. Но немцы бомбят линию последние десять дней. Бомбежки были и вчера, и позавчера, не пойму, где вы в это время находились. Каждый день как по часам: с девяти до одиннадцати. Сначала листовки. Потом бомбы. Всю вторую половину дня мы роем могилы и окопы. Основные силы немцев проходят пятнадцать километров в день. Они смяли нас в Минске, Брест-Литовске и добивают в Новгороде. Луга – следующая. Вы правы, шансов у нас нет. Но не стоит об этом говорить. Я могу лишь сказать, что мы делаем все возможное, а потом умрем с честью. Вот и все.

Пядышев дрожащими руками зажег папиросу и оперся на маленький столик. Александр уважительно кивнул:

– Да, товарищ полковник. Именно все возможное.

Пока еще было светло, Александр вместе со своими тремя людьми прошел по передней линии. Следуя мимо солдат, в ожидании сражения куривших и игравших в карты, он был поражен тем, сколько среди них офицеров. Похоже, каждый десятый! Странно. Очень много младших лейтенантов и старших, но были и капитаны, и майоры. И все готовы защищать Родину от врага. Линия фронта. Кто же будет командовать, если даже майоры стоят плечом к плечу с рядовыми!

Александр не хотелось даже думать об этом.

Он старательно прочесывал поля вдоль и поперек, заглядывая в лица работающих, но так и не нашел Татьяну. Пришлось снова идти к Пядышеву.

– Только один вопрос, товарищ полковник. Здесь находятся добровольцы с Кировского завода. Есть ли еще какое-то место, помимо этого, куда их могли направить? Например, дальше на восток?

– Я командую этим участком в двенадцать километров, а об остальных не знаю. Тут последняя линия обороны между Лугой и Ленинградом. Больше ни одной не осталось. Можно только отступить или сдаться.

– Только не сдаться. Лучше смерть.

Полковник удивленно моргнул:

– Возвращайтесь в Ленинград, старший лейтенант Белов, возвращайтесь, пока еще можно. И заберите с собой добровольцев, которых привезли. Спасите хотя бы их.

Наутро, отправившись к Пядышеву, Александр увидел, что палатка полковника снята, палки вынуты, а ямки засыпаны. За ночь прибыли подкрепления, и фронт был разбит на три участка, каждый со своим командиром, поскольку стало ясно, что крайне сложно организовать оборону всего с одним командным пунктом. Новая палатка была поставлена в пятидесяти метрах от старого места. Незнакомый командир не только не знал, где Пядышев, но и понятия не имел, *кто* такой Пядышев. Настало двадцать третье июля сорок первого года.

Александр не успел подивиться быстрой работе НКВД, потому что в девять снова началась бомбежка, и в этот раз она продолжалась до полудня. Немцы пытались разбить передовую линию обороны, прежде чем начнется наземное наступление. Ждать было недолго. И если он не найдет Татьяну, значит останется тут и будет сражаться до последнего.

С тяжелым сердцем Александр прошелся по берегу. Его людей поставили на рытье окопов. Тем, кто умел стрелять, выдали винтовки и предупредили, что за утерю оружия полагается расстрел. Но Александр сам видел, как трое из его людей сразу же после начала бомбежки

побросали винтовки и бросились к лесу. Когда налет закончился, они вернулись, смущенно улыбаясь. Александр только головой покачал.

Прошел еще один день. Солдаты занимали позиции на берегу, устанавливали пушки, минировали картофельные поля, грузили выкопанные овощи и отвозили в Ленинград. Александр что-то делал, говорил, ходил, но все это время грудь сжимало словно клещами. Паша погиб – это очевидно. Но где Татьяна?

5

Татьяна спрыгнула с поезда и покатила по откосу, ничуть, однако, не испугавшись. Все это ерунда по сравнению с тем, что они проделывали в Луге, когда с разбегу прыгали с крутого берега в воду. Откос, по крайней мере, порос травой, причем довольно мягкой. Но плечо все же немного ныло.

Когда она наконец добралась до лагеря, оказалось, что там никого нет. Целый день Татьяна провела в одной из палаток, не зная, что делать дальше. Купалась в пруду, ела чернику. Привезенные с собой сухари хранила на крайний случай.

В детстве они с братом наперегонки переплывали Лугу. Паша был немного больше и сильнее Татьяны, но не обладал ее выносливостью. Первые два раза он выигрывал. В третий – проиграл. Татьяна улыбнулась, вспоминая, как негодующе он вопил и как она визжала от восторга.

Она не собиралась сдаваться. Скорее всего, Паша и его сверстники отправились в Лугу рыть окопы. Придется идти туда, поискать его, а заодно и Зину и убедить ее вернуться в Ленинград. Достаточно и того, что Паша на ее совести. Не хватало еще мучиться из-за Зины.

Но наутро немцы стали бомбить деревню, рядом с которой был разбит лагерь. Кроме Татьяны, в этой деревне никого больше не было. Она спряталась в одном из домов, однако маленькая зажигательная бомба пробила крышу, и деревянная стена загорелась. Татьяна вовремя успела увидеть керосиновую лампу и выбежать на улицу. Через секунду раздался взрыв, от которого загорелись три соседних дома и конюшня. Татьяна потеряла все: палатку, рюкзак, сухари и спальный мешок.

Бросившись на землю, она отползла к кустам и забралась под упавший дуб. Немцы бомбили деревню и Толмачево еще целый час. Она видела, как горят кусты, через которые она только что ползла. Пылающие ветви деревьев падали на землю рядом с ней.

Татьяна решила, что пришел конец. Она умрет, одна под этим дубом, где ее никогда не найдут. Кто из родных захочет ее искать? Она останется здесь навсегда, а на 5-й Советской откроют очередную бутылку водки, выпьют за нее и закусят соленым огурчиком.

* * *

После того как бомбежка закончилась, она просидела под дубом еще около часа. На всякий случай. Лицо и руки распухли от ожогов крапивы. Ничего, все лучше, чем бомбы. И хорошо, что она догадалась держать паспорт со штампом Красенко в нагрудном кармане рубашки. Без него она далеко не уйдет: ее задержат в первом же сельсовете или на проверочном пункте.

Татьяна вернулась в Толмачево, постучала в первый попавшийся дом и попросила что-нибудь поесть. Ей разрешили переночевать, а утром она увидела около горсовета военный грузовик, показала паспорт и попросила подвезти до Луги. Ее высадили на восточном конце линии обороны, ближайшем к Новгороду.

В первый день она выкапывала картофель. Не найдя никого из мальчишек в лагерной форме, она спросила у сержанта, куда их послали. Тот буркнул что-то насчет Новгорода.

– Их всех отправили туда, – добавил он, уходя.

Новгород? Озеро Ильмень? Так Паша там? Значит, и она туда отправится. Она умылась в ручье и улеглась под деревом.

Утром начался налет.

Осколочные бомбы взрывались перед ее глазами, и казалось, каждая была предназначена для нее. Татьяна поняла, что нужно любой ценой выбираться из Луги. Гадая, каким образом доехать до Новгорода, она шла, едва разбирая дорогу в клубах дыма. Неожиданно ее окружили трое солдат, спросили, не ранена ли она, и приказали следовать за ними в полевой госпиталь. Она неохотно подчинилась и едва не взбунтовалась, узнав, чего от нее хотели: ухаживать за умирающими. А их было так много! Солдаты, женщины, деревенские дети, старики. Все лежали в наспех установленной палатке. Для большинства из них это были последние минуты жизни.

Татьяна никогда не видела смерть так близко, и теперь ей хотелось одного – вернуться домой. Но назад дороги не было. Госпиталь охраняли солдаты НКВД, готовые поддерживать порядок и сделать все, чтобы добровольцы вроде Татьяны выполняли приказ.

Собрав волю в кулак и стиснув зубы, Татьяна училась делать перевязки и останавливать кровотечение. Но это не всегда помогало. Раненые все равно умирали. А вот что она не могла делать, так это переливание крови, потому что крови не было. Заражение крови из-за инфицированных ран она тоже не могла предотвратить: не было лекарств. Даже унять боль она не могла – доктора отказывались давать морфий умирающим: приходилось экономить, чтобы хватило для легко раненных, тех, кто еще мог вернуться на фронт.

Татьяна понимала, что, будь у них сульфидин или кровь, многих можно было бы спасти; в худшем случае они умерли бы без мук, под действием наркотика.

Ошеломляющая беспомощность, которая овладела Татьяной в эту первую ночь в полевом госпитале, почти затмила ту, что она испытала, не найдя брата.

Наутро один из солдат со смертельной раной в груди спросил, девочка она или мальчик.

– Девочка, – грустно обронила Татьяна.

– Докажи, – сказал он, но прежде, чем она успела что-либо ответить, солдат умер.

Из громкоговорителя около офицерской палатки доносились голоса с сильным немецким акцентом, призывающие русских переходить на сторону немцев и ехать в Германию. Снова разбрасывали пропуски через линию фронта и тут же пытались убить оставшихся бомбами и пулеметным огнем. Потом все затихало до вечера, когда бомбежка возобновлялась. Между налетами Татьяна ухаживала за умирающими.

Днем она отправилась в поля накопать картошки и услышала рев моторов. Прежде чем броситься в низкие кусты, она едва успела подумать: еще не вечер! Пришлось лежать там четверть часа. Когда самолеты улетели, Татьяна вернулась в палатку, но вместо нее нашла лишь догорающий костер, в котором валялись обугленные стонущие тела.

Те, кто выжил, схватили всю посуду, которая только отыскалась, и выстроились цепочкой к реке, пытаясь потушить пожар. На это ушло три часа, до очередного налета. Потом настала ночь. Палатки для раненых больше не существовало. Они лежали на траве или на одеялах, испуская последние вздохи. Татьяна никому уже не могла помочь. Надев каску, которой носила воду из реки, она села рядом с женщиной, потерявшей ребенка при налете и тяжело раненной в живот. Но думала она не о себе, а о своей погибшей девочке. Татьяна как могла старалась утешить ее, однако женщина продолжала плакать. Дождавшись, пока та немного успокоится, Татьяна поднялась, пошла к деревьям и легла на траву.

«Я следующая, – думала она. – Я это чувствую. Я следующая».

Как же она будет добираться до Новгорода? Ведь это сто километров к востоку отсюда!

Она умылась в реке и заснула. А утром, посмотрев на другой берег, увидела немецкие танки. Какой-то сержант, ночевавший рядом, собрал нескольких добровольцев, включая Татьяну, и приказал немедленно уходить в Лугу.

Татьяна отвела его в сторону и тихо спросила, как можно доехать до Новгорода. Тот оттолкнул ее прикладом винтовки и завопил:

– Ты спятила? Новгород в руках у немцев!

Выражение лица девушки немного его отрезвило.

– Товарищ... как вас зовут? – спросил он уже спокойнее.

– Татьяна Метанова.

– Товарищ Метанова, послушайте меня, вы слишком молоды, чтобы здесь находиться.

Сколько вам, пятнадцать?

– Семнадцать.

– Пожалуйста, немедленно поезжайте в Лугу. Думаю, военные эшелоны все еще ходят из Луги в Ленинград. Вы ведь ленинградка?

– Да.

Она не заплачет, ни за что не заплачет перед чужим человеком!

– Новгород в руках у немцев? – пролепетала она. – А как же наши добровольцы?

– Хватит! – снова заорал сержант. – Ты что, глухая? В Новгороде и живых-то почти не осталось. И Луга тоже скоро опустеет. Немцы никого не щадят. Так что пожалей себя сама и вали отсюда! Покажи паспорт.

Она достала паспорт. Старшина пролистал его:

– Тебя отпустили с Кировского. Поезжай домой.

Но как она вернется домой без Паши?

Этого сказать сержанту она не могла.

В Татьяниной группе было девять человек. Она была самой маленькой и молодой. Остаток дня они брели по полям, все двенадцать километров до Луги. Татьяна сказала, что они как раз успевают к вечернему налету. Усталые спутники не обратили на нее внимания. Она на миг почувствовала себя так, словно вернулась в семью.

В половине седьмого они уже были на станции в Луге и ждали поезда. Поезд не пришел, но в семь часов Татьяна услышала знакомое жужжание моторов. Люди спрятались в здании вокзала, казавшемся изнутри таким безопасным: толстые стены были сложены из кирпича и выглядели так, будто могут выдержать любую бомбежку. Одна из женщин запаниковала и выскочила наружу, где ее немедленно убило осколком. Остальные в ужасе наблюдали за происходящим, и вскоре стало ясно, что немцы вознамерились уничтожить не только вокзал, но и железную дорогу. Самолеты не улетели, пока не сровняли все с землей. Татьяна сидела на полу, прижав колени к груди и натянув каску на глаза в надежде, что она приглушит звук смерти...

Здание вокзала сложилось, как карточный домик. Татьяна выползла из-под балок, но деваться ей было некуда. Сквозь дым она видела трупы вокруг себя. Прямо за дверью раздалась пулеметная очередь, но когда потолок окончательно обрушился, все звуки отдалились и смолкли, и страха больше не осталось. Осталось только сожаление. Сожаление об Александре.

6

Александр уже терял надежду. На другом берегу реки, естественной линии фронта, он видел скопление танков и живой силы. Эти беспощадные, превосходно обученные солдаты не остановятся ни перед чем и уж тем более перед вооруженными лопатами женщинами и стариками.

На сколько хватало глаз, советских танков было только два. А на другом берегу собралось не менее тридцати «тигров». У Александра оставалось всего двенадцать человек, и теперь между ними и Ленинградом лежали минные поля. Трое погибли, когда взорвалась мина, которую они устанавливали. Они никогда не имели дела с минами, они умели только стрелять, но все винтовки были отобраны для солдат. Оружие осталось лишь у Александра и двух его сержантов.

Поздно вечером Александра позвал в свой командный пункт новый командир. Александру он не понравился так же сильно, как нравился Пядышев.

– Старший лейтенант, сколько человек под вашим началом?

– Всего двенадцать, товарищ полковник.

– Много.

– Много для чего?

– Немцы только что разбомбили вокзал в Луге. Теперь эшелоны с боеприпасами и подкреплением сюда не пройдут. Нам нужно, чтобы вы и ваши люди расчистили пути, тогда саперы смогут проложить новые шпалы и возобновить движение к завтрашнему утру.

– Но уже стемнело.

– Знаю, но помочь ничем не могу. Белые ночи позади, а работу нужно сделать немедленно.

И когда Александр был уже у выхода, полковник, словно спохватившись, добавил:

– Кстати, я слышал, что в здании вокзала прятались добровольцы. Посмотрите, может, надо похоронить трупы.

У вокзала пришлось использовать все имеющиеся в наличии керосиновые лампы, чтобы осветить пути. На земле валялись осколки кирпича, поломанные балки, куски штукатурки – все, что осталось от здания. Рельсы были уничтожены на пятидесятиметровом отрезке.

– Эй, есть кто живой? – окликнул Александр. – Отзовитесь!

Никто не ответил.

Подойдя ближе к развалинам, он повторил:

– Кто здесь?

Ему показалось, что он слышит стон.

– Все погибли, товарищ старший лейтенант, – сказал Кашников. – Взгляните только, камня целого нет.

– Да, но послушай... Кто здесь?

Он стал отбрасывать обломки.

– Помоги же!

– Сначала нужно бы заняться рельсами, – настаивал Кашников. – Разобрать завалы, чтобы саперы могли подвести электричество.

Александр пригвоздил его холодным взглядом:

– Прежде всего люди, сержант.

– Но у нас приказ полковника... – пробормотал Кашников.

– Нет, сержант, здесь приказываю я. Шевелись!

Александр принялся разгрести груды кирпича, обломки рам и осколки стекла. Света почти не было, видимость – никакая. Руки и одежда были покрыты пылью. Он порезался о стекло, но даже не чувствовал боли и понял, что ранен, только когда увидел капавшую с руки кровь. Из-под обломков по-прежнему доносились стоны.

– Неужели ты ничего не слышишь? – спросил он сержанта.

Тот с тревогой смотрел на командира:

– Ничего.

– Кашников, у тебя что, обе руки левые? Говорю же, действуй!

Наконец под кирпичом и сгоревшими балками они нашли труп. Потом два. Потом три. Потом груды тел, наваленных друг на друга. Александр подумал, что это странно. Их не могло так швырнуть друг на друга. Они не могли лечь друг на друга. Значит, кто-то уложил их в этой позе. Он напряг слух. Снова этот стон. Он сбросил на землю мертвого мужчину, потом мертвую женщину, лихорадочно освещая застывшие лица. Стон.

И в самом низу, под третьим телом, он нашел Татьяну. Она лежала на животе. На голове была армейская каска. Он узнал ее не по одежде и не по волосам. Еще до того, как снял каску, он понял, что это она, по маленькой трогательной фигурке, на которую не мог насмотреться весь прошлый месяц.

– Тата... – выдохнул Александр, откинув волосы с ее лица.

Казалось, тонкая нить ее жизни вот-вот оборвется, в тусклом свете лампы она казалась едва живой, но это ее стоны он слышал каждые несколько секунд.

Одежда, обувь и волосы были в грязи и крови.

– Танечка, очнись, – просил он, растирая ее щеки и вставая перед ней на колени. – Очнись, милая.

Ее лицо было теплым. Хороший знак.

– Это та самая Таня? – удивился Кашников.

Александр не ответил. Он думал, как бы лучше ее поднять. Под всей этой кровью не было видно, ранена она или нет.

– По-моему, она умирает, – высказался Кашников.

– Ты что, гребаный доктор? – рявкнул Александр. – Она не умирает. А теперь заткнись, бери людей и принимайтесь за работу. Им нужна твоя помощь. Назначаю тебя главным. Потом быстро возвращайтесь в Ленинград. Слышишь? Сможешь все сделать сам? Мы отдали им наше оружие и восемь человек, и мы нашли ее. Больше нам в Луге делать нечего. Так что поторопись.

Он осторожно перевернул Татьяну и поднял. Она тяжело обвисла у него на руках и снова застонала.

– А как насчет раненых, лейтенант?

– Ты слышишь хоть что-нибудь? Да что там, ты даже ее стонов не слышал! С чего это вдруг такое сочувствие? Остальные мертвы. Проверь сам, если хочешь. Я отнесу ее к врачу.

– Пойти с вами? Ей понадобятся носилки.

– Не понадобятся. Я сам ее отнесу.

К тому времени, как Александр вернулся в лагерь с Татьяной на руках, было уже одиннадцать часов. Доктора он не нашел, зато фельдшер Марк спал в палатке.

– Доктор мертв, – сообщил он. – Осколочная бомба.

– А другой есть?

– Кроме меня, никого.

– Сойдет.

Взглянув на обмякшее тело, Марк небрежно бросил, ложась на топчан:

– Она истечет кровью. Оставьте ее снаружи.

– Не истечет. По-моему, это вообще не ее кровь.

Фельдшеру, очевидно, не терпелось снова лечь спать. Но Александр не собирался отступать.

– Трудно сказать, света-то нет, – заметил Марк. – Если доживет до утра, я ее осмотрю.

Александр не тронулся с места.

– Не утром, а сейчас! – резко бросил он.

Марк сел и вздохнул:

– Сейчас уже очень поздно.

– Поздно для чего? У тебя есть лишняя койка или хотя бы простыня?

– Койка? Здесь что, курорт? Сейчас принесу простыню.

Марк расстелил простыню на траве. Александр встал на колени и осторожно опустил Татьяну. Фельдшер осмотрел ее голову, ощупал череп, лицо, заглянул в рот, проверил шею, поднял руки. Когда он дотронулся до ноги, Татьяна вскрикнула.

– Ага! – воскликнул Марк. – Нож имеется?

Александр протянул ему нож.

На Татьяне были длинные брюки. Марк распорол штанины. Александр заметил, что правая щиколотка и голень распухли и почернели.

– Сломана большая берцовая кость, – объяснил фельдшер. – И она вся в крови. Перелом сложный, осколочный. Посмотрим, что дальше.

Расстегнув ее рубашку, он разрезал когда-то белый лифчик и ощупал грудь, ребра и живот. На хрупком теле чернели пятна крови.

Александр пытался отвести глаза.

Марк вздохнул:

– Не могу сказать, ее ли это кровь или чужая. Ран вроде не видно.

Он снова коснулся ее живота:

– Вы правы, живот мягкий, кожа теплая.

Александр отступил, испытывая смешанные чувства тревоги и облегчения.

– Видите? Три сломанных ребра справа. Где вы ее нашли?

– Под развалинами вокзала, вернее, под грудями кирпича и мертвых тел.

– Что ж, это все объясняет. Ей крупно повезло. Словно заколдованная: отделаться так легко! – Марк встал. – У меня нет мест в госпитальной палатке. Оставьте ее здесь. Утром кто-нибудь за ней поухаживает.

– Я не оставлю ее на земле до утра.

– О чем вы волнуетесь? Состояние у нее куда легче, чем у многих раненых. – Марк покачал головой. – Видели бы вы их!

– Я офицер Красной армии, старшина, и видел немало раненых. Может, все-таки найдется топчан или хотя бы тюфяк?

Марк пожал плечами:

– Ее жизнь вне опасности. Ни серьезных ранений, ни контузии. Не могу же я выпихнуть кого-то с раной в животе, чтобы освободить для нее место!

– Конечно нет, – хмыкнул Александр.

– Не знаю, что с ней и делать. Ей нужна настоящая больница. Нужно соединить обломки костей и наложить гипс. Здесь этого сделать нельзя.

Александр нахмурился. Что делать? Дорогу разбомбили, грузовик забрали для нужд армии.

– Завтра что-нибудь придумаем. А сегодня добудьте полотенце и наложите повязки.

Александр наклонился, накрыл Татьяну краем простыни и поднял на руки.

– Да, и еще одну простыню.

Марк неохотно полез в медицинский саквояж.

– Как насчет морфия?

– Нет, старший лейтенант, – рассмеялся фельдшер. – Придется ей потерпеть. Морфий только для тяжело раненных.

Он пожертвовал бинты и три полотенца, и Александр понес Татьяну в палатку. Там уложил ее на простыню, запахнул рубашку, взял ведро и пошел к ручью за водой. Вернувшись, он разрезал полотенце на лоскуты, окунул в холодную воду и принялся смывать с ее лица и волос грязь и кровь.

– Тата, – шептал он, – сумасшедшая, что ты наделала!

Глаза ее открылись.

Теперь молодые люди молча смотрели друг на друга.

– Тата...

Ее рука потянулась к его щеке.

– Александр, – слабо, без удивления выдохнула она. – Я сплю?

– Нет.

– Наверное, все-таки сплю. Я... я видела во сне твое лицо. Что случилось?

– Ты в моей палатке. Что ты делала на станции в Луге? Немцы все разбомбили.

Татьяна ответила не сразу.

– Кажется, возвращалась в Ленинград. А что *ты* там делал?

Он мог бы солгать и хотел солгать. Недаром задыхался от гнева, недаром чувствовал себя обманутым и преданным. Преданным ею. Той, которая равнодушно его отвергла. Но правда была так очевидна.

– Я искал тебя.

Глаза ее наполнились слезами.

– Что это было? Почему мне так холодно?

– Ничего страшного, – поспешно заверил он. – Фельдшеру пришлось разрезать твои брюки и рубашку...

Татьяна поднесла руки к распахнутому вороту рубашки. Александр отвел глаза. Ему так хорошо удавалось притворяться там, у Кировского, но сейчас, когда он нашел ее живой, залитой кровью, с переломами, но живой, он больше не мог делать вид, что это ничего не значит, что спасение этой девочки ничего не значит, что сама она ничего не значит.

Она поднесла пальцы к лицу и уставилась на кровь:

– Это моя?

– Не думаю.

– Тогда что со мной? Почему я не могу шевельнуться?

– Ребра сломаны.

Она застонала.

– И нога тоже.

– Спина, – прошептала она. – С моей спиной что-то не так.

– Что именно? – встревожился Александр.

– Не знаю. Горит как в огне.

– Возможно, это ребра. Я как-то сломал ребро на финском фронте, в прошлом году, и спину тоже жгло.

– Вода течет...

Бросив мокрую тряпку в ведро, Александр спросил:

– Таня, ты меня хорошо слышишь?

– Угу.

– Можешь сесть?

Татьяна попыталась сесть, но не смогла. Она подняла на него растерянные глаза, сжимая края рубашки и майки.

Сердце Александра разрывалось. Он помог ей сесть.

– Давай я раздену тебя. Все равно это больше нельзя носить: все пропиталось кровью.

Татьяна покачала головой.

– Придется, – настаивал он. – Я взгляну на твою спину и оботру тебя водой. Если не обработать рану, можно получить заражение крови. Я смою кровь с твоих волос и туго забинтую ребра и ногу. Сразу почувствуешь себя лучше.

Она вновь покачала головой.

– Не бойся, – уговаривал Александр, привлекая ее к себе, и, когда она ничего не ответила, осторожно снял с нее блузку и майку.

Маленькое измученное тельце льнуло к нему, под руками горела покрытая кровью спина. Татьяна так нуждается в его заботе! А он так отчаянно мечтает заботиться о ней. Всегда...

– Где болит?

– Там, где ты трогаешь, – всхлипнула она. – Прямо под твоими пальцами.

Он перегнулся через ее плечо, чтобы лучше рассмотреть. Кровь в одном месте запеклась толстым слоем.

– По-моему, это просто порез. Сейчас вымою и посмотрю, но, думаю, ничего страшного. Александр прижал ее голову к груди, коснулся губами влажных волос.

Он положил ее на белую простыню. Прикрыв ладонями крошечную грудь, она опустила ресницы.

– Таточка, мне нужно умыть тебя.

Ее глаза оставались закрытыми.

– Позволь, я сама, – выдавила она.

– Ладно, но ты даже сидеть не можешь.

– Дай мне мокрое полотенце, и я сама все сделаю, – упиралась она.

– Тата, разреши мне поухаживать за тобой. Пожалуйста. – Он перевел дыхание. – Не бойся, я не причиню тебе зла.

– Знаю, – пролепетала она, не желая или не в силах поднять веки.

– Не волнуйся. Лежи как лежишь. Я все сделаю.

Он вымыл ей волосы, руки, живот, шею как мог тщательно под мерцающим светом керосиновой лампы. Татьяна громко застонала, когда он коснулся бока, представлявшего собой сплошной синяк.

Орудя тряпкой, Александр монотонно приговаривал:

– Когда-нибудь, не сейчас, но скоро, ты, если захочешь, объяснишь мне, что делала на вокзале во время бомбежки. Договорились? Подумай хорошенько, что мне сказать. Смотри, как тебе повезло. Ну-ка, подними руки. Сейчас вытру тебя и перебинтую ребра. Через несколько недель они сами заживут. Будешь как новенькая.

Татьяна, по-прежнему не открывая глаз, отвернула лицо и снова закрыла руками грудь. Александр стянул с нее разрезанные брюки, оставив в одних трусиках, и вымыл ноги. Она съезжилась и потеряла сознание, когда он дотронулся до места перелома. Он подождал, пока она придет в себя.

– Мне оторвало ногу? – простонала она сквозь зубы. – У тебя нет ничего, чтобы снять боль?

– Только водка.

– По части водки я не слишком сильна.

Когда он вытирал ей живот, Татьяна умоляюще прошептала:

– Пожалуйста... не смотри на меня... – Ее голос оборвался.

Его голос тоже дрожал.

– Все в порядке, Таточка, – произнес он и, нагнувшись, поцеловал верхушку мягкой груди, прикрытой ее ладонью. – Все в порядке.

Он никак не мог оторваться от нее. Пришлось долго уговаривать себя, прежде чем выпрямиться.

– Я должен перевернуть тебя. Вымыть спину.

– Я сама перевернусь.

– Не трать силы.

Он тщательно, бережно обтер ей спину.

– Как я и говорил, ничего страшного. Много порезов стеклом. Это ребра болят.

– Что же мне надеть? – взмолилась она, уткнувшись лицом в простыню. – Это все, что у меня есть.

– Не волнуйся, завтра что-нибудь отыщем.

Он перебинтовывал ее сзади, чтобы не видеть ее груди, которые она продолжала закрывать ладонями. Ему до смерти хотелось прижаться губами к ее плечу. Но он сдержался.

Потом он уложил Татьяну поудобнее, прикрыл одеялом и крепко перебинтовал ногу, обложив предварительно палочками.

– Ну как? – улыбнулся он. – Правда ведь легче? А теперь держись.

Она едва сумела поднять руки к его шее.

Александр перенес ее на свою походную койку, и Татьяна еще несколько секунд обнимала его, прежде чем отстраниться. Он бережно укутал ее шерстяным одеялом.

– П-почему мне т-так холодно? – спросила она, стуча зубами. – Эт-то значит, что я умираю?

– Нет, – заверил он, – все обойдется. Но нужно поскорее доставить тебя в город.

– Я не могу идти. Что же нам делать?

Легонько похлопав ее по ноге, он шепнул:

– Тата, главное, что мы вместе. Я обо всем позабочусь. Не волнуйся.

– Я и не волнуюсь, – едва улыбнулась Татьяна, пристально глядя на него в полумраке.

– Может, к завтрашнему дню починят дорогу. Всего три километра отсюда. Жаль, что у меня реквизировали грузовик. Но им он нужен больше. Нужно уходить на рассвете.

Он придвинулся чуть ближе:

– Где ты была до того, как оказалась на вокзале?

– Рыла окопы. Под огнем у немцев. Они на другом берегу.

– Знаю. Завтра или послезавтра они переправятся на наш. Поэтому нам нужно будет уйти на рассвете. Но сейчас тебе надо отдохнуть. – Он улыбнулся. – У меня есть примус. Сейчас наберу воды. И заварю тебе чай.

Он вынул из рюкзака бутылку водки и поднес к ее губам.

– Я не...

– Выпей, прошу. Тебе станет легче. Водка немного заглушит боль. Ты когда-нибудь что-то ломала?

– Руку, много лет назад, – пробормотала Татьяна и, передернувшись, хлебнула из бутылки.

– Почему ты отрезала волосы? – допытывался он, поддерживая ее голову и глядя на нее сверху вниз. Какая невыносимая мука – быть так близко от нее!

– Не хотела, чтобы они мешали. Я тебе противна?

Она смотрела на него своими огромными беззащитными глазами.

– Нет, – сипло сказал Александр.

Ему потребовалось сделать усилие над собой, чтобы не наклониться и не поцеловать ее. Пришлось поскорее убраться из палатки. Собраться с мыслями. Ее беспомощность и уязвимость заставили его дать волю так долго скрываемым чувствам, и теперь он оказался в их власти. Полностью. Окончательно.

Он отправился к ручью, вскипятил чай и вошел в палатку. Она полудремала-полубодрилась. Что бы он не отдал сейчас за ампулу морфия!

– У меня есть шоколад. Хочешь кусочек?

Татьяна легла на здоровый бок и стала посасывать шоколад. Александр сидел на траве, подняв колени к подбородку.

– Хочешь отдохнуть?

Он покачал головой:

– Почему ты решила на такое безумие, Таня?

– Хотела найти брата.

Она быстро глянула на него и отвела глаза.

– Но не лучше ли было вернуться в казармы и спросить меня?

– Я уже это сделала. Подумала, что, если бы ты знал что-нибудь, пришел бы и сказал.

А ты...

– Прости, – выдохнул Александр и увидел, как круглое личико побелело; она так пыталась быть храброй! – Таня, мне очень жаль, но Пашу послали в Новгород.

– О нет! – воскликнула Татьяна. – Пожалуйста, больше ничего не говори. Пожалуйста.

Ее трясло, и дрожь никак не унималась.

– Мне ужасно холодно, – пожаловалась она, кладя руку на его сапог. – Можешь напоить меня чаем, пока я не заснула.

Он придержал ее голову, а другой рукой поднес ко рту чашку.

– Я так устала, – пробормотала она, не сводя с него глаз. – Совсем как на Кировском.

Александр попытался отодвинуться, но она спросила:

– Куда ты идешь?

– Никуда. Просто устраиваюсь поудобнее. Переночую здесь, а завтра мы отправимся домой.

– Но ты замерзнешь. Ложись рядом.

Александр помотал головой.

– Пожалуйста, Шура, – всхлипнула она, протягивая руку. – Пожалуйста, побудь со мной.

Он не смог отказать, даже если бы и хотел. Задув лампу, он сбросил сапоги и грязную окровавленную гимнастерку, поискал в ранце чистую майку и лег рядом с Таней, накрыв их обоих одним одеялом.

В палатке царил непроглядный мрак. Он лежал на спине, а она – на левом боку, на сгибе его руки. Александр слышал треск кузнечиков. Слышал ее легкое дыхание. *Чувствовал* ее теплое дыхание плечом и грудью. *Чувствовал* ее обнаженное тело под своей ладонью. Голова кружилась.

– Таня!

– Да?

Ее голос дрожал.

– Ты устала? Слишком устала, чтобы поговорить?

– Не слишком.

– Начни сначала и не останавливайся, пока не дойдешь до станции Луга. Что с тобой приключилось?

И она рассказала все.

Он был потрясен и переспросил:

– Ты заползла под мертвецов, прежде чем вокзал обрушился?

– Да.

– Блестящий военный маневр, – одобрил Александр.

– Спасибо.

В тишине раздался тихий плач. Он прижал ее к себе:

– Мне в самом деле жаль твоего брата.

– Шура, – выговорила она так тихо, что ему пришлось напрячь слух, – помнишь, я рассказывала, как мы с Пашей ездили на озеро Ильмень в Новгороде?

– Помню, – кивнул он, глядя ее по голове.

– Тетя Рита, и дядя Борис, и моя двоюродная сестра Марина...

– Марина?

– Ты о чем?

– Та самая Марина, которую ты собиралась тогда навестить?

Он улыбнулся в темноте и ощутил, как она легонько толкнула его в живот.

– Да. У них дача на озере и лодка, и мы с Пашей гребли по очереди до другого берега. Я полпути, и он полпути. Однажды мы поссорились. Он не хотел уступать мне весла. Сначала спорил, потом кричал, потом так разозлился, что сказал: «На, получай весло, если хочешь!» Он швырнул в меня веслом и сбил в воду.

Татьяна вздрогнула. Александр услышал ее тихий смех.

– Я плюхнулась вниз, но сразу же выплыла, только не хотела, чтобы он понял, что со мной все в порядке, так что задержала дыхание, нырнула под лодку и услышала, как он зовет меня и все больше паникует, просто с ума сходит. Потом он бросился спасать меня, но я проплыла под лодкой, забралась на борт, подняла весло и свистнула. И едва он обернулся, треснула его по голове.

Татьяна вытерла слезы ладошкой, которая только что касалась Александра.

– Ну и конечно, он потерял сознание. Едва не пошел ко дну. Я увидела, как он опускается вниз, и сначала подумала, что он дурачится. Хотела посмотреть, на сколько он сможет задержать дыхание. Я была уверена, что ему до меня далеко. Прошла секунда... еще одна... Я вытащила его из воды. Сама не знаю, откуда силы взялись перевалить его через борт. Он лежал и стонал, что я ударила его слишком сильно. Мне пришлось грести до берега самой. Ну и получила я от родителей, когда те увидели шишку у него на макушке. Меня побили, поставили в угол, а он как ни в чем не бывало заявил, что вовсе не терял сознания и просто притворился.

Она снова заплакала.

– Знаешь, я все время жду, что появится Паша и скажет, что он разыграл меня.

– Танечка, в этот раз чертовы немцы слишком сильно ударили его веслом, – срывающимся голосом произнес Александр.

– Знаю. Мне так грустно и одиноко без него...

Она замолчала. Александр лежал, дожидаясь, пока Татьяна успокоится. Она не знала, как ему было одиноко без нее.

Татьяна вдруг приподнялась, пытаясь что-то спросить. Он погладил ее по голове:

– Что, Тата?

– Шура, ты заснул?

– Нет.

– Я тосковала по тебе... Каждый раз, выходя из проходной, искала тебя глазами. Ничего, что я так говорю?

– А я тосковал по тебе, – признался Александр, целуя светлый пушок на ее голове. – Ничего, что ты так говоришь.

Она молчала, медленно, нежно проводя рукой по его груди. Он притянул ее ближе. Она застонала от боли. Снова. Еще раз. Проходили минуты. Минуты. Часы.

– Шура, ты спишь?

– Нет.

– Я просто хотела сказать... спасибо, милый.

Глаза Александра смотрели в темноту, словно стараясь увидеть мгновения прошлой жизни: детство, отца с матерью, Баррингтон... Но он ничего не видел. Ничего не чувствовал, кроме прикосновений Татьяны, лежавшей на его затекшей руке и ласкавшей его грудь.

Ее пальцы замерли. Легли на его быстро бьющееся сердце. Губы легонько коснулись его рубашки.

Потом она заснула. А вслед за ней заснул и он.

Александр проснулся, когда небо за стенкой палатки окрасилось серо-голубым.

– Таня...

– Я проснулась, – шепнула она, не отнимая руки от его груди.

Он встал и пошел умываться к ручью. К Луге идти было опасно. Немцы стояли в семидесяти пяти метрах, на другом берегу. Пушки и танки были нацелены на советских солдат, спавших с прижатыми к шинелям винтовками. Александру повезло больше: он прижимал к себе Татьяну.

Вернувшись с водой в палатку, он усадил Татьяну, помог умыться и дал хлеба с остывшим чаем.

– Как ты себя чувствуешь? Бодра и весела? – улыбнулся он.

– Да, – пробормотала она, – пожалуй, допрыгаю на одной ножке до Ленинграда.

Судя по ее измученному лицу, она сильно страдала.

Александр пообещал скоро вернуться и отправился будить фельдшера – взять какую-нибудь одежду и лекарств. Лекарств не оказалось, но Марк отыскал платье одной из медсестер, погибшей несколько дней назад.

– Слушай, старшина, я прошу всего-то один паршивый кубик морфия, – произнес с досадой Александр.

– У меня его нет! – отрезал Марк. – За кражу наркотиков полагается расстрел. Даже если бы у нее началось внутреннее кровотечение, я все равно не дал бы морфия гражданскому лицу. Что ты хочешь – война. А если сейчас принесут раненого офицера?

Александр не ответил.

Он вернулся к Татьяне и надел на нее платье, стараясь не задеть ни бок, ни ногу.

– Ты очень хороший, – сказала она, положив ладонь на его щеку.

– Ты тоже, – признался он, прижимаясь щекой к ее ладони. – Очень больно? Выпей еще немного водки. Это хоть немного заглушит боль.

– Ладно, – согласилась она. – Все, что скажешь.

Он позволил ей сделать несколько глотков.

– Готова в путь?

– Оставь меня. Оставь и уходи. Рано или поздно мне найдут уголок в палатке с ранеными.

Люди умирают, места освобождаются.

– Думаешь, я прошел через все это, чтобы бросить тебя здесь?

Он сложил палатку, перекинул через плечо скатанные одеяла и шинель.

– Сейчас подниму тебя. Сможешь постоять на одной ноге?

– Да, – со стоном вырвалось у нее.

Стоя, она едва доходила ему до ключиц. Он изнывал от желания чмокнуть ее в макушку.

«Пожалуйста, не смотри на меня», – умолял он про себя.

Она стояла покачиваясь, с трудом сохраняя равновесие.

– Повесь на меня свой ранец, – попросила она. – Так будет удобнее.

Он послушался.

– Таня, сейчас я присяду, а ты хватайся за мою шею и держись. Поташу тебя на спине.

– А винтовка?

– Буду держать в руках. Давай, нельзя терять ни минуты.

Он присел и, когда она уцепилась за него, медленно встал:

– Готова?

– Да, – простонала она.

– Больно?

– Не очень.

Он пронес Татьяну три километра до станции, но оказалось, что пути еще не отремонтированы.

– Что теперь? – встревоженно спросила она, когда он остановился передохнуть.

Александр спустил ее на землю и дал попить.

– Придется идти до следующей станции.

– Сколько километров?

– Шесть.

– Нет, Александр. У тебя сил не хватит.

– Разве есть другой выход? – бросил он, присаживаясь перед ней. – Идем.

Они шли по лесной тропе, когда над верхушками деревьев пролетели самолеты. Будь Александр один, наверняка продолжал бы идти, но с Татьяной на спине... если упадет бомба, ее первую ударит осколком.

Он сошел с тропы, углубился в чащу и устроил Татьяну у поваленного дерева.

– Ложись, – велел он и сам лег рядом. – Повернись на живот и прикрой голову руками.

Она не пошевелилась.

– Не бойся, Таня.

– Как я могу бояться сейчас? – запинаясь, пробормотала она, кладя руки ему на грудь.

– Что? Хочешь, чтобы я помог? Мне следовало бы захватить твою каску.

– Александр...

– Теперь, когда настало утро, я вдруг снова превратился в Александра?

– О Шура... – тоскливо прошептала она.

И Александр не вытерпел. Наклонился и поцеловал ее. Ее губы были так же мягки, упруги и сладки, как он себе представлял. Татьяна затрепетала, но ответила на поцелуй с такой нежностью и страстью, что Александр невольно застонал. Он не грезит? Это ее руки сжимают его голову и не отпускают?

– О господи! – выдохнул он в ее полуоткрытые губы.

Свист снарядов отрезвил их. Верхушка стоящей рядом сосны загорелась, и горящие ветки едва не полетели на них. Он быстро повернул Татьяну на живот и прикрыл собой.

– Как ты? Не испугалась?

– Бомбы еще не самое страшное, – шепнула она в ответ.

Как только налет прекратился, Александр встал:

– Идем. Нужно успеть на поезд.

– Я тяжелая, – всхлипнула она, уткнувшись ему в спину.

– Не тяжелее моего ранца, – отдуваясь, заверил он. – Вперед. Мы скоро будем на месте.

Иногда винтовка задевала сломанную ногу, и Александр чувствовал, как она сжимается от боли. Но она ни разу не застонала и не вскрикнула, только в какой-то момент прислонилась головой к его спине. Хоть бы все обошлось!

Он пронес Татьяну шесть километров, под черным дымным небом среди тлеющих деревьев, до следующей станции. Хотя самолеты улетели, даже сюда доносилась артиллерийская канонада.

Добравшись до места, Александр положил девушку на землю и сам рухнул рядом. Она придвинулась к нему:

– Устал?

Он кивнул.

Они ждали. На станции было полно народа: женщины с детьми, престарелыми родителями и вещами. Мрачные, угрюмые и неразговорчивые. Александр вынул последний кусок хлеба и разделил с Татьяной.

– Нет, ешь сам, – отказалась она. – Тебе нужнее.

– Ты что-нибудь ела вчера? Ну конечно нет!

– Сырую картошку, чернику в лесу и шоколад, который ты мне дал.

Она положила голову ему на руку и закрыла глаза. Александр обнял ее за плечи.

– Все будет хорошо, – сказал он, целуя ее в лоб. – Вот увидишь. Подожди немного, и я отвезу тебя в больницу.

Как ни удивительно, но поезд пришел. В таких вагонах раньше перевозили скот, поэтому сесть было негде.

– Хочешь, подождем, может, придет пригородный поезд?

– Нет, – едва ворочая языком, ответила она. – Мне что-то нехорошо. Нужно поскорее добраться до Ленинграда. Пойдем. Я буду стоять на одной ноге.

Александр поднял ее на платформу и внес в вагон, до отказа заполненный людьми. Они оказались у открытой двери, так что могли рассматривать пронесившиеся мимо сельские пейзажи. Несколько часов они стояли, прижатые друг к другу. Татьяна опиралась на него, касаясь головой его груди, а Александр поддерживал девушку обеими руками, боясь сжимать слишком сильно. В какой-то момент он почувствовал, как она медленно сползает вниз.

– Нет, не смей, держись, – велел он, поднимая ее.

И она держалась.

Двери вагона оставались открытыми на случай, если кто-то захочет спрыгнуть. Поезд медленно двигался мимо полей и грязных дорог, забитых крестьянами, тащившими за собой скот, и беженцами, толкавшими тележки со всеми своими пожитками. Мотоциклы и автомобили пытались пробиться сквозь людские толпы. Выли сирены «скорых». Александр увидел, как помрачнело лицо девушки.

– О чем ты думаешь, Таточка?

– Почему эти идиоты тащат на себе остатки прежней жизни? Если бы я уходила, ничего не взяла бы с собой. Кроме себя.

– Неужели у тебя совсем нет вещей?

– Есть, но я ничего бы не взяла.

– Даже моего «Медного всадника»? Хотя бы это ты должна захватить.

– Разве что... – Она попыталась улыбнуться. – Либо ты бежишь, чтобы спастись, либо нагружаешься ненужным хламом, который только задерживает тебя, и подвергаешься смертельной опасности. Мы должны спросить себя: какова наша цель? Мы покидаем свой дом, чтобы начать новую жизнь? Или собираемся продолжать старую где-то в другом месте?

– Хорошие вопросы.

– Да.

Она задумчиво уставилась в пространство. Александр потерся щекой о ее короткие волосы. Из прежней жизни у него осталось лишь одно... Америка же словно не существовала... разве что в его памяти.

– И все же я хотела бы найти брата, – прошептала она.

– Знаю, – горячо подхватил Александр, – я тоже хотел бы найти его ради тебя.

Татьяна тяжело вздохнула, но ничего не ответила.

К вечеру поезд прибыл в Ленинград. Они тихо сидели на скамье, выходящей на Обводный канал, и ждали трамвая, который должен был отвезти Татьяну в госпиталь на Греческом проспекте, рядом с ее домом. Трамвай пришел.

– Хочешь ехать? – спросил Александр.

– Нет.

Они продолжали сидеть. Пришел второй трамвай.

– На этом?

– Нет.

Пришел третий.

– Нет, – покачала головой Татьяна еще до того, как он успел спросить, и прислонилась к его плечу.

Прошло еще четыре трамвая, а они все сидели, не разговаривая, глядя на канал.

– Скоро, совсем скоро, – вдруг сказала Татьяна, – на следующем трамвае, ты вернешь меня в старую жизнь.

Александр не ответил. Татьяна тихо спросила:

– Что нам делать?

Александр молчал.

– В тот день, у Кировского, когда мы поссорились... у тебя был план?

Он хотел вывезти ее из Ленинграда. Здесь небезопасно.

– В общем, нет.

– А я в этом сомневаюсь.

Прошел очередной трамвай.

– Шура, что я скажу родным о Паше?

Стиснув зубы, он коснулся ее лица:

– Скажи, что тебе его жаль. Скажи, что сделала все возможное.

– А что, если он жив и сейчас, как и я, находится где-то там?

– Ты не где-то. Ты со мной.

Татьяна сглотнула слезы.

– Да, но до вчерашнего дня я тоже была где-то... – Она с надеждой уставилась на него. –

Может такое быть?

– Ах, Таня, – покачал головой Александр.

Она отвела глаза:

– Ты долго искал меня?

– Не очень.

Он не хотел признаваться, что обшарил всю округу.

– Откуда ты узнал, что я могу оказаться в Луге?

– Я был и в Толмачеве.

– Но как ты догадался, где я вообще могу находиться? – допытывалась Татьяна.

Неужели она не понимает, как мучит его?

– Послушай... это Даша попросила меня найти тебя.

– Вот как? – Лицо Татьяны сразу погасло. – Вот как?

Она поспешно отодвинулась.

– Тата...

– Смотри. Наш трамвай, – перебила она, пытаясь подняться. – Поедем.

Александр взял ее за руку:

– Давай помогу.

– Не нужно, – отказалась она, но все же оперлась на него и попрыгала на одной ножке к трамваю, кряхтя от боли.

Двери открылись.

– погоди. Я помогу.

– Я же сказала, все хорошо.

– Стой, – уже тверже велел он. – Иначе я тебя отпущу.

– Отпускай.

Александр раздраженно вздохнул и загородил ей дорогу:

– Перестань прыгать! Помни о своих ребрах! Держись за меня, и я внесу тебя внутрь.

Когда они уже сидели в трамвае, Александр спросил:

– Почему ты расстроилась?

– Вовсе нет.

Он обнял ее, но Татьяна стоически отвернулась к окну.

Через пятнадцать минут полного молчания они оказались в госпитале на Греческом. Александр внес ее внутрь, где медсестры немедленно нашли свободную койку, переодели в чистую рубашку, сделали укол болеутоляющего.

– Ну как, тебе получше? – улыбнулся Александр. – Через минуту придет доктор. Он совместит осколки, наложит гипс, и ты поспишь. А мне пора. Я сообщу твоим, где тебя искать, а потом отправлюсь за своими людьми. Они, конечно, застряли в Луге.

– Спасибо, что помог мне, – холодно откликнулась Татьяна, откинувшись на подушку.

Александр сел на край койки. Татьяна отвернулась, но он силой повернул ее лицо к себе. В зеленых глазах стояли слезы.

– Тата! Ну зачем ты так? Если бы Даша не сообщила мне, я не стал бы тебя искать. Не знаю почему, но так должно было случиться. Зато ты дома и скоро выздоровеешь. – Он погладил ее по щеке. – Понимаю, тебе много пришлось выстрадать, ты больна...

Она шмыгнула носом, пытаясь снова отвернуться, но он не позволил. Всепоглощающая нежность захлестнула его как девятый вал.

– Ш-ш-ш... иди ко мне, – шепнул он, обнимая ее. – Таня, какие бы вопросы ты ни хотела задать, ответ будет «да». На все сразу.

Он поцеловал ее волосы, но она попыталась вырваться.

– У меня нет вопросов, – бесстрастно ответила она. – Все ответы я уже получила. Ты сделал это для Даши. Она будет крайне признательна тебе.

Александр, покачивая головой, недоверчиво рассмеялся и отпустил Татьяну.

– Я и целовал тебя ради Даши?

Татьяна побагровела.

– Таня, – спокойно сказал он, – не стоило поднимать этот разговор. Особенно после того, через что мы прошли вместе.

– Ты прав. Нам вообще не о чем разговаривать, – бросила она, отказываясь взглянуть на него.

– Почему же, есть. Только не об этом.

– Уходи, Александр. Уходи и расскажи сестре, как ты спас меня ради нее.

– Нет, не ради нее, – произнес он. – Ради себя. И ты несправедлива, Таня.

– Знаю, – печально кивнула она, глядя на одеяло.

Александр взял руку Татьяны, борясь с собой, чтобы снова не поцеловать ее, не причинить новой боли ей и себе. Сердце болело так, что говорить не было сил. Он прижался губами к ее дрожащей ладони, а потом ушел.

Распяты в пространстве

1

После ухода Александра Татьяне захотелось плакать, да и бок ужасно болел. Она закрыла руками лицо и застыла. Вошла медсестра Вера и стала ее утешать:

– Ну-ну, все прекрасно. Скоро придут родители. Не плачь, только хуже будет. Лучше поспи. Я дам тебе снотворного.

– Не могли бы вы сделать мне укол морфия?

– Уже. Сколько тебе еще надо? – хмыкнула Вера.

– Кило, а лучше два.

Но ей все же удалось заснуть. Когда она открыла глаза, вокруг сидела вся семья с растерянно-счастливыми лицами. Даша держала ее за руку. Мама вытирала лицо. Бабушка взволнованно дергала деда за руку. Папа укоризненно взирал на обретенную дочь.

– Тата, ты была без сознания два дня, – сообщила Даша, целуя ее.

Мама гладила ее пальцы.

– Зачем ты все это затеяла? – причитала она.

– Хотела найти Пашу, – призналась девушка, стискивая руку матери. – Простите, что не смогла.

– Таня, что за вздор ты несешь? – воскликнул папа, подходя к окну. – Чему тебя учили в школе? Ни грана здравого смысла!

– Танечка, милая наша девочка, ангел наш, – вмешалась мама, – что бы мы делали, если бы потеряли и тебя?! Как после этого жить?

Она всхлипнула. Отец велел ей прекратить молоть чепуху.

– Мы не потеряли Пашу! В город постоянно возвращаются добровольцы. Надежда еще есть.

– Скажи это Нине Игленко! – огрызнулась Даша. – Воеет по своему Володе на всю квартиру. В коридор выйти невозможно!

– У Нины четверо сыновей, – угрюмо бросил отец, – которые уйдут на фронт, если война будет продолжаться. Ей следует к этому привыкать. – Он опустил голову. – Но у нас был единственный сын, и я не могу его потерять.

Будь у Татьяны силы, она отвернулась бы от всех. Как рассказать им правду о том, чему она стала свидетелем? Как ловила последние вздохи умирающих, видела горящих заживо людей, изуродованных детей, горы трупов и развалины? Ей никто не поверит. Да она и сама с трудом себе верила.

– Ты и в самом деле рехнулась, Татьяна, – заметила Даша. – Провести нас всех через ад и заставить рисковать жизнью моего бедного Сашу! Это я умоляла его отправиться на поиски. Он не хотел. Ему пришлось действовать через голову своего непосредственного начальника.

– Татьяна, – вставил дед, – он спас тебе жизнь.

– Правда? – пролепетала она.

– Ах, несчастная, – вздохнула мама, растирая Танины руки, – ты ничего не помнишь. Гоша, она ничего не помнит. Что же тебе пришлось вынести!

– Мама, ты не слышала? Разбомбили здание вокзала, где она пряталась. Александр вытащил ее из-под развалин.

– Этот человек, Дашенька, он чистое золото! – воскликнул отец. – Где ты его нашла? Держись за него.

– Обеими руками, папа.

В этот момент появилось «чистое золото» в компании Дмитрия. Все семейство бросилось ему навстречу. Отец и дед энергично трясли его руки, мама и бабушка обнимали. Даша притянула к себе его голову и поцеловала в губы. Раз. Другой. Третий. Последний поцелуй длился бесконечно.

– Довольно, Дарья, – строго велел папа. – Дай ему отдышаться.

Дмитрий подошел к Татьяне и обнял за плечи. Глаза светились сочувствием и весельем.

– Ну, Танечка, – шепнул он, целуя ее в лоб, – похоже, тебе очень повезло.

– Татьяна, думаю, ты должна кое-что сказать Александру, – торжественно объявил отец.

– Его собираются наградить еще одной медалью за доблесть, – фыркнул Дмитрий. – Устроив Татьяну, он вернулся за своими людьми, привез одиннадцать человек из двадцати обратно, притом большинство из них были штатскими, необученными и неопытными новичками. Результат даже лучше, чем в Финляндии, правда, Саша?

– Как ты себя чувствуешь, Таня? – не отвечая на вопрос, спросил Александр и подошел ближе.

– Погодите, что случилось в Финляндии? – перебила Даша, прилипшая к руке Александра.

– Как ты себя чувствуешь? – повторил тот.

– Лучше не бывает, – буркнула Татьяна, не в силах поднять на него глаз, и улыbnулась матери. – Со мной все хорошо, мама. Я скоро буду дома.

– Что случилось в Финляндии? – повторила Даша, все еще не отходя от Александра.

– Я не желаю об этом говорить, – отрезал он.

– Тогда я сам расскажу, – жизнерадостно сообщил Дмитрий. – Он привел назад только четверых из тридцати своих людей, однако каким-то образом ухитрился даже поражение превратить в победу. Медаль и повышение в чине. Разве не так, Саша?

– Как твоя нога? – допытывался Александр, по-прежнему не обращая внимания на приятеля.

– Прекрасно. Скоро буду как новенькая.

– Не скоро! – воскликнула мать. – В сентябре. Гипс снимут только в сентябре! Что ты будешь делать?

– Вероятно, – пожала плечами Татьяна, – пробуду в гипсе до сентября.

Мама, покачивая головой и шмыгая носом, трагически воскликнула:

– Подумать только, Александр нес ее на спине, Гоша, на спине! – Она схватила Александра за руку и принялась трясти. – Чем мы можем отблагодарить вас?

– Какие там благодарности! – отмахнулся Александр, улыбаясь расстроенной женщине. – Позаботьтесь лучше о Тане.

– Хорошо еще, что наша Таня больше трех кило не весит, – хихикнула Даша.

– Поблагодари его, Таня, – настаивал папа, изнемогая от волнения и признательности. – Ведь он спас тебе жизнь!

Растянув губы в фальшивой улыбке, она каким-то образом умудрилась взглянуть в глаза Александру:

– Спасибо, старший лейтенант.

Дмитрий так сильно сжал ее пальцы, что она поморщилась. Прежде чем Александр успел ответить, Даша снова повисла у него на шее:

– Господи, сколько ты сделал для нашей семьи! Не могу выразить, как мы тебе благодарны.

Она едва не терлась об него всем телом. Татьяне стало совсем плохо. Но своевременное появление медсестры спасло ее от обморока. Та велела всем покинуть палату.

Дмитрий наклонился и приник резиновыми губами к губам Татьяны:

– Доброй ночи, дорогая. Я приду завтра.

Ей хотелось кричать.

Перед уходом Даша поправила одеяло Татьяны и подложила подушку под ее ногу. Татьяна давно не видела ее такой возбужденной.

– Таня, если Бог есть, спасибо ему за тебя. После того как Саша принес тебя, мы долго говорили. Мне удалось убедить его вернуться ко мне. Я сказала: «Что нам терять, ведь война так близко. Посмотри, что ты сделал ради меня, вряд ли ты пошел бы на такое, если бы не питал ко мне никаких чувств». А он ответил: «Даша, я никогда не говорил, что не питаю к тебе никаких чувств».

Даша поцеловала сестру в лоб:

– Спасибо, милая детка, спасибо за то, что оставалась живой, пока он не нашел тебя.

– Рада за тебя, – глухо пробормотала Татьяна.

Если он снова вошел в Дашину жизнь, значит сама она хоть изредка тоже будет его видеть. Почему же на душе у нее так пусто?

– Таня... как ты думаешь... Паша жив... и где-то прячется?

Перед глазами Татьяны поплыли листовки, падающие с неба, как конфетти, снаряды, осыпающие землю дождем осколков, неумолимые дула пушек и тупые рыла танков, нацеленные на нее и Александра. И на Пашу.

– Вряд ли, – выдохнула она, закрывая глаза.

Что бы там ни было, она ощущала, что безвозвратно потеряла брата. Она лежала зажмурившись, сама не зная сколько времени, пока не услышала скрип двери.

Татьяна встрепенулась. На кровати сидел Александр. Каким образом ему удалось так бесшумно пройти по палате?

– Что ты здесь делаешь?

– Пришел посмотреть, как ты тут.

– Только что расстался с Дашей?

Он кивнул.

– Иду в Исаакиевский собор. Дежурю на куполе, на случай воздушных налетов. До часу. Должен сменить Петренко. Он хороший друг и прикроет меня, если немного опоздаю.

– Что ты здесь делаешь? – повторила Татьяна.

– Хотел убедиться, что у тебя все хорошо. И еще хотел поговорить насчет Даши...

– У меня все хорошо. Честно. И тебе не стоило этого делать. Я имею в виду, являться сюда. Даша права: я и без того дров наломала. Опоздаешь на пост, и на тебя наложат взыскание.

– Обо мне не волнуйся. Главное – как ты себя чувствуешь?

– Я уже сказала: прекрасно, – сказала она, сверкая глазами. – А ты настоящий герой! Моя семья думает, что Даше крупно повезло.

– Тата...

– Она сказала, что вы снова решили быть вместе, – с вымученной веселостью пробормотала Татьяна. – Почему бы и нет? Когда война так близко, что вам терять, так ведь? Весь этот лужский кошмар, как выяснилось, имел обратную сторону.

– Тата...

– Я тебе не Тата! – отрезала она.

Александр вздохнул:

– Ну что ты прикажешь мне делать?

– Оставь меня в покое, Александр.

– Разве я могу...

– Не знаю. Советую найти способ. И видишь, как разволновался Дмитрий? Все его лучшие качества проявились в трудную минуту. Никогда не думала, что он может быть таким добрым.

– Ну да. До такой степени, что смеет целовать тебя, – закончил, потемнев от злости, Александр.

– Но он действительно очень добр.

– А ты ему позволяешь.

– По крайней мере, я не *вешаюсь ему на шею, как некоторые*.

Александр с шумом втянул в себя воздух. Татьяна съежилась. Она не могла поверить, что способна на такое.

– Что? – со злостью бросил он. – Значит, вот как обстоят дела?

Вошедшая медсестра приоткрыла дверь, чтобы впустить немного свежего воздуха.

Когда они снова остались одни, Александр в отчаянии воскликнул:

– Чего ты хочешь от меня? Я с самого начала говорил: лучше в эту игру не играть. Но сейчас слишком поздно. Сейчас Дмитрий... – Он осекся и покачал головой. – Теперь все окончательно запуталось.

У нее в голове вертелась одна и та же мысль: ах, если бы он снова поцеловал!

– И поэтому я в третий раз тебя спрашиваю, – рассерженно фыркнула она, – что ты здесь делаешь?

– Не расстраивайся.

– Я не расстраиваюсь.

Александр протянул руку. Она отвернулась.

– Вот как! – запальчиво воскликнул он, вставая. – От *меня* ты отворачиваешься.

Он ринулся к двери, но у самого порога остановился:

– К твоему сведению, ты вряд ли сможешь повиснуть у него на шее. Он не выдержит твоего веса.

Энергичная Вера сообщила Татьяне, что той придется остаться в больнице до середины августа, пока ребра не заживут настолько, чтобы можно было встать на костыли. Большая берцовая кость была сломана в трех местах, так что гипс наложили от колена до пальцев ног. Родные приносили ей поесть, а отсутствием аппетита девушка никогда не страдала. Бабушка пекла пирожки с капустой, жарила куриные и говяжьи котлетки, пекла пироги с черникой, которые Татьяна ела не очень охотно: слишком живы были в памяти те дни, когда она сидела на одной чернике.

Сначала отец с матерью приходили каждый день. Потом через день. Иногда врывается Даша, веселая, здоровая, счастливая, под руку со старшим лейтенантом Беловым. Время от времени являлся Дмитрий, обнимал Татьяну за плечи, о чем-то говорил и вскоре удалялся вместе с парочкой.

Как-то вечером, когда все четверо играли в карты, чтобы убить время, Даша сообщила, что дантист эвакуировался в Свердловск и просил ее поехать с ним, но она отказалась и нашла работу на той же фабрике по пошиву обмундирования, где трудится мать.

– Теперь никто меня не эвакуирует. Я тоже тружусь на благо фронта! – гордо заявила она, улыбаясь Александру и показывая сестре пригоршню золотых зубов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.